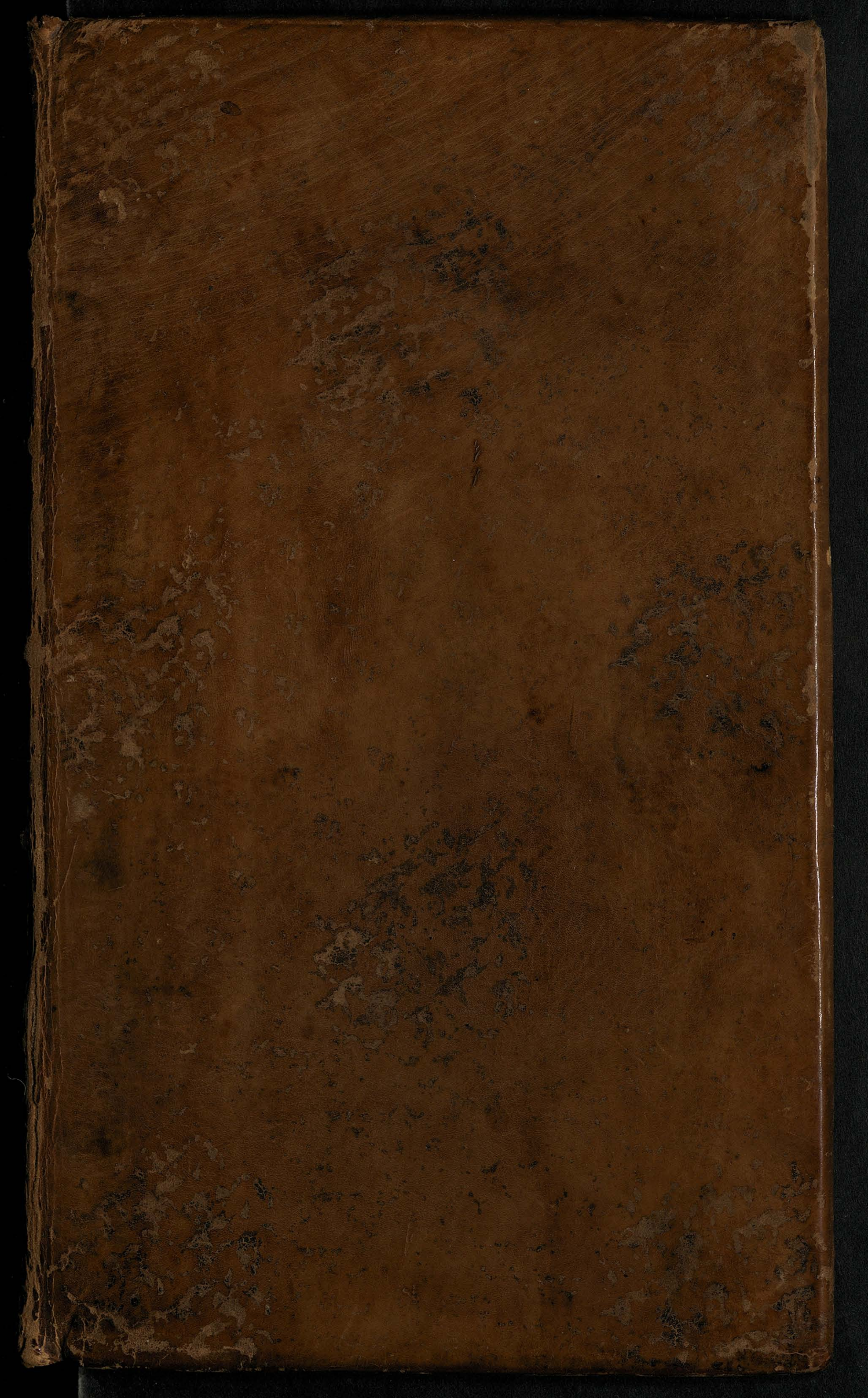

МК 71-8°
84Б

3-й экз.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
КЪ
ИСТИННОМУ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМУ СЧАСТІЮ,
ИЛИ
ОПЫТЪ
НРАВОУЧИТЕЛЬНЫХЪ И ОТЧАСТИ ФИЛОСОФИЧЕСКИХЪ
РАЗСУЖДЕНІЙ
О
БЛАГОПОЛУЧІИ
ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
И
О СРЕДСТВАХЪ
КЪ ПРІОБРѢТЕНІЮ ОНАГО.

Часть II.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
№ 1774
ДУХОВНОЙ СЕМ.НАРІ

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1784 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Путеводитель къ истинному человѣческому счастію часть II, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

Оглавленіе II части.

Стран.

РАЗСУЖДЕНІЕ XII.

Содержащее въ себѣ подробнѣйшее и общее, хотя краткое, руководство къ исправленію нашему, или показаніе практическихъ способовъ къ побѣжденію страстей и къ увеличиванію хорошихъ склонностей.

Вотъ теперь дошелъ я наконецъ до особаго пункта и начинаю писать одну піэсу, о которой уже и не осмѣливаюсь васъ, дорогой читатель, просить, чтобъ вы ее удостоили прочтеніемъ и благосклоннымъ своимъ вниманіемъ. Сказываю вамъ напередъ, что она велика, и такъ велика, что одинъ видъ оной легко многихъ устрашить и охоту отъ чтенія отогнать можетъ. И какъ я не знаю, какого рода къ читателямъ вы принадлежите, то для самаго того и боюсь васъ утруждать моею прозьбою, а паче предаю на вашу волю. Хотите оную читайте, хотите нѣтъ!

Естьли находитесь въ нестроеніи и сами съ собою не соглашаетесь въ мысляхъ въ томъ, читать ли вамъ оную, или не читать, то скажу вамъ на сіе: естьли вы не имѣете слишкомъ великаго отвращенія отъ длинныхъ сочиненій; естьли вы не привыкли читать одни только романы и сказочки; естьли не противна вамъ нравоучительная и важная матерія; естьли любите истинную свою пользу и не такъ ее забываете, чтобъ и одна строка нравоученія въ состояніи была нагнать на васъ скуку и зѣвать заставить; естьли не сочли вы предслѣдующее разсужденіе пустошью и однимъ только враньемъ наполненнымъ; естьли въ состояніи оно было возбудить въ васъ любопытство узнать далѣе, что собственно такое вся аллегорія моя значила; естьли хотите вы узнать, какими собственно средствами должно человѣку себя исправлять и уменьшать въ себѣ нравственное зло, или, какъ иные называютъ, моральное худо, и видѣть ко всему тому общее и ближайшее руководство; однимъ

однимъ словомъ: естьли вы исправленіе испорченной своей натуры не почитаете такою вещію, которая бы не достойна была вниманія и примѣчанія, и не всѣ ваши минуты свѣтскими и житейскими помышленіями такъ заняты, чтобъ вы не могли и нѣсколько ихъ оторвать на помышленіе о душевномъ своемъ состояніи, или лучше сказать прямо о себѣ, то читайте, и отваживайтесь смѣло на сей трудъ, въ которомъ можетъ быть вы послѣ не раскаетесь. Новость нѣкоторыхъ, содержащихся въ сей піэсѣ, разсужденій и совѣтовъ можетъ быть болѣе васъ увеселитъ и будетъ пользовать, нежели вы думаете.

Напротивъ того, естьли духъ вашъ такъ нѣженъ, что не можетъ сносить ни малыхъ трудностей; естьли вкусъ вашъ такъ деликатенъ, что находитъ только сладость въ сказочкахъ и романахъ, или по крайней мѣрѣ въ стишкахъ, эклогахъ, и тому подобныхъ стихотворствахъ, грубо-

сти же нравоученія ни коимъ образомъ терпѣть не можетъ; и потому не зѣвая не можете вы прочесть и одной страницы важной матеріи; или естьли заняты вы толь многими житейскими заботами, дѣлами и попеченіями, что они и теперь уже вамъ на ухо шепчутъ, что вамъ время возвратиться къ своимъ упражненіямъ, и давно уже пора согнуть сію книгу и бросить въ уголъ; естьли глава ваша наполнена уже и теперь иными помышленіями о тысящи вещахъ и надобностяхъ, и они тянутъ и отвлекаютъ уже васъ отъ чтенія сего силою, и увѣряютъ, что вы уже и такъ замедлились, и время невѣдомо сколько на пустяки потратили; вы же давно привыкли уже слѣдовать одному только ихъ гласу и повиноваться однимъ только ихъ повелѣніямъ; то пожалуйте не читайте, но ступайте туда, куда зовутъ васъ мысли и желанія. Я не хочу вамъ дѣлать помѣшательства и васъ останавливать, а того меньше подать вамъ поводъ къ упущенію чего нибудь нужнаго. Легко

стать

статься можетъ, что въ сіе время либо конюхи ваши, либо псари, либо портные и сапожники и другіе мастеровые, либо прочіе служители ваши сдѣлать могутъ какую нибудь важную для васъ и такую погрѣшность, которую вы невѣдомо какъ бѣдою и несчастіемъ почесть можете. И такъ не хочу, чтобъ отъ меня пришли вы послѣ въ досаду и въ гнѣвъ, и самаго меня и вранье мое послѣ за удержаніе васъ не благословили изрядною и модною клятвою. Нѣтъ! нѣтъ! сего право мнѣ не хочется. Я не для того пишу, чтобъ меня бранили, и для того еще разъ повторю, пожалуйте не читайте, а ступайте туда, куда надобно, или думайте и предпринимайте, что вамъ угодно. Я васъ ни мало не удерживаю. А сіе читать оставляйте тѣмъ, которые имѣютъ не столь благородныя мысли, какъ вы, но заражены тою глупою подлостію, которую вы презираете и надъ которою вы слишкомъ увышенными себя почитаете, то есть: кои не забываютъ того, что они человѣки суть;

не сами себя сдѣлали, не по пустому живутъ на свѣтѣ, и кои по глупому заблужденію за долгъ себѣ почитаютъ помышлять когда нибудь и о истинной и душевной своей пользѣ.

И такъ, оставляя васъ, милостивые мои государи, упражняться благополучно въ своихъ дѣлахъ и ими забавляться, обращу рѣчь мою къ симъ послѣднимъ, и скажу слова два три о семъ разсужденіи.

Вы, государи мои, и буде дозволите мнѣ такъ себя назвать, любезные мои товарищи, пожалуйте не устрашайтесь длиною сего сочиненія, но предпринимайте смѣло оное читать и не бойтесь утомиться. Оно такъ расположено, что можно вамъ разъ съ десять остановиться, буде вы утомитесь, и откладывать чтеніе до другаго часа, или дня. О! какъ бы я желалъ, чтобъ вы сіе, но въ иномъ только разумѣ, сдѣлали! то есть: естьлибъ при концѣ каждаго отдѣленія останавливались, но не для того, чтобъ

уто-

утомленіе васъ къ тому побуждало, но для краткаго помышленія о томъ и напоминанія того, что въ нихъ писано и для внятнѣйшаго затверживанія того на память. Коль щастливъ бы я былъ, естьлибъ чрезъ сіе осталось у васъ что нибудь въ памяти, и показавшись болѣе примѣчанія достойнымъ, побудило васъ потомъ испытать въ дѣйствительной практикѣ и увѣриться въ томъ своимъ опытомъ!.... Щастіебъ мое въ томъ состояло, что труды мои не пропалибъ тщетно, но принесли вамъ хотя нѣкоторую малую пользу, которой впрочемъ принесть вамъ они не въ состояніи будутъ, естьли вы, всколзь оныя прочитавъ и равно какъ на почтѣ проскакавъ, все видѣнное и слышанное того момента опять позабудете. Такого чтенія хотѣлъ бы я, чтобъ и вы, государи мои, ихъ не удостоивали; ибо для меня будетъ сіе не великая утѣха.

Теперь, чтобъ излишнимъ болтаніемъ не увеличить болѣе и безъ того пространнаго сочиненія, приступая къ

дѣлу скажу, что въ семъ разсужденіи содержаться будетъ ближайшее разобраніе всѣхъ тѣхъ разныхъ душевной нашей войны обстоятельствъ, о которыхъ я въ предслѣдующемъ разсужденіи вскользь упомянулъ, съ пріобщеніемъ къ тому нужнѣйшаго краткаго и такого руководства, какое подать мнѣ мѣсто могло дозволить. Для лучшаго порядка раздѣлилъ я оное на столькожъ отдѣленій, сколько было разныхъ обстоятельствъ, или сколько главныхъ и общихъ правилъ при исправленіи нашемъ наблюдать слѣдуетъ. И теперь приступлю къ началу.

I.

Первымъ и начальнымъ обстоятельствомъ при описаніи въ предслѣдующемъ разсужденіи духовной войны положилъ я то, чтобъ разуму и произволу нашему стараться узнать всѣ касающіяся обстоятельства до бунтовщиковъ въ подробности. Это значитъ не иное что, какъ то, что буде мы хотимъ себя исправить и привесть внутреннее души нашей состояніе

ніе въ лучшее совершенство, то необходимо и прежде всего надобно намъ въ самихъ себя войти и стараться узнать, какія собственно господствуютъ въ насъ худыя склонности и желанія, и которыя изъ нихъ другихъ сильнѣе и дюжѣе, то есть, которыя наиболѣе въ дѣлахъ нашихъ имѣютъ участіе и насъ къ худымъ поощряютъ, или владѣютъ нами, и сколь много превзошли они нашу силу, то есть дѣйствіе произвола. Легко можно усмотрѣть, что безъ сего предварительнаго познанія ни коимъ образомъ не можно съ успѣхомъ приступать къ дѣлу и къ истребленію оныхъ; ибо можно ли съ успѣхомъ драться съ непріятелями и стараться ихъ одолѣть, когда не будемъ знать ни числа оныхъ, ни силы, ни другихъ, касающихся до нихъ, обстоятельствъ. Не то же ли въ семъ случаѣ выдетъ, какъ быть въ глухую и самую темную полночь атаковану въ лѣсу толпою разбойниковъ и хотѣть отъ нихъ не только обороняться, но ихъ еще преодолѣть. Для сихъ причинъ можно первымъ и началь-

нымъ правиломъ при исправленіи нашемъ почесть слѣдующее.

1. Старайся прежде всего въ самаго себя войти и узнать всѣ господствующія въ тебѣ худыя склонности и желанія, страсти и привычки.

Вотъ правило, котораго важность я довольно изобразить не въ состояніи, и въ разсужденіи котораго желалъ бы я, чтобъ оно всѣми, любящими истинную свою пользу, было болѣе уважаемо, нежели какъ то въ самомъ дѣлѣ бываетъ. Могу сказать, что оно старинное и такое, которое внушаемо было всѣми бывшими на свѣтѣ нравоучителями, и притомъ такого рода, что оно должно почитаемо быть всему нашему исправленію начальнымъ фундаментомъ, или основаніемъ, и безъ котораго все прочее не годится.

Но сколь оно ни важно, но къ сожалѣнію должно признаться, что оно всего меньше наблюдается. Всѣ оное довольно знаютъ; всѣ съ младенчества на-

наслышались, и ежедневно почти его слышатъ, и многіе увѣрены о великой важности онаго, но немногіе приступаютъ къ блаженному сему дѣлу, а того меньше совершенно оное наблюдаютъ; но большая часть препровождаютъ всю жизнь ни мало о томъ не помышляя, и въ цѣлыя десятки лѣтъ ни однажды не находятъ время къ тому собраться, равно такъ, какъ бы они заклялись никогда себя не знать, а только въ узнаваніи другихъ и постороннихъ, и далеко не столь важныхъ вещей препровождать все свое время, и въ томъ одномъ трудиться. Но что казалося бы нужнѣе, и что важнѣе и необходимо надобнѣе того, какъ самихъ себя знать и помышлять о томъ, въ какомъ состояніи въ разсужденіи душевныхъ совершенствъ, какъ вѣчнаго нашего стяжанія, мы живемъ и находимся? Не ужъ ли одно только тѣло наше, сія бренная вещь, достойна нашего вниманія, а безсмертная душа, которою мы живемъ, движимся и есмы, той чести отъ насъ не заслуживаетъ? .... Другіе хотя не столь

въ

вѣ семѣ случаѣ нерадивы и нѣсколько о томѣ уже стараются, но старанія ихѣ далеко несовершенны и такого свойства, что дальней, или вовсе никакой пользы не приносятѣ; потому что они предпринимаютѣ сіе дѣло безѣ дальнѣйшихѣ намѣреній и остаются при одномѣ только познаніи, а далѣе ничего не дѣлаютѣ и не пользуются онымѣ, отѣ чего труды ихѣ пропадаютѣ тщетно. Третьи предпринимаютѣ дѣло сіе совсѣмѣ развратнымѣ образомѣ, то есть: разсуждаютѣ о себѣ слишкомѣ пристрастно, и тѣмѣ смѣшнымѣ образомѣ сами себя только обманывать стараются, и тѣмѣ не пользу, а вящшей только вредѣ себѣ причиняютѣ. Но что о семѣ много говоритѣ? Кому не извѣстно, коль велико общее всѣхѣ насѣ о семѣ пунктѣ нерадѣніе, и надобно ли изьяснять то далѣе и слова тратить по пустому; ибо вѣдаю, что сколькобѣ я ни говорилѣ, но многіе люди, привыкшіе слова самаго Бога мимо ушей пускать и оныя примѣчанія и вниманія своего не удостоивать, конечно не похотятѣ удостоить вниманія

манія своего слова слабаго и равнаго себѣ сочеловѣка. Чего ради, умолчавъ о томъ, буду говорить что нибудь нужнѣйшее.

Ежели хотите, любезной читатель, знать, отъ чего бы въ насъ такое нерадѣніе о самихъ себѣ происходило, то похвалю въ семъ случаѣ ваше любопытство. Это знакъ мудраго и благоразумнаго человѣка, когда онъ всякому дѣлу и вещи *старается* узнавать и разсматривать первѣйшую причину. Чего ради охотно васъ въ семъ случаѣ удовольствую и скажу, что я о томъ думаю. Я нахожу, что наиглавнѣйшею причиною тому усилившееся и съ пути сбившееся природное наше стремленіе къ совершенству, или, короче сказать, ложное и поврежденное самолюбіе съ его отродіями. Оно побуждаетъ человѣка смотрѣть всегда на себя съ хорошей стороны, худую же пускать всегда мимо глазъ, для того что и помышленія объ оной ему крайнѣ противны и его раздражаютъ. Однимъ словомъ, самое сіе испортившееся стре-

стремительство составляетъ одно изъ главнѣйшихъ и притомъ наихитрѣйшаго, сильнѣйшаго и такого бунтовщика, которой, будучи главою многимъ партіямъ, между прочимъ неусыпно о томъ бдитъ и старается, чтобъ всякими происками не допустить разумъ нашъ, то есть самихъ насъ, до познанія и распровѣдыванія ихъ силы и всего состоянія, вѣдая довольно, что отъ того всего скорѣе имъ подрывъ учиниться можетъ. Чего ради и внушаетъ онъ намъ во всякое время, что мы такъ хороши, такъ совершенны, какъ лучше требовать не можно, и старается насъ увѣрить, что въ насъ ничего худаго нѣтъ, что все въ насъ хорошо, и ничто исправленія не требуетъ. Хитрости, которыя онъ къ тому отчасти самъ собою, отчасти чрезъ единомышленниковъ своихъ, такихъ же мятежниковъ и бунтовщиковъ, какъ то, склонностью къ темнымъ понятіямъ, къ предразсудкамъ, внутреннему невниманію, лѣнью, чувственностью, упрямствомъ, сластолюбіемъ, честолюбіемъ, высокоуміемъ

уміемъ и многими другими употребляетъ, неизчетны и непостижимы. Ибо всѣ сіи готовы ему помогать, какъ скоро онъ того только потребуетъ, и какъ скоро предвидится какая опасность и востребуется надобность. А отъ всего того и происходитъ, что человѣкъ всегда имѣетъ отъ внутренняго самаго себя познанія отвращеніе и какъ огня того бѣгаетъ, но и насмерть терпѣть не можетъ, ежели кто станетъ обличать его въ порокахъ, и досадуетъ на то, что его тѣмъ обвиняютъ. Что инако и быть не можетъ; потому что въ самое то время оскорбляется помянутой милой въ немъ звѣрокъ и бунтовщикъ, и старается его увѣрить, что то все неправда, и что въ томъ далеко такой дурноты нѣтъ, какую сыскиваютъ. А буде тѣмъ не проймется, то старается внушить ему какія нибудь ложныя извиненія и увѣрить, что ему либо не было возможности того не учинить, либо причиною и виною тому не онъ, а что нибудь иное, какъ на примѣръ природа, слабость,

бость, немощь, случай, поводъ и прочее тому подобное. Вотъ отъ чего разсуждаемъ мы о худыхъ своихъ дѣлахъ, склонностяхъ и привычкахъ всегда наипристрастнѣйшимъ образомъ и такъ сказать сквозь уменьшительное стекло, и никогда не хотимъ представить ихъ себѣ въ полной ихъ дурнотѣ и въ настоящемъ видѣ, и посмотрѣть на нихъ простыми глазами.

Ежели похотите теперь далѣе знать, какимъ образомъ намъ себѣ въ томъ случаѣ пособить и чрезъ что скорѣе и удобнѣе сіе правило исполнить и самихъ себя узнать можно, то любопытство ваше въ семъ случаѣ того еще будетъ похвальнѣе; чего ради и въ семъ охотно васъ удовольствовать готовъ и предложу вамъ краткое руководство.

Вопервыхъ, помните, что это происходитъ отъ дѣйствія и хитрости помянутаго испорченнаго самолюбія и изочтенныхъ его товарищей, и для того старайтесь одолѣвать самихъ

самихъ ихъ наблюденіемъ всѣхъ нижеслѣдующихъ общихъ и генерально къ одолѣнію всѣхъ страстей служащихъ правилъ.

Вовторыхъ, отважтесь когда нибудь себя въ семъ случаѣ переломить и къ тому принудить. Положите твердое намѣреніе неотмѣнно сіе сдѣлать и не взирая, трудно ли то, или нетрудно, скучно ли, или противно вамъ то будетъ, препроводить въ томъ нѣсколько времени. Опредѣлите, когда вамъ угодно, дни въ мѣсяцѣ, или въ недѣлѣ, или часы во дняхъ къ сему полезному упражненію, то есть на вхожденіе въ самихъ себя и на изслѣдованіе худыхъ своихъ склонностей, страстей и привычекъ, и стыдитесь приносить отговорку, что вамъ нѣтъ времени и недосужно. Не ужъ ли въ правду вы уже въ недѣлю, или въ мѣсяцъ, нѣсколькихъ часовъ на то оторвать не можете. Пустое это, государь мой, и я не повѣрю, чтобъ вы ни говорили, но паче скажу, что вы моглибъ и всякой день най-

ти нѣсколько минутъ свободныхъ, естьлибъ только похотѣли и преспали извиненіями своими льстить и угождать своимъ пристрастіямъ. И такъ, положивъ сіе, наблюдайте то уже неотмѣнно.

Втретьихъ, чтобъ лучше и способнѣе вамъ внутреннее души своей состояніе разсмотрѣть было можно, то вспомните всѣ худыя склонности, привычки и страсти, какія только въ человѣкахъ обыкновенно бываютъ, и которымъ вы во многихъ нравоучительныхъ книгахъ найти можете подробное описаніе, а буде угодно, то для скорости пользуйтесь по нуждѣ сообщеннымъ мною впереди въ VIII разсужденіи краткимъ родословіемъ оныхъ. Сдѣлайте всѣмъ имъ особой и сокращенной реестръ. Берите сію бумажку въ руки и разсматривая оную, останавливайтесь при каждой склонности и привычкѣ, и спрашивайте сами себя: не подверженъ ли я сей страсти? Нѣтъ ли во мнѣ сего звѣрка? и такъ далѣе. И буде найдете,

что

что есть, то записывайте оную на особой бумажкѣ, а которыхъ нѣтъ, тѣ отмѣчайте и проходите мимо. Чрезъ то получите вы всѣмъ своимъ врагамъ и злодѣямъ роспись, и узнаете количество своихъ непріятелей.

Вчетвертыхъ, при семъ разсматриваніи реестра необходимо надобно вамъ наблюдать возможнѣйшую безпристрастность. Имѣйте въ семъ случаѣ великую къ себѣ недовѣрку. Помните, что вы наполнены множествомъ льстецовъ, обманщиковъ и хитрецовъ, старающихся для охраненія себя и товарищей своихъ увѣрить васъ, что въ васъ никакихъ худыхъ страстей нѣтъ. Не вѣрьте сей ихъ лести. Вникайте въ себя глубже, и чтобъ вамъ лучше можно было лесть ихъ усмотрѣть, то призовите въ помощь къ себѣ память. Устремите ее на задніе дни. Старайтесь напомнить всѣ ваши дѣла и поступки. Также обращайте взоръ свой и на прежнія и на нынѣшнія желанія ваши. Спрашивайте себя, чего желали вы прежде усердно, и

чего желаете теперь отмѣнно предъ прочимъ, и чемубъ обрадовались чрезвычайно, естьлибъ съ вами то исполнилось. Разсматривайте сіи желанія безпристрастно и судите объ нихъ, хороши ли онѣ, или худы. И какъ всѣ помянутыя дѣла, поступки, равно какъ и желанія, неотмѣнно отъ дѣйствія какихъ нибудь въ васъ стремительствъ происходили и происходятъ, то смотрите по реестру, какія бы изъ склонностей были тому основаніемъ; судите по нимъ и о страстяхъ и о привычкахъ вашихъ, и узнавайте чрезъ то, какія въ васъ склонности есть, какихъ нѣтъ. Можно сказать, что сіе одно и есть скучнѣйшее, но за то полезнѣйшее и необходимо надобнѣйшее дѣло, потому что сіе составляетъ единое средство, и такъ сказать, тайной путь, которымъ мы въ станъ непріятелей своихъ вкрадываться и непримѣтно ихъ узнавать можемъ.

Впятыхъ, сдѣлавъ реестръ своимъ страстямъ и худымъ склонностямъ, приступайте къ новому и весьма надобному дѣлу, а имянно къ изслѣдо-

слѣдованію, которыя изъ нихъ сильнѣе и которыя не таковы сильны и слабѣе, дабы чрезъ то узнать, которыя для васъ болѣе, или менѣе опасны. О семъ можете вы судить чрезъ напоминаніе опять тѣхъ дѣлъ, которыя по побужденію оныхъ вы производили, а имянно изъ того, часто ли, или не часто вы онымъ слѣдовали, и мало ли, или много, могли имъ противиться? Въ состояніи ли вы были ихъ преодолѣвать, или не въ *состояніи*? Одни ли бывшіе поводы и случаи стремленія оныя въ васъ возбуждали, или они безъ всякихъ бывшихъ поводовъ въ васъ воспалялись и къ дѣламъ принуждали, и такъ далѣе. Ежели найдете, что которой нибудь страсти вы часто слѣдовали, или слѣдуете; ежели примѣтите, что вы не были тогда въ своей уже власти и не могли себя преодолѣть; ежели окажется, что онѣ и безъ поводовъ въ васъ сами возбуждаются, или воспалялись отъ самой бездѣлицы, то за вѣрное кладите, что этотъ бунтовщикъ въ васъ оченъ силенъ и важенъ, и достоинъ въ особливости

вости замѣченъ быть, а по сему и о прочихъ разсуждайте, и повторяйте какъ можно чаще и во всякое время таковое упражненіе, которое вамъ послѣ будетъ много пользовать,

Вотъ краткое руководство къ познанію своихъ худыхъ склонностей, страстей и привычекъ. Я сожалѣю, что предѣлы моего сочиненія и теперешнее намѣреніе не дозволяетъ мнѣ вамъ сообщить подробнѣйшаго. Чего ради я, сказавъ вамъ, что вы въ семъ случаѣ много можете пользоваться предслѣдующими моими разсужденіями, присовокуплю только сіе, что когда все сіе учинить и весь реестръ перебрать въ одинъ разъ не достанетъ вашего терпѣнія, то чтобъ не спѣшить въ такомъ важномъ дѣлѣ, и отъ поспѣшности не сдѣлать какой погрѣшности, то можете отложить иное до другаго времени, и хотя не однимъ разомъ, но въ нѣсколько дней сіе въ дѣйство произведите. Что въ томъ не будете имѣть причины послѣ раскаяваться и что немногія минуты, посвященныя толь блажен-

блаженному упражненію, не будутъ потерянными, но вы сами тѣмъ послѣ будете крайне довольны, въ томъ пожалуйте будьте увѣрены и не сомнѣвайтесь. Польза отъ такого самихъ себя разсматриванія, сколько мнѣ собственной опытъ доказалъ, бываетъ великая и иногда превосходитъ чаяніе. Многіе изъ небольшихъ бунтовщиковъ такъ сего одного устрашаются, что самимъ симъ уже обезоруживаются и становятся безсильными, а и прочимъ всѣмъ дѣлается чрезъ то великой толчокъ, потому что намъ извѣстно уже сдѣлается ихъ количество, величина и сила, и мы имѣть будемъ дѣла уже съ знакомыми непріятелями, и можемъ брать противъ ихъ лучшія и надежнѣйшія мѣры. Но сего довольно о первомъ обстоятельствѣ и правилѣ. Теперь пойдемъ далѣе.

2.

Вторымъ обстоятельствомъ полагалъ я, чтобъ разуму нашему не оставаться при одномъ знаніи количества и силы непріятелей своихъ, но стараться

ся вкупѣ узнавать натуру и свойства оныхъ, или какихъ они нравовъ и обычаевъ, то есть съ одной стороны, отъ чего болѣе усиливаются, чѣмъ подкрѣпляются, что придаетъ имъ болѣе мужества, чѣмъ питаются, какія оружія противъ насъ употребляютъ и каково ими дерутся; а съ другой, не имѣютъ ли какихъ нибудь природныхъ слабостей, не боятся ли чего нибудь, и нѣтъ ли какихъ средствъ къ доведенію ихъ до того, чтобъ они сами собою ослабѣли и сила ихъ и величина уменьшилась, однимъ словомъ, всѣ выгодныя и невыгодныя для нихъ обстоятельства. Это значитъ не иное что, какъ то, чтобъ мы старались узнавать и помнить существо и свойства нашихъ страстей и худыхъ склонностей, и прочія до нихъ касающіяся обстоятельства, то есть въ какомъ онѣ другъ противъ друга содержаніи, какіе между ими происходятъ порядки и прочее тому подобное, дабы всемъ тѣмъ можно было въ предстоящей войнѣ пользоваться и одолѣвать злодѣевъ не столько силою,

сколь-

сколько хитростью и умѣньемъ. А изъ самаго того и произтекаетъ слѣдующее второе, весьма важное и требующее при исправленіи нашемъ наблюденія, правило, а именно:

2. Узнавай и помни натуру и различныя свойства нашихъ страстей, худыхъ желаній и привычекъ, а особливо натуральныя ихъ выгоды и слабости, дабы тебѣ въ нужномъ случаѣ можно было ими пользоваться.

О семъ правилѣ долженъ я признаться, что не всякому оное наблюдать можно; потому что не всякому помянутая натура и свойства нашихъ страстей извѣстны, и не всякой въ состояніи оныя самъ изъ себя примѣтить и узнавать. Но какъ сіе необходимо надобно, то другаго не остается, какъ пользоваться въ семъ случаѣ знаніемъ тѣхъ, которые имѣли случай и способность узнать оныя, и въ семъ случаѣ поступить по примѣру военнаго предводителя, которой когда самъ не въ состояніи узнать

нравы, обыкновенія и другія обстоятельства своихъ непріятелей, то старается узнать то отъ тѣхъ, которые имѣли случай въ непріятельскомъ станѣ быть и практикою испытать помянутыя ихъ свойства и обыкновенія. Я разумѣю подъ сими словами то, что всякому, желающему воевать противъ своихъ страстей, но незнающему ихъ свойствъ, должно брать прибѣжище свое къ такимъ Философамъ, которые въ испытаніи оныхъ въ особливости трудились, и пользоваться ихъ о томъ сочиненіями.

Для сей-то собственно причины и старался я впереди изслѣдовать и описать всѣ свойства нашихъ желаній, дабы мнѣ теперь не было уже нужды входить въ великое пространство. Почему можете вы, дорогой читатель, помянутымъ изъясненіемъ моимъ по нуждѣ пользоваться. Но какъ я тамъ о всѣхъ свойствахъ говорилъ вообще и въ подробности, а вы можетъ быть не похотите взять на себя трудъ извлечь изъ оныхъ нужныя

къ

къ сему правилу примѣчанія, то, надѣюсь, дозволите мнѣ въ семъ случаѣ сдѣлать вамъ нѣкоторое облегченіе, и напомянуть вкратцѣ, какія собственно изъ сихъ свойствъ и обстоятельствъ при предпринимаемомъ исправленіи намъ болѣе помнить и примѣчать надобно.

И такъ въ разсужденіи выгодныхъ для нихъ обстоятельствъ примѣчать надобно слѣдующія вещи, а имянно:

Первая выгода состоитъ въ томъ, что бунтовщикамъ симъ во всякое время мило, выгодно и пріятно, когда находятся и дѣйствуютъ въ насъ часто мысли о той вещи, къ которой они стремятся, а особливо когда мы сіи вещи станемъ воображать себѣ живо и ясно, смотрѣть только на нее съ мнимой хорошей стороны, льстить себѣ надеждою, что получить намъ то можно; что отъ того произойдетъ намъ великое увеселеніе, а того паче, когда мы сіе увеселеніе въ мысляхъ своихъ увеличивать и неоцѣнен-

оцѣненнымъ почитать будемъ. При всякомъ такомъ случаѣ надымается, такъ сказать, у сихъ бунтующихъ звѣрковъ сердце. Они получаютъ болѣе бодрости, дѣлаются отважнѣйшими, слѣдовательно непреоборимѣйшими. Причиною тому то, что таковыя мысли и льстящія имъ воображенія составляютъ во всякое время не только ихъ необходимую пищу и провіантъ, но оружія, снаряды и военные припасы, которыми они насъ поражаютъ и кои для насъ толь язвительны бываютъ. Почему мы въ семъ случаѣ не инако какъ сами даемъ имъ оковы себя ковать, или протягиваемъ шею и даемъ въ руки мечь поражать насъ, какъ имъ угодно и поступать съ нами, какъ съ рабами и невольниками. Вотъ первое обстоятельство, отъ котораго получаютъ они великую выгоду.

Вторая выгода проистекаетъ имъ отъ того, когда они часто просыпаются и долго бываютъ не спящими и дѣйствуютъ, то есть когда мы

часто,

часто, либо возбуждаемъ въ себѣ о свойственныхъ имъ вещахъ мысли, либо даемъ поводъ самимъ имъ возбуждаться, ищемъ къ тому случаевъ и препровождаемъ въ помышленіяхъ о томъ долгое время. Изъ описаннаго мною въ V. разсужденіи подъ N. 9. свойства легко вы можете усмотрѣть, что во все сіе время страсть съ каждою минутою увеличивается и дѣлается не только отъ часу сильнѣе и могущѣе, но и производитъ отъ себя многія другія *страсти* и желанія, то есть дѣтей и потомковъ, и тѣмъ равно какъ пріумножаетъ своихъ единомышленниковъ и мятежниковъ. Не слѣдуетъ ли изъ сего само собою, что мы симъ не инако какъ сами о погибели своей печемся и губителямъ нашимъ усердствуемъ, не даемъ имъ засыпаться, но стараемся будить и поспѣшествовать тому, чтобъ они поболѣе надъ нами власти взяли и привели скорѣе до погибели.

Третья выгода проистекаетъ имъ отъ того, естьли во время ихъ сна

и недѣйствія не спятъ и дѣйствуютъ не противники ихъ, то есть хорошія склонности, но ихъ прочіе товарищи такіе же бунтовщики и мятежники, а особливо ихъ отцы, или дѣти, то есть согласныя съ ними, или отъ нихъ произшедшія другія наши страсти и худыя желанія. То есть, когда мы большую часть нашего времени препровождаемъ въ дѣлахъ, клонящихся къ насыщенію худыхъ нашихъ склонностей. Ибо по описанному мною подъ No 10 свойству всякой разъ они много тѣмъ пользуются и съ увеличиваніемъ ихъ отца, или союзника и сами нѣсколько увеличиваются, и часъ отъ часу болѣе укрѣпляются; ибо натурально, чѣмъ множайшее число будетъ въ насъ ихъ единомышленниковъ и чѣмъ они будутъ болѣе, тѣмъ сильнѣе и непреоборимѣе дѣлается и вся ихъ шайка, а отъ того и происходитъ, что вдавшемуся совсѣмъ въ пороки человѣку несравнено труднѣе себя исправить, нежели такому, въ которомъ немногія только страсти находятся.

Четвер-

Четвертая и великая выгода проистекаетъ имъ отъ того, естьли оставляются они въ совершенномъ спокойствіи и тишинѣ, и никогда не дѣлается имъ никакого насилія и помѣшателства, но дается полная воля правительствовать всею душею и ея силами, и никто имъ въ томъ не мѣшаетъ. Въ семъ случаѣ усиливаются и размножаются они по своей волѣ, и чрезъ то сонмище ихъ часъ отъ часу приходитъ въ вящшее усиливаніе, а особливо когда законные правители, разумъ и произволъ, находятся у нихъ въ такомъ загнаніи, что не только не смѣютъ имъ воспротивиться, но охотно еще сами имъ во всемъ служатъ, раболѣпствуютъ, помогаютъ и стараются ихъ увеличить. То есть, когда мы никогда не помышляемъ о своемъ исправленіи и побѣжденіи страстей нашихъ, а того меньше отваживаемся начинать съ ними войну; но весь свой разумъ и хотѣнія употребляемъ единственно на выдумываніе и изыскиваніе всѣхъ удобовозможныхъ средствъ и случаевъ къ насыщенію, удовольствованію

ванію и увеличиванію сихъ хитрыхъ и пагубныхъ злодѣевъ нашихъ. Можно ли при такихъ обстоятельствахъ чему быть хорошему?

Пятая и великаяжъ выгода произтекаетъ имъ отъ того, естьли они отъ помянутаго выше сего нашего посторонняго, сильнаго и о пользѣ нашей всегда пекущагося помощника находятся въ совершенной безопасности, и не имѣютъ причины бояться, чтобъ правительство ихъ помощію его было опровергнуто. Кто таковъ сей посторонній помощникъ, не трудно всякому надѣюсь усмотрѣть. Я довольно объ немъ говорилъ въ преслѣдующихъ разсужденіяхъ. Коротко я разумѣю подъ тѣмъ Божеское вспоможеніе, и обстоятельство сіе состоитъ въ томъ, когда мы никогда и не вздумаемъ помыслить объ Немъ прямо, а не только чтобъ съ усердіемъ призывать Его себѣ на вспоможеніе и пользоваться Его обѣщаніями и тайными о пользѣ нашей попеченіями; но весь свой вѣкъ въ такомъ забвеніи объ Немъ пребываемъ,

бываемъ, какъ бы намъ до Него, а Ему до насъ никакого дѣла не было. Ибо такое напоминаніе о Немъ, какое мы обыкновенно имѣемъ, то есть состоящее въ однихъ только словахъ, о которыхъ сердце не имѣетъ свѣдѣнія, не можно почесть напоминаніемъ, и все почти равно, чтобъ оно было, что не было. Ибо пустымъ твerженіемъ всякой день Его святаго имени и довольствуясь тѣмъ только однимъ, а никогда прямо объ Немъ и отъ сердца помыслить, или Ему угождать не предпринимая, скорѣе мы Ему досадить, нежели угодить можемъ. Кому не извѣстно, что Онъ самъ о семъ пунктѣ намъ нѣкогда говорилъ? И такъ можно ли при такихъ обстоятельствахъ что хорошему быть, и можно ли намъ отъ вспоможенія Его получить пользу, когда мы хотя всякой день будемъ говорить, Господи! Господи! или хотя твердить, помоги намъ Господи. Но какъ скоро Онъ слѣды вспоможенія своего показывать и намъ разные случаи и поводы къ принятію онаго и къ исправленію нашему, такъ

какЪ о томЪ ниже сего упомянется, преподавать станетЪ, такЪ руками и ногами помощь Его отЪ себя оттящать и тому противиться, и такЪ сказать, испужавшись приближенія кЪ себѣ же на помощь своего друга и наилучшаго помощника отЪ него бѣжать и скрываться вЪ нѣдры своихЪ злодѣевЪ и губителей и просить ихЪ о покровительствѣ будемЪ. Не страненЪ ли и не удивителенЪ ли нашЪ вЪ семЪ случаѣ поступокЪ?

НаконецЪ легко можетЪ статься, что происходитЪ имЪ великая и важная выгода отЪ нѣкоей посторонней имЪ подпоры и помощника, которой радуется тому и веселится, когда вЪ насЪ сіи бунтовщики находятся вЪ совершенномЪ благоденствіи, и старается ихЪ вЪ томЪ подкрѣплять, и защищать всякими хитрыми и неизвѣстными намЪ средствами. Мы же вЪ пользу онаго, когда стараться станемЪ себя увѣрить, что его вовсе нѣтЪ, а не только чтобЪ онЪ намЪ дѣлалЪ какое нибудь зло. Кого я подЪ симЪ раз-

разумѣю, о томъ мнѣ не для чего изъясняться. Кто тому вѣритъ, тотъ легко самъ догадается, а поднимающему то на смѣхъ сказывать то будетъ самая излишность.

Сіи суть наиглавнѣйшія выгодныя для страстей нашихъ обстоятельства. Теперь не трудно всякому изъ вышеписаннаго усмотрѣть, что всѣми сими нужными имъ выгодами снабжаемъ ихъ по большой части сами мы, и потому не инако, какъ сами тому причиною, что страсти наши бываютъ въ насъ толь многочисленны, сильны и непреоборимы. Мы ихъ сами воспитываемъ, кормимъ, увеличиваемъ, подкрѣпляемъ и снабжаемъ всѣми оружіями, къ погубленію насъ служащими, и отдаляемъ все то, что ихъ вредить можетъ, и естьлибъ только мы остереглись и сего не дѣлали, то далеко бы онѣ не таковы страшны для насъ были. Ибо въ самомъ дѣлѣ большая часть изъ нихъ отъ природы не столько храбры, сколько хитры, лукавы и обманчивы, и воюютъ противъ насъ

не столько силою, сколько прелестьми и обманами. Но хорошо имъ воевать и нами играть, и тиранствуя забавляться, когда мы сами имъ въ томъ пособляемъ, а безъ нашей бы помощи онѣ ни къ чему не годились, какъ то изъ нижеслѣдующаго описанія ихъ слабостей окажется.

Разсмотримъ теперь, какія собственно слабости и невыгодныя обстоятельства имѣютъ наши страсти.

Первое невыгодное для нихъ обстоятельство состоитъ въ томъ, что онѣ по учрежденію уже натуры не могутъ безпрестанно находиться въ дѣйствіи, и многія совокупно, и вдругъ упражняться въ своей работѣ, но должны по самой необходимости смѣняться и дѣйствовать почти по одиначкѣ, или только немногія разомъ, а по смѣнѣ должны засыпать и спать до тѣхъ поръ, покуда опять по какому нибудь случаю разбуждены будутъ. Невыгодность, проистекающая изъ сего, для нихъ очевидна и дальняго

няго изъясненія не требуетъ. Ибо изъ сего слѣдуетъ уже само собою, что не могутъ онѣ безпрестанно увеличиваться, но засыпая принуждены опять начинать уменьшаться, и такъ много, какъ долго сей сонъ продлится. Легко можно заключить, что сіе обстоятельство составляетъ великую и природную ихъ, а для насъ весьма выгодную и примѣчанія достойную слабость.

Второе невыгодное для нихъ обстоятельство состоитъ въ томъ, что онѣ не могутъ никоимъ образомъ дѣйствовать безъ дѣйствія свойственныхъ себѣ, и клонящихся къ тому предмету, къ которому онѣ стремятся, мыслей, и дѣйствуютъ и не спятъ только до тѣхъ поръ, покуда есть въ насъ о той вещи мысли. Какъ же скоро ихъ не будетъ, то есть, какъ скоро другія мысли сихъ смѣнятъ и начнутъ дѣйствовать, тогда онѣ принуждены тотчасъ засыпать и начинать уменьшаться. Легко можно заключить, что и сіе обстоятельство для насъ очень выгодно.

Третье невыгодное обстоятельство состоитъ въ томъ, что помянутыя мысли, или такъ называемыя птички, не смотря на всю силу и владычество нашихъ страстей, не состоятъ въ совершенной у нихъ власти, но находятся во всегдашнемъ повиновенiи у главнаго своего начальника, то есть разума, слѣдовательно онѣ сами собою ихъ разбудить и ими совершенно повелѣвать не могутъ. Правда, власть ихъ простирается и надъ ними иногда далеко, однако сiе бываетъ только въ то время, когда онѣ проснувшись разработаются и находятся въ полномъ своемъ дѣйствiи. Въ сiе время похищаютъ онѣ власть надъ ними у разума, и самаго его сажаютъ, такъ сказать, въ оковы и въ тюрьму, или повелѣваютъ то дѣлать, что имъ надобно. Но какъ скоро заснутъ, то во все время продолжающагося ихъ сна освобождается разумъ изъ темницы, или оковъ, и командуетъ опять мыслями вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ произволомъ, и сiе до тѣхъ поръ продолжается, покуда другое какое стреми-

мительство проснувшись похищаетъ вновь власть надъ оными.

Четвертое невыгодное обстоятельство состоитъ въ томъ, что онѣ не любятъ, чтобъ дѣйствіе ихъ оставалось праздно и онѣ трудились бы по пустому. Ибо всякой разъ, какъ сіе ни случится, уменьшается у нихъ охота впредь къ такомужъ дѣйствію, и чрезъ то мало по малу онѣ ослабѣвать могутъ. Коль полезно посему, естьлибъ мы умѣли симъ пользоваться!

Пятое и весьма важное невыгодное обстоятельство состоитъ въ томъ, что всякое изъ нихъ имѣетъ своего сопротивника, и онаго насмерть и даже до того ненавидитъ, что не можетъ терпѣть, какъ скоро и свойственныя противнику его мысли появятся, а не только чтобъ онъ самъ началъ дѣйствовать и увеличиваться. Причиною тому то, что по учрежденію натуры само собою уже слѣдуетъ, что чѣмъ болѣе становиться будетъ его противникъ, то есть пря-

мо противъ его идущее доброе желаніе, склонность, или привычка, тѣмъ долженъ онъ становиться меньше и толикимижъ градусами уменьшиться, коликими противникъ его увеличится. По которой причинѣ ни которой изъ непріятелей его такъ не страшенъ, какъ природной его соперникъ; ибо противъ другихъ звѣрковъ въ состояніи онѣ долѣе и сильнѣе противиться, и съ ними бороться, нежели съ онымъ.

Шестое невыгодное обстоятельство состоитъ въ томъ, что всякой такой бунтовщикъ насмерть не любитъ и не можетъ терпѣть, естьли во время дѣйствованія его будетъ окруженъ онъ такими птичками, которыя ему худую и гнусную сторону той вещи описывать и представлять будутъ, къ которой онъ стремится, то есть, когда мы во время самаго дѣйствованія, а того еще лучше при самомъ началѣ дѣйствованія въ насъ какой нибудь страсти, о той милой вещи, къ которой она стремится и насъ побуждаетъ, станемъ думать

совсѣмъ

совсѣмъ противнымъ образомъ, то есть воображать ее себѣ въ гнусномъ видѣ, выискивать въ мысляхъ все, что имѣетъ она въ себѣ непріятнаго, худаго, смѣшнаго и мерзскаго, и изчислять всѣ ея гнусности и худобы, и какъ можно оныя увеличивать. Таковыя мысли дѣлаютъ имъ превеликой вредъ и причиняютъ имъ равно какъ досадныя и чувствительныя раны и уязвленія, принуждающія ихъ ретироваться съ поля и итти опять спать; которое обстоятельство можетъ для насъ быть очень выгодно, потому что таковыя противныя имъ мысли представляютъ сущую военную аммуницію и огнестрѣльныя оружія нашего разума, которыми онъ поражать можетъ.

Седьмое невыгодное обстоятельство состоитъ въ томъ, что получаемое отъ насыщенія ихъ увеселеніе продолжается въ разсужденіи нѣкоторыхъ изъ нихъ не долго, но не только скоро пресѣкается, но отъ частаго повторенія сего насыщенія

уменьшается часъ отъ часу нѣсколькими градусами, и наконецъ дѣлается совсѣмъ нечувствительна, и мы теряемъ совсѣмъ въ томъ прежней пріятной тѣлесной и душевной вкусъ, и не чувствуемъ уже и сотой доли того увеселенія, какое прежде имѣли; а какъ сіи увеселенія и составляютъ существительную пищу нашихъ страстей; то натурально послѣдуетъ отъ того, что онѣ отъ частаго повторенія хотя величиною и прирастаютъ и увеличиваются, но труды и работа его остаются уже праздными, то есть, онѣ не получаютъ уже того, чего искали, что причиняетъ имъ досаду; а какъ всякая досада посбиваетъ много съ нихъ спѣси, то можно и симъ обстоятельствомъ умѣючи намъ пользоваться, и собственнымъ, такъ сказать, оружіемъ его преодолѣвать.

Осьмое невыгодное обстоятельство состоитъ въ томъ, что большая часть изъ страстей нашихъ просыпаются непроворно, но лѣниво и не поворот-

воротливо, и не тотчасъ встаютъ и начинаютъ дѣйствовать, но исподоволь и такъ сказать, сперва продираютъ глаза, тамъ потягиваются, а тамъ сядутъ и потомъ-то уже встаютъ и идутъ на работу, а между всемъ тѣмъ проходитъ иногда нѣсколько минутъ времени. И какъ онѣ въ сіе время далеко еще не таковы сильны, какъ совершенно очнутся, то произтекаетъ отъ того великая для насъ выгода; потому что намъ можно сими драгоцѣнными минутами пользоваться, и употребляя проворство, отхватывать у нихъ передъ и нападать на нихъ въ самомъ семъ расплохѣ и ихъ еще изнеможеніи, какъ о томъ послѣ упомянется.

Девятое невыгодное для нихъ обстоятельство состоитъ въ томъ, что собственные ихъ братья, единомышленники и товарищи могутъ иногда имъ дѣлать въ работѣ помѣшательство и остановку; ибо по натуральному стремительству и охотѣ своей къ работѣ могутъ онѣ проснувшись

старать-

стараться отхватить у нихъ передъ, или отнять власть надъ работниками, и принудить ихъ спать; которое обстоятельство также для васъ выгодно; ибо, пользуясь онымъ и умѣючи, можемъ мы хитрымъ образомъ вредить собственными ихъ единомышленниками. Но сіе требуетъ великой предосторожности и умѣнья, какъ о томъ послѣ болѣе упомянется.

Наконецъ десятое и всѣхъ прочихъ важнѣйшее невыгодное для нихъ обстоятельство состоитъ въ томъ, что онѣ чрезвычайно боятся помянутаго посторонняго сильнаго непріятелямъ своимъ помощника. Одинъ слухъ объ немъ наполняетъ, такъ сказать, сердца ихъ трусостію; а когда увидятъ приближеніе его помощи, тогда не знаютъ куда дѣваться и тотчасъ пашуютъ и обращаются въ бѣгство. Однимъ словомъ, сія слабость ихъ есть наивыгоднѣйшимъ для насъ и такимъ обстоятельствомъ, которое достойно наивеличайшаго примѣчанія, потому что мы, пользуясь

сею

сею слабостію, можемъ ихъ прежде и скорѣе одолѣвать, нежели мы сами того чаять и ожидать можемъ, и послѣ имѣть причину сами себѣ дивиться.

Сіи суть всѣ выгодныя и невыгодныя обстоятельства, касающіяся до обладающихъ нами страстей, или душевныхъ бунтовщиковъ, и тѣ свойства, которыя намъ наиболѣе помнить и въ памяти всегда содержать стараться надобно, также изъ всѣхъ ихъ извлекать себѣ выгоды и ими при всякомъ случаѣ во время исправленія нашего, или духовной войны, пользоваться. Легко можно заключить, что дѣло въ томъ будетъ состоять, чтобъ выгодныхъ обстоятельствъ ихъ какъ возможно лишать, и не допускать ихъ ими пользоваться, а невыгодныя стараться производить и тѣмъ вредить ихъ потаенным и политическимъ образомъ. Но какимъ образомъ сіе наиудобнѣе въ дѣйство произвесть, о томъ теперь говорить будемъ.

3.

Третьимъ обстоятельствомъ духовной нашей войны полагалъ я, чтобъ разуму и произволу нашему, какъ законнымъ правителямъ, стараться освободить себя изъ неволи въ которую они бунтовщиками сажаются, и пользоваться тѣми свободными минутами, когда бунтовщики спятъ, а они находятся на свободѣ. Это значитъ то, чтобъ мы старались разумъ и произволъ нашъ, то есть самихъ себя, освободить изъ подъ ига господствующихъ нами страстей и худыхъ склонностей и привычекъ. Пунктъ сей весьмаваженъ, потому что сіе составляетъ первую и начальную степень нашего исправленія и такъ сказать, первое противъ непріятелей военное дѣйствіе и противоборство, почему и проистекаетъ изъ того третье правило слѣдующаго содержанія.

3. Прими твердое намѣреніе и старайся освободить разумъ и произволъ свой изъ подъ ига и повелительства страстей.

Для

Для изъясненія важнаго сего правила долженъ я сказать, что не во всѣхъ людяхъ разумъ и произволъ находятся у страстей подъ равнымъ игомъ и повелительствомъ. Есть люди, о которыхъ подлинно можно сказать, что разумъ находится не только въ оковахъ, но и сидитъ въ совершенной темницѣ, то есть тѣ, у которыхъ онъ не просвѣщенъ, и либо отъ природы тупъ и непроворенъ, либо не имѣлъ случая изостриться и сдѣлаться проворнымъ. Напротивъ того въ другихъ *находится* онъ только въ оковахъ, а въ тюрьму сажается только во время самаго насыщенія и величайшаго дѣйствія страстей, а въ прочее время выпускается, хотя въ оковахъ, на свободу, и принуждается насильно употреблять силы свои на выдумываніе удобнѣйшихъ средствъ къ насыщенію страстей, и чрезъ то поспѣшествовать имъ въ ихъ намѣреніяхъ. Таковыми почитаю я тѣхъ, которые только въ то время теряютъ весь свой разумъ и разсудокъ, когда страсти въ самомъ своемъ насыщеніи

и

и величайшемъ дѣйствіи находятся. Въ прочеежъ время и въ другихъ дѣлахъ разумны и неглупы, но умъ свой употребляютъ по неволѣ почти на выдумываніе и изобрѣтеніе удобнѣйшихъ средствъ къ насыщенію и удовольствованію негодныхъ своихъ желаній и прихотей. Легко можно разсудить, что сіе иго хотя легче, но для страстей нашихъ выгоднѣе, а для насъ вредительнѣе перваго; потому что въ первомъ случаѣ по крайней мѣрѣ разумъ нашъ страстямъ нашимъ не помогаетъ, а во второмъ самъ имъ дѣлаетъ вспоможеніе и къ вящшему увеличиванію ихъ поспѣшествуетъ. Наконецъ третей сортъ людей находится того еще въ легчайшемъ, но за то вредительнѣйшемъ, игѣ. У сихъ людей разумъ ихъ, будучи либо отъ природы остръ и проворенъ, либо по случаю изощренъ, освобожденъ изъ оковъ и ходитъ на свободѣ, и сажается только подъ честной караулъ въ нужное время. Причиною тому то, что услуга и вспоможеніе такого разума для страстей чрезвычайно нужны

и

и полезны. Чего ради онѣ по хитро сти своей не только опасаются его раздражать, сажая въ оковы и ожесточеніями, но стараются еще всячески ему льстить и угождать, дабы онъ неволи своей не чувствовалъ и отдавшись въ обманъ служилъ имъ вѣрою и правдою, и употреблялъ все свое проворство и искусство на ихъ службу и тѣмъ поспѣшествовалъ ихъ намѣреніямъ. Легко можно догадаться, что я подъ симъ разумѣю тѣхъ людей, которые имѣютъ либо отъ природы острой и проворной къ выдумкамъ, либо науками изощренной разумъ, но притомъ испорченное и страстямъ предавшееся и смолоду неисправленное сердце. А равномѣрно означается изъ сего само собою, отъ чего то происходитъ, что науки обращаются иногда во вредъ и служатъ только къ тому, что такіе ученые люди въ состояніи хитрѣе выдумывать способы къ удовольствованію гнѣздящихся въ сердцахъ ихъ страстей, и разными своими происками и хитростьми производятъ иногда та-

кія дѣла, которыя бы иному и на умъ никогда не взошли. Чему мы по нещастію во всѣ времена, а особливо въ нынѣшнія, толь многіе примѣры видимъ.

Сего надѣюсь довольно будетъ въ объясненіе сего правила; ибо изъ сего не трудно уже усмотрѣть, что всякому, какого бы онъ рода ни былъ, необходимо и прежде всего надобно стараться опомниться, протереть свои душевныя очи, и усмотрѣть сію страстей нашихъ хитрость и обманъ, и твердое предпріять намѣреніе освободить разумъ свой изъ подъ сего поноснаго и крайнѣ вреднаго для его и для насъ ига. Но вспомнивъ, что онъ самъ рожденъ къ верховному надъ всѣми душевными силами владычеству, вздумать когда нибудь искать своего права, и возвратить ему его высочество, котораго по случаю лишился, и согнавъ похитителей съ его престола, возвесть на него самаго онаго. Ибо натурально безъ предпріятія сего твердаго намѣренія не можно быть ничему доброму. Но онъ останется на вѣкъ въ своей не-

неволѣ и въ поносномъ и безчестномъ состояніи, и вмѣсто имени Государя носить имя льстеца, услужника и раба негодныхъ бунтовщиковъ и собственныхъ своихъ злодѣевъ.

Что касается до его Фельдмаршала и соправителя произвола, то судьба его очень тѣсно сопряжена съ судьбою его Государя и товарища. Когда тотъ находится въ худомъ состояніи и нещастіи, тогда и сей не въ лучшемъ его состояніи; потому что онъ не можетъ отъ него отлучиться и привязанъ къ нему всегдашнею любовію, и долженъ ему служить и повиноваться во всякое время. Однако собственной родъ неволи и несчастія сего Фельдмаршала совсѣмъ отмѣненъ отъ неволи его Государя. Я прошу напомнить, что оба они весьма разнаго и отмѣннаго существа, и разумъ самъ собою по прежней аллегоріи моей представляетъ птичку, или паче верховнаго повелителя надъ всѣми птичками, а произволъ звѣрка, или природнаго повелителя надъ всѣми желаніями. А какъ и страсти наши

такіе же суть звѣрки, то натурально произволъ съ ними одной натуры, и одолѣвать ихъ и драться съ ними долженъ собственно онъ, а не иной кто. Слѣдовательно и они имѣютъ причину почитать его себѣ вящшимъ непріятелемъ и о содержаніи его въ неволѣ имѣть рачительнѣйшее попеченіе. Интересъ ихъ въ разсужденіи его состоитъ въ томъ, чтобъ онъ былъ сколько можно меньше и чрезъ то находился въ такомъ изнеможеніи, чтобъ не въ состояніи былъ не только съ главными изъ нихъ бороться и ихъ преодолѣвать, но чтобъ и маленькіе ихъ единомышленники и товарищи превосходили его силу и могли его во всякое время преодолѣвать. Но какъ всѣмъ имъ ни коимъ образомъ не можно безъ содѣйствія его пробыть, а особливо при исполненіи нами какихъ нибудь дѣлъ, то чтожъ они мошенники выдумали и въ какую должность его употребили и употребляютъ? Они приставили его къ самымъ нижнимъ работникамъ, или хотѣніямъ, которые собственно работаютъ

таютъ и приводятъ наши члены въ движеніе, и дали ему, такъ сказать, линекъ въ руки, чтобъ онъ принуждалъ тѣхъ къ работѣ, которыхъ работа имъ самимъ надобна и тогда, когда имъ пожелается. Далѣе же власть бы его отнюдь не простиралась, слѣдовательно онъ у нихъ несетъ должность нижняго самаго, такъ сказать, начальника, или каторжнаго десятскаго, или погоняльщика, и состоитъ въ повиновеніи и власти у самыхъ послѣднихъ нашихъ страстей и прихотей. Не сущее ли это злодѣйство и ругательство? и не стыдъ ли намъ доводить себя до такого поноснаго состоянія? а особливо когда намъ есть возможность освободить его изъ сего несчастія и увеличивъ возвесть на природную его степень высочества и силы.

Такимъ образомъ обѣ сіи верховнѣйшія и для насъ наидрагоцѣннѣйшія, но въ самомъ нещастномъ состояніи находящіяся силы, разумъ и произволъ, требуютъ отъ насъ помощи. Легко можно усмотрѣть, что освобожде-

ніе ихъ изъ подъ ига страстей зависитъ наиглавнѣйше отъ нашего хотѣнія. То есть, чтобъ мы прямо только возжелали то учинить, и не упускали къ тому удобныхъ случаевъ. Наиспособнѣйшее къ тому время тогда, когда страсти въ насъ спятъ и бываютъ безъ дѣйствія. Въ сіи свободныя минуты можемъ мы очень скоро ихъ въ лучшее состояніе привесть, когда только приступимъ прямо къ дѣлу и употребимъ къ тому проворство. Какимъ образомъ сіе учинить удобнѣе, о томъ послѣдуетъ теперь объясненіе.

4.

Четвертымъ обстоятельствомъ войны нашей полагалъ я то, что намъ, пользуясь свободнымъ временемъ, стараться надобно обучить нашъ произволъ лучше и проворнѣе дѣйствовать и владѣть своими членами, дабы онъ чрезъ то къ сраженію былъ способнѣе. Это значитъ, чтобъ мы старались придать ему вышшую степень силы, дабы онъ тѣмъ способнѣе могъ въ послѣдующей съ страстьми

войнѣ

войнѣ съ оными драться и ихъ преодолѣвать. Изъ сего проистекаетъ четвертое и весьма важное правило слѣдующаго содержанія:

4. Старайся укрѣпить свой произволъ приличными ему упражненіями.

Для изъясненія сего важнаго и самаго, такъ сказать, политическаго правила долженъ я сказать, что все помянутое укрѣпленіе состоитъ въ томъ, чтобъ мы старались его увеличить и довесть до того, чтобъ онъ сдѣлался больше. Изъясняя въ V разсужденіи свойства желаній имѣлъ уже я случаи аллегорическимъ образомъ упомянуть, что и сія важная сила, или звѣрокъ, имѣетъ такоежъ свойство увеличиваться и уменьшаться, какъ и прочія желанія, хотя не таково скоро, какъ оныя. Теперь надобно знать, что какъ сей звѣрь уже отмѣненъ отъ нихъ существомъ, то и увеличиваніе и уменьшеніе его происходитъ отъ иныхъ причинъ, нежели въ разсужденіи желаній. Тѣ увели-

личиваются отъ частаго просыпанія и долговременнаго дѣйствія, а сей совсѣмъ не отъ того; ибо онъ отъ натуры не склоненъ ко сну и не спитъ почти никогда, но осужденъ на всегдашнюю почти работу. Но вся сія безпрерывная работа на волосъ его величины не прибавляетъ, потому что она по большой части бываетъ принужденная и онъ работаетъ изъ подъ неволи. А увеличивается онъ отъ частаго повторенія природнаго себѣ своего и того произвольнаго дѣйствія, къ которому наиболѣе онъ назначенъ. Теперь надобно знать, что онъ назначенъ вопервыхъ къ владычеству и повелительству надъ всѣми желаніями, а не надъ одними хотѣніями. А какъ изъ помянутыхъ желаній большая часть въ насъ худыхъ, и всѣ они надъ нимъ болѣе, или менѣе усилились, то вовторыхъ назначенъ онъ къ преодолѣванію, и такъ сказать къ борбѣ съ оными и къ низложенію оныхъ. И самое сіе преодолѣваніе въ состояніи его только увеличиватъ. Однимъ словомъ, всякая одержанная имъ надъ не-

непріятелями и ослушниками своими побѣда и сдѣланное имъ принужденіе увеличиваетъ его величину и придаетъ ему болѣе силы. Втретьихъ, назначенъ онъ къ тому, чтобъ онъ былъ всегдашнимъ побуждателемъ разуму къ производству хорошихъ свойственныхъ ему дѣлъ и такъ сказать, приневоливать его работать, какъ должно, а не такъ, какъ бы того наши страсти хотѣли.

Изъ сего не трудно уже усмотрѣть, что *вся важность* въ томъ состоитъ, чтобъ мы мало по малу пріучали его одолѣвать усилившіяся надъ нимъ страсти и желанія. Легко можно заключить, что ему сію борьбу и сраженіе не съ главными бунтовщиками и повелителями нашими, но съ нижними ихъ и тѣми сотоварищами сначала начинать надобно, которые не слишкомъ еще величину его превзошли и надъ ними усилились, потому что съ первыми явное сраженіе его будетъ не только безплодно, но для самаго его предосудительно. Ибо какъ онъ

безъ всякихъ пріуготовленій и другихъ вспомогательныхъ средствъ, а особливо будучи еще очень безсиленъ, ни коимъ образомъ сильныхъ страстей преодолѣть не можетъ, то онѣ его того часа побѣдятъ, а всякая такая одержанная надъ нимъ на сраженіи побѣда ему дорого стоитъ, потому что съ каждою теряетъ онъ обратно нѣсколько своей величины и силы. Съ равнымижъ себѣ, или не много его величину превзошедшими страстьми, желаніями и привычками онъ уже смѣлѣе, надежнѣе и съ лучшимъ успѣхомъ драться можетъ. Однимъ словомъ ему надобно стараться поприбрать сначала себѣ въ руки ближнихъ надъ собою приставниковъ, корабельщиковъ и командировъ, а усилившись побѣдами надъ ними добираться уже и до большихъ, такъ какъ о томъ ниже будетъ упомянуто.

Ежели пожелаете теперь знать, какимъ же образомъ намъ сіе въ дѣйство произвесть можно, и почему узнать, которыя страсти его очень

сильнѣе и которыя не таковы сильны, то похваля въ семъ случаѣ ваше любопытство, охотно удовольствую васъ краткимъ въ семъ случаѣ и практическимъ руководствомъ, только прошу оное, какъ примѣчанія достойную вещь, замѣтить. Сколь великъ нашъ произволъ и которыя изъ нашихъ страстей, желаній и привычекъ его слабѣе и сильнѣе, и которыя изъ нихъ онъ безъ драки одолѣвать и которыхъ дравшись *одолѣть* можетъ, и которыхъ *одолѣть* не въ состояніи, можемъ мы очень скоро и легко узнать, буде похотимъ возъимѣть не большое о самихъ себѣ и о дѣлахъ своихъ вниманіе. Ибо существительное дѣйствіе произвола состоитъ въ томъ, что мы посредствомъ онаго можемъ изъ двухъ, или многихъ разныхъ дѣлъ любое выбирать. Теперь надобно знать, что всѣ дѣла наши суть трояка́го рода, а именно: 1. добрыя; 2. худыя; 3. посредственныя, то есть ни добрыя, ни худыя, или такъ называемыя позволительныя и такія, которыми мы Богу ни угодить, ни ими его прогнѣ-

гнѣвать, и за нихъ ни награждены, ни наказаны быть не можемъ. Предположивъ сіе, скажу вамъ далѣе, что выборъ нашъ по дѣйствію произвола можетъ касаться либо до однихъ добрыхъ, либо до однихъ худыхъ; либо до посредственныхъ, либо до всѣхъ ихъ вообще. То есть: мы можемъ либо изъ двухъ, или многихъ разныхъ добрыхъ, намъ предлежащихъ, дѣлъ выбирать любое и слѣдовать и предпринимать одно изъ оныхъ, либо всѣхъ ихъ не предпринимать; либо изъ двухъ, или многихъ разныхъ худыхъ дѣлъ выбирать также любое, или произвольное, и слѣдовать, или не слѣдовать, какъ ему, такъ и всѣмъ имъ; либо изъ двухъ, или многихъ разныхъ позволительныхъ дѣлъ выбирать также любое и произвольное, и ему слѣдовать, или не слѣдовать; либо въ случаѣ, когда предлежатъ намъ два, или три разнаго существа дѣла, на примѣръ одно доброе, другое худое, а третье позволительное, то и мы изъ всѣхъ ихъ можемъ любое, то есть, либо доброе, либо худое, либо позво-

позволительное выбирать, и оное предпринимать, или не предпринимать. Вотъ существо того произвола, которой мы человѣки отмѣнно предъ всѣми прочими извѣстными и произволомъ одаренными созданіями имѣемъ; ибо что касается до Ангеловъ и злыхъ духовъ, кои также произволъ имѣютъ, то объ нихъ съ вѣроятностію можемъ заключить, что въ нихъ онъ уже инаковъ и дѣйствіе онаго въ первыхъ, то есть въ Ангелахъ, касается только до добрыхъ дѣлъ. Они могутъ выбирать любыя только изъ добрыхъ, и потому уже грѣшить не могутъ; а вторые, то есть злые духи, могутъ только выбирать любыя изъ злыхъ и худыхъ дѣлъ, и сіе сдѣлалось уже такъ по неизвѣстнымъ и сокрытымъ отъ насъ произшествіямъ чрезъ отпаденіе ихъ отъ Бога, какъ о томъ намъ Священное Писаніе нѣчто малое повѣствуетъ. Но я удалился уже отъ моего предмета. Теперь, возвращаясь опять къ оному, скажу, что всѣ разные роды помянутыхъ дѣлъ могутъ намъ быть не одинаково ми-

лы

лы и противны, то есть изъ двухъ добрыхъ дѣлъ одно милѣе и пріятнѣе другаго; одно труднѣе, а другое легче; къ одному имѣть мы можемъ болѣе охоты, нежели къ другому. Также изъ худыхъ одно пріятнѣе, а другое не таково пріятно, и къ одному болѣе, а къ другому менѣе мы охоту имѣемъ. Разнота сія произходитъ отъ величины тѣхъ находящихся въ насъ стремительствъ, желаній и привычекъ, которыя насъ къ тому побуждаютъ. И такъ по самой сей разнотѣ можемъ мы съ достовѣрностію судить и о величинѣ оныхъ; ибо естьли намъ какія худыя дѣла слишкомъ милы и пріятны, и мы никакъ не можемъ себя пересилить и переломить, чтобъ ихъ не дѣлать, то за вѣрное можемъ класть, что та страсть въ насъ слишкомъ велика, и произволъ одинъ и самъ собою ее преодолѣть не можетъ. Естьли онѣ намъ хотя милы и пріятны, но мы можемъ, ежели похотимъ, ихъ и не дѣлать; однако не инако, какъ сдѣлавъ къ тому себѣ нѣкое и болѣе, или меньше съ непріятностію сопряжен-

женное принужденіе, то о такой страсти за вѣрное можно заключить, что она не слишкомъ еще много превзошла величину и силу нашего произвола, и онъ можетъ ее преодолѣвать, хотя не инако, какъ съ нею подравшись и возъимѣвъ сраженіе. Ибо самая оная чувствуемая нами непріятность и трудъ и означаетъ оную ихъ внутреннюю между собою брань и сраженіе. Естьлижъ напротивъ того худое какое дѣло намъ хотя мило и пріятно, но мы оное оставить безъ дальняго себѣ принужденія и не чувствуя никакого труда можемъ, то о сей страсти за вѣрное кладите, что она слабѣе вашего произвола, и у него находится въ порабощеніи. Что касается до добрыхъ дѣлъ, то о величинѣ и мализнѣ склонностей и желаній оныхъ можемъ мы судить по величинѣ и мализнѣ нашей къ тому охоты, и чувствуемаго при исполненіи онаго увеселенія, какъ на примѣръ: когда мы какое хорошее дѣло предпринимаемъ охотно и безъ дальняго себя къ тому принужденія, то сіе означаетъ,

что стремленіе къ тому въ насъ нарочито велико. Естьлижъ не охотно, а дѣлая себѣ нѣкое насиліе и принужденіе, то значитъ, что стремительство къ тому не слишкомъ еще велико, и что есть въ насъ противное ему худое стремленіе, которое тогда произволу нашему одолѣвать надобно; ибо отъ самаго того и проистекаетъ помянутая неохота и чувствуемая трудность; ибо съ добрыми желаніями, какъ своими природными подданными, не имѣетъ причины произволъ драться и ссориться, но помогаетъ имъ только въ ихъ дѣйствіи. Такимъ же образомъ можемъ мы и по величинѣ увеселенія и неудовольствія о величинѣ добрыхъ и худыхъ въ насъ находящихся желаній съ нѣкоторою достовѣрностію заключать, а именно: естьли, исполнивъ какое нибудь хорошее дѣло, ощущаемъ мы въ себѣ чувствительное веселіе, то есть, когда мы крайнѣ тогда сами собою довольны, ради и веселимся тѣмъ, что сдѣлали, то за вѣрное можно положить, что стремленіе къ тому въ насъ нарочи-

рочито велико; естьлижъ напротивъ того при исполненіи не чувствуемъ никакого особаго увеселенія, и оно намъ не производитъ никакого внутренняго удовольствія, то заключать уже должно, что стремительство къ тому въ насъ еще очень мало и неважно, и мы болѣе для другихъ причинъ оное дѣло сдѣлали. А такимъ же образомъ естьли досада и неудовольствіе при случившемся какомъ нибудь оскорбленіи нашихъ худыхъ, или добрыхъ желаній велико, то заверное можно заключать, что и страсть и желаніе къ тому въ насъ было велико. Естьлижъ неисполненіе какого желанія насъ не слишкомъ трогаетъ и печалитъ, то заключать уже можно, что и желаніе само собою не велико. А то же самое можно и о третьемъ родѣ, то есть позволительныхъ дѣлахъ, заключить.

Вотъ пробильной камень, или оселокъ, по которому намъ состояніе нашихъ добрыхъ и худыхъ склонностей, равно какъ и произвола, узнавать

можно и легчайшее средство къ толь надобному самихъ себя познанію. Теперь не трудно уже усмотрѣть, какимъ образомъ намъ произволъ свой укрѣплять и усиливать должно и можно, а именно: все дѣло въ томъ состоитъ, чтобъ мы отважились на собственное самихъ себя принужденіе, и вопервыхъ къ предпринимані́ю такихъ хорошихъ, хотя не важныхъ, добрыхъ дѣлъ, которыя безъ принужденія самихъ себя и безъ сдѣланія себѣ нѣкакого насилія произвесть мы не можемъ. Вовторыхъ, къ оставленію и непредпринимані́ю и маленькихъ нашихъ худыхъ дѣлъ, не взирая, что они намъ милы и пріятны, но къ великодушному сего обманнаго веселія и пріятности презиранію. Наконецъ втретьихъ въ самыхъ безпристрастныхъ и невиновныхъ дѣлахъ наблюдалибъ точно сіежъ правило и умышленно при выборѣ нашемъ давали тѣмъ преимущество, которыя намъ не столь пріятны и милы, какъ прочія, но себя и въ разсужденіи ихъ приневоливали; ибо все сіе троякое самихъ

михъ себя приневоливаніе и переламываніе укрѣпляетъ невѣдомо какъ нашъ произволъ и дѣлаетъ его сильнѣйшимъ. Отъ чего и происходитъ то извѣстное всѣмъ обстоятельство, что въ другой и въ третей разъ намъ далеко такого труда не будетъ стоить себя къ тому принудить, какъ въ первой. Ибо произволъ нашъ, отъ первой побѣды увеличившись, въ другой разъ удобнѣе съ непріятелемъ своимъ сладить можетъ, а тѣмъ еще болѣе увеличившись въ третей разъ и того скорѣе съ нимъ сладить, а наконецъ и безъ сраженія его преодолѣвать можетъ; и мы безъ всякаго отягощенія, скуки и труда то предпринимать можемъ. Однимъ словомъ, намъ надобно всѣми образами стараться подавать ему, какъ можно чаще, случаи съ неважными непріятелями своими драться. И какъ случаевъ къ тому всякой день множество найти можемъ, то не трудно намъ будетъ въ короткое время таковыми часто получаемыми побѣдами его знатнымъ образомъ увеличить и пріучить драть-

ся храбрѣе и проворнѣе. А тогда съ Божескою помощію можемъ мы ополчиться и противъ главныхъ нашихъ враговъ и злодѣевъ. Но сего довольно будетъ о семъ пунктѣ. Теперь пойдемъ далѣе.

5.

Пятымъ обстоятельствомъ войны нашей полагалъ я, чтобъ разуму нашему также не быть безъ дѣла, но пользуясь свободнымъ временемъ, то есть, когда главныя наши страсти спятъ и не дѣйствуютъ, и какія времена случаются съ нами часто, при помощи произвола дѣлать возможнѣйшія пріуготовленія. И вопервыхъ, снабжать себя и произволъ разными оружіями и снарядами, равно какъ и рекрутами, или войсками; вовторыхъ, о снабдѣніи себя помощными звѣрками; втретьихъ, о снисканіи посторонняго помощника. Все сіе, какъ я тогда говорилъ, такъ и теперь повторю, достойно наивеличайшаго примѣчанія и составляетъ такую важность, которую я довольно изобразить не въ

со-

состояніи. Довольно, что весь успѣхъ въ сраженіяхъ съ главными бунтовщиками наиглавнѣйше зависитъ отъ того, довольно ли, или не довольно имѣть мы будемъ сихъ оружій и снарядовъ, солдатъ и помощниковъ, и сильны ли они или не сильны противъ злодѣевъ нашихъ будутъ, и дѣйствительнѣе ли дѣйствовать будутъ, нежели оружія оныхъ. Но какъ не всякой можетъ усмотрѣть, что собственно я подъ всѣми оными пріуготовленіями разумѣю, то надобно мнѣ каждой изъ помянутыхъ пунктовъ въ особливости изъяснить.

И такъ надобно знать, что подъ именемъ оружій и военныхъ припасовъ и снарядовъ разумѣю я собственно убѣжденія, или убѣдительныя причины, а подъ именемъ рекрутъ и войскъ собственно приличныя и противныя страстямъ нашимъ и такія мысли, которыя могутъ спорить и прогонять тѣ мысли, по которымъ наши страсти дѣйствуютъ, и кои почесться могутъ ихъ войсками. Ибо собствен-

ное сраженіе происходитъ болѣе между птичками, или мыслями, какъ рядовыми, а произволъ и страсти представляютъ съ обѣихъ сторонъ предводителей, или командировъ. И сіи-то надобныя мысли и убѣжденія надобно разуму заготовлять заблаговременно, и имѣть ихъ въ готовности, дабы въ нужномъ случаѣ можно было тотчасъ ихъ призвать и выставить на брань противъ войскъ непріятельскихъ. Изъ сего самаго проистекаетъ пятое и примѣчанія достойное правило слѣдующаго содержанія.

5. Старайся запастись заблаговременно такими мыслями и воображеніями, которыя способны противоборствовать прелестямъ страстей, и къ уничтоженію дѣйствія оныхъ.

Чтобъ далѣе изъяснить сіе великаго примѣчанія достойное правило, то долженъ я сказать, что помянутыя мысли и воображенія, или такъ названныя мною орудія, военные припасы и войска могутъ быть троякія: одни такія, которыя могутъ употребляемы быть

быть самимъ произволомъ и разумомъ противъ всѣхъ страстей вообще. Такія называются общими и могутъ почесться равно какъ собственными ихъ орудіями и такими войсками, которыми они сами командуютъ, и во всякое время употреблять могутъ. Другія напротивъ того такія, которыя не противъ всѣхъ страстей вообще, но противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, или одной которой нибудь, употребляемы быть и дѣйствовать могутъ. И такія называются особенными, и можно ихъ почесть нѣкіими особыми и резерфными войсками. Третьижъ не собственно произволомъ, а подъ его главною командою помощниками его другими зверками, то есть хорошими желаніями, могутъ быть употребляемы и состоятъ собственно у нихъ въ командѣ; и потому разумомъ собственно въ пользу и для снабдѣнія ихъ оными заготовляемы и запасаемы быть долженствуютъ.

Ежели спросите теперь, для чегожъ бы должно быть сіе заблаговре-

менное заготовленіе, и какія бы собственно были сіи мысли, о которыхъ я теперь говорю, то на первое скажу, что заблаговременное заготовленіе оныхъ необходимо надобно вопервыхъ для того, что поводы къ сраженію съ страстями могутъ случиться совсѣмъ нечаянно. Они сами на насъ и иногда совсѣмъ внезапно и съ такою фуріею нападаютъ, что мы, не ожидая совсѣмъ того, всего скорѣе можемъ притти въ превеликую и такую разстройку и замѣшательство, что и имѣя въ готовности оружія и войски съ трудомъ первыя ухватить, а вторыя противъ ихъ вывесть можемъ, кольми паче когда оныхъ мы въ готовности и при себѣ имѣть не будемъ. Вовторыхъ, что страсти наши при атакѣ и нападеніи на насъ употребляютъ толь великую хитрость, наглость и проворство, что намъ не достаетъ иногда времени и о защищеніи самихъ себя помышлять, а не только чтобъ упражняться въ выдумываніи и прінскиваніи нужныхъ къ преодолѣнію ихъ мыслей, или въ дѣланіи и пріуготовленіи

товленіи оружія и набиранія войска. Имъ надобно уже быть готовымъ и въ такой близости, чтобъ мы того момента ихъ схватить и употребить могли, то есть, надобно, чтобъ мысли сіи на досугѣ и заблаговременно были пріуготовлены, и такъ твердо наизусть затвержены, какъ умножительная таблица, или какъ твердо мы Отче нашъ знаемъ, дабы въ нужномъ случаѣ того момента могли мы оныя вспомнить и возбудить ихъ въ душѣ своей. Въ противномъ случаѣ натурально принуждены мы будемъ имѣть въ сраженіи успѣхъ невожделѣнной и дать себя разбить и собой овладѣть непріятелямъ. Отъ чего самаго и происходитъ, что многіе не въ состояніи совсѣмъ дѣйствіямъ страстей своихъ противиться, но при первой еще атакѣ кладутъ ружья и отдаютъ себя въ плѣнъ и въ невольники. Вотъ причина, для чего заблаговременное заготовленіе надобно. И легко можно заключить, что она важна довольно.

Что касается до втораго вашего вопроса, то я не знаю, что мнѣ вамъ на оной отвѣтствовать. Ибо, естьли мнѣ разсказывать въ подробности, какія собственно мысли разумѣю я подъ помянутыми разными родами орудій, снарядовъ и войскъ, и всѣ ихъ вамъ пересказывать поимянно, то принужденобъ мнѣ было наполнить тѣмъ однимъ цѣлую треть книги, или по крайней мѣрѣ множество листовъ въ оной, и тѣмъ безъ нужды увеличить и безъ того можетъ быть досадную вамъ величину оной. Причиною тому то, что они могутъ быть весьма многоразличны и многочисленны, а особливо естьли пересказывать вамъ здѣсь и общія и особенныя, что не инако какъ завелобъ меня въ превеликое пространство. И для того сколько ни льщусь я надеждою, что вы безъ скуки и отвращенія все сіе читаете, однако боюсь отяготить васъ слишкомъ великимъ и притомъ не совсѣмъ необходимымъ пространствомъ. Но естьли мнѣ и вовсе о томъ умолчать, такъ не менѣе боюсь, чтобъ вы

на

на меня не подосадовали, и меня не обвинили, что я въ самой нужнѣйшей матеріи не похотѣлъ васъ удовольствовать и умолчалъ о томъ, что умолчать всего меньше мнѣ надлежало. И такъ, будучи въ семъ нестроеніи, другаго не нахожу, какъ держаться средины и удовольствовать васъ только отчасти, а прочее предоставить собственному труду вашему. То есть: разсказать въ возможной сокращенности, какого рода *должны* быть оныя мысли, *или войска*, и откуда браты; также изъ какихъ матеріаловъ должны пріуготовляемы быть и какія орудія и какія притомъ нужныя вещи наблюдать надобно, и тѣмъ показать стезю, по которой идучибъ можно было вамъ самимъ уже оныя для себя заготовлять и дѣлать.

И такъ, что касается до существа войскъ, то я о томъ вамъ уже впереди сказывалъ, а именно: что симъ мыслямъ надобно быть такимъ, которыя бы страстямъ нашимъ были противны, и во всякое время имъ неми-

лы и непріятны; ибо такія, а не иныя какія могутъ съ ними, или паче съ ихъ мыслями, или войсками драться. Однимъ словомъ, чѣмъ несноснѣе они будутъ онымъ, тѣмъ храбрѣйшими можемъ мы почесть ихъ воинами и тѣмъ лучше на нихъ надѣяться. Вотъ примѣта, или мундиръ нашихъ воиновъ, по которому вы ихъ вообще искать и находить и вербованіемъ оныхъ войско свое умножать можете! Вамъ нужно только въ самихъ себѣ примѣчать, какія мысли и воображенія какъ въ семъ, такъ въ особливости наиболѣе въ васъ господствующимъ страстямъ во время дѣйствованія ихъ не по шерсти, какъ скоро множество ихъ найти можете. И такъ примѣчайтежъ оныя, и остановивъ впечатлѣвайте себѣ какъ можно тверже въ память. Чрезъ сіе будете вы ихъ равно какъ воиновъ вербовать и дѣлать ихъ себѣ послушными. Сіе есть общее правило къ вербованію толь нужныхъ воиновъ; но естьли вы сего труда употребить не похотите, то разскажу вамъ тѣ мѣста и жилище, гдѣ вы воиновъ найти,

ти, и тѣ матеріалы, изъ которыхъ вы орудія и припасы на досугѣ сами пріуготовлять можете.

Первое мѣсто, гдѣ вы множество ихъ найти и по желанію, сколько вамъ угодно, вербовать можете, есть такія книги и разговоры, въ коихъ упоминается о всѣхъ вредныхъ слѣдствіяхъ, проистекающихъ для насъ отъ пороковъ, или обладанія нами страстей. Каждая живая мысль о вредѣ, происходящемъ намъ *либо* отъ всѣхъ, *либо* отъ *какой* нибудь особой страсти, составляетъ уже воина, которой тѣмъ храбрѣе, чѣмъ онъ живѣе и чѣмъ способнѣе привесть насъ въ чувство. И такъ ищите такихъ мыслей въ нравоучительныхъ книгахъ, и буде далеко ходить не хотите, то хотя въ самой сей. Въ ней повсюду разбросано множество такихъ мыслей и выраженій. Не упоминая о прочихъ, какъ впереди, такъ и позади, мѣстахъ, въ одномъ IX разсужденіи вы множество ихъ найти и цѣлую роту ихъ навербовать можете, буде только похотите.

тите. Но хорошо, когда бы вы ихъ цѣлой полкъ, или корпусъ набрали.

Второе жилище такихъ воиновъ, или мыслей, найдете вы, естьли войдете въ пространное поле всѣхъ тѣхъ выгодъ и истинныхъ пользъ, которыя намъ произтекутъ отъ того, когда мы страстямъ не будемъ поддаваться, но ихъ храбро одолѣвать. То есть: когда станете и сами помышлять и въ книгахъ искать и отъ другихъ людей спрашивать, что отъ того для насъ хорошаго и выгоднаго произойдетъ, когда мы удалимся отъ страстей и пороковъ, и не будемъ имъ слѣдовать, и каждую мысль, изображающую пользу, ловить и замѣчать въ памяти. Таковыхъ мыслей можете вы также множество найти какъ въ сей, такъ и во многихъ другихъ нравоучительныхъ книгахъ, и всякая изъ нихъ не съ меньшимъ успѣхомъ драться можетъ съ непріятелемъ. И такъ вербуйте и ихъ какъ можно болѣе и накопляйте изъ нихъ другой себѣ полкъ воиновъ. Воины сіи,

сіи, а особливо естьли ихъ пообучить, дерутся еще храбрѣе первыхъ.

Третье жилище оныхъ можете вы найти во всѣхъ тѣхъ причинахъ, для которыхъ намъ преодолѣваніе страстей нашихъ неотмѣнно и необходимо надобно. Такихъ причинъ можно найти великое множество, и какъ каждая мысль, изъявляющая необходимость и надобность сего преодолѣванія, можетъ составлять уже хорошаго воина, *то* набирайте изъ нихъ себѣ *третій* полкъ, или корпусъ, которой не менѣе на сраженіи храбръ и непріятелямъ страшенъ быть можетъ. Въ семъ случаѣ можете вы также какъ сею, такъ и многими другими нравоучительными книгами пользоваться, гдѣ повсюду разсѣяно множество такихъ мыслей.

Наконецъ четвертой родъ воиновъ могутъ составлять различныя мысли о возможности, вѣроятности и безсомнѣнности сего преодолѣванія. Изъ нихъ можете вы себѣ составить также

же нужной резерфной баталіонъ, могущій сдѣлать вамъ въ нужномъ случаѣ хорошее подкрѣпленіе, и вы легко можете ихъ найти, естьли только похотите приложить стараніе.

Вотъ наизнатнѣйшія мѣста, откуда вы можете получать множество рекрутъ и войскъ, и тѣмъ въ скоромъ времени заготовить для себя превеликую армію, которою всею, или нѣкоторою частію оной, можете вы всякой разъ пользоваться.

Что касается до матеріаловъ, изъ которыхъ вамъ пріуготовлять оружія и военные припасы, то какъ сими оружіями собственно можно почесть отчасти самыя тѣжъ прежде упомянутыя мысли, отчасти же нѣкія особыя, нужныя и противныя страстямъ нашимъ воображенія, то и матеріалы не иное что суть, какъ тѣ вещи, которыя должны тогда быть воображаемы. Какія онѣ, то легко можно усмотрѣть изъ нижеслѣдующаго краткаго описанія существа наиглавнѣйшихъ

шихъ орудій, или такъ сказать, духовной нашей артиллеріи.

Первое и навеличайшее орудіе есть живое воображеніе присутствія Божескаго со всѣми его величественными и безконечными свойствами и совершенствами. Это такое орудіе, изъ котораго и противъ одного выстрѣла никакая страсть безъ трепета устоять не можетъ, и которое одно цѣлой полкъ воиновъ, *или толпу* мыслей, замѣнить *можетъ*. И такъ буде хотите запасти себя симъ толь нужнымъ картауномъ, то пріучите себя заблаговременно воображать живо присутствіе великаго вашего Создателя со всѣми его величественными совершенствами. Я не просто говорю, пріучите; ибо знаю, что не всякой можетъ производить въ себѣ сіе воображеніе, не пріучивъ себя къ тому прежде. Великая разница сказать и говорить, что Богъ вездѣ и подлѣ меня отъ живаго воображенія его присутствія.

Въ первомъ случаѣ, и цѣлой часъ говоря о присутствіи Божескомъ, легко можемъ остаться мы безчувствительны, а во второмъ не можно, чтобъ того момента нѣкой трепетъ не проникъ всѣ кости наши. Вотъ примѣта живому воображенію, и таковому-то надобно ему быть, естьлибъ хотѣть, чтобъ оно намъ пользовало. Ибо чѣмъ живѣе оно будетъ, тѣмъ дѣйствительнѣе будетъ и выстрѣлъ, и тѣмъ сильнѣе поразитъ нашихъ злодѣевъ. И такъ пріучите себя воображать Его такъ, какъ бы Онъ находился дѣйствительно подлѣ васъ и предъ вами окруженный славою и величествомъ, и вы предъ Нимъ стоите какъ предъ всемогущимъ Творцомъ, Обладателемъ неба и земли и въ тысячу разъ болѣе, нежели предъ Государемъ, и притомъ святѣйшимъ, зло и всякое худо безконечно ненавидящимъ и съ гнѣвомъ на то взирающимъ Господемъ и всесильнымъ Властелиномъ надъ вашею жизнію и дыханіемъ, и такъ далѣе. Вы увидите сами, коль много вамъ такое воображеніе помогать станетъ,

нетъ, естьли вы въ нужномъ случаѣ его въ пользу себѣ и на прогнаніе тѣмъ негодныхъ мыслей употребить похотите. И повѣрьте, что удивитесь сами, сколь сильно въ состояніи поражать оно вашихъ недруговъ.

Второе орудіе есть живое воображеніе величины міра и своей предъ нимъ малости и ничтожности, а имянно, когда мы станемъ воображать себѣ, коль велика и неизмѣрима вся вселенная и коль малъ предъ нею и весь нашъ земной шаръ, а не только мы, а себя намъ и пылинкою и самымъ маленькимъ непримѣтнымъ червякомъ почесть не можно. Такое воображеніе также очень много намъ противъ непріятелей помогаетъ и можно его почесть поражающимъ ихъ великимъ же орудіемъ, а особливо когда оно вмѣстѣ съ предслѣдующимъ будетъ употребляемо, то есть рядомъ съ нимъ поставлено и притомъ имъ искусные артиллеристы, то есть мысли наши, будутъ дѣйствовать.

Третье и весьма важное и нужное орудіе есть живое воображеніе смерти, или той перемѣны, которая съ нашимъ тѣломъ неотмѣнно и неминуемо воспослѣдуетъ, а имянно, когда мы будемъ воображать себѣ живо, будто бы мы видимъ самихъ себя лежащихъ во гробѣ и погребаемыхъ, или уже согнивающихъ, или однѣ наши кости валяющіяся по землѣ. Можно сказать, что непріятели наши сей пушки чрезвычайно боятся и стремглавъ отъ ней бѣгутъ, какъ скоро завидятъ. Кольми паче когда мы употребимъ для стрѣлянія изъ оной искусныхъ артиллеристовъ, то есть выберемъ къ такимъ воображеніямъ приличныя и болѣе насъ въ трепетъ приводящія мысли. Впрочемъ естьли хотите, чтобъ пушка сія цѣльнѣе попадала и непріятелей болѣе вредила, то стрѣляйте изъ ней и ядрами и бомбами, то есть присовокупляйте притомъ и напоминаніе того, что помянутая и толь страшкая перемѣна вашего состоянія можетъ быть гораздо скорѣе воспослѣдуетъ, нежели

вы

вы думаете, и легко можетъ статься, что меньше уже года, или меньше уже мѣсяца осталось до того времени, и что еще въ тотъ же, или въ послѣдующей день смерть васъ постичь можетъ, и что вы не можете поручиться, что вы и до скончанія самаго того дня вѣрно доживете. Таковыя и сему подобныя мысли будутъ не хуже бомбъ дѣйствовать и непріятелей врознь разгонять.

Сіи суть наиважнѣйшія и сильнѣйщія орудія, составляющія, такъ сказать, осадную артиллерію. Что касается до прочихъ и не столь важныхъ, однако дѣйствительныхъ, то ихъ можно наготовить намъ великое множество и разныхъ родовъ, и настановить ими, такъ сказать, цѣлыя цейггаузы, на примѣръ, всѣ живыя воображенія могущихъ съ нами случиться великихъ и такихъ нещастій, о которыхъ мы безъ трепета вспомнить не можемъ, и о которыхъ и одно помышленіе насъ въ содроганіе приводитъ, составить могутъ цѣлой паркъ

пушекЪ, мортирЪ и гоубицЪ, которыя будутЪ очень хорошо дѣйствовать. И для того приищите такія воображенія заблаговременно и приучите себя на досугѣ живо ихЪ себѣ, какЪ присутствующія, воображать, что учинивЪ равно какЪ научитесь изЪ оныхЪ стрѣлять. Воображенія горящаго своего дома, умирающаго наилучшаго своего друга, или родственника, или милой и нужной особы, и прочее многое тому подобное, составляютЪ сего рода разныя орудія.

Другой родЪ такихЪ мѣлкихЪ и разныхЪ орудій могутЪ составлять воображенія такихЪ бывшихЪ сЪ нами, или впредь могущихЪ быть приключеній, кои намЪ обращались вЪ превеликой стыдЪ, такЪ что мы долгое время и послѣ того не можемЪ ихЪ безЪ внутренняго самихЪ себя устыженія вспомнить. Многія изЪ таковыхЪ пушечекЪ бываютЪ иногда очень цѣльны и производятЪ очень изрядное дѣйствіе, и для того напомните, не было ли сЪ вами вЪ жизнь вашу какихЪ

кихъ нибудь сего рода приключеній, и какъ скоро какое вспомните, то замѣтьте оное и пріучите себя живо воображать. Всякое такое воображеніе составитъ особую пушечку, которая вамъ при случаѣ очень сгодится.

Третій родъ такихъ же орудій могутъ составлять воображенія такихъ случаевъ и приключеній, которыя производили въ васъ великое раскаяніе и на самихъ себя досаду. Они нѣсколько похожи на предслѣдующія и не менѣе дѣйствительны быть и намъ при случаѣ пользовать могутъ.

Вотъ описаніе существа нашей духовной артиллеріи, изъ котораго легко можете вы уже сами усмотрѣть, какіе должны быть прочіе и здѣсь за краткостію не упомянутые роды орудій. Теперь осталось мнѣ сказать, что вамъ при всемъ ономъ заготовленіи войскъ и орудій въ особливости наблюдать надобно.

Вопервыхъ, надобно вамъ стараться навербованныя свои войска какъ можно лучше обучить въ сраженiи храбрѣе и проворнѣе драться. Это значитъ, чтобъ вы сысканныя убѣдительныя мысли на досугѣ старались дѣлать живѣйшими и приводить въ такое состоянiе, чтобъ онѣ скорѣе васъ могли приводить въ чувство и васъ трогать, то есть: помышляйте о тѣхъ вещахъ подъ такими словами, которыябъ были поразительнѣе. Чего ради примѣчайте, какiя слова и изреченiя наиболѣе васъ трогаютъ и подъ такими точно словами и помните ихъ.

Вовторыхъ, надобно вамъ стараться артиллерiю свою привесть въ хорошее состоянiе и снабдить нужными припасами, а особливо обучить артиллеристовъ стрѣлять изъ ней цѣльно. Я впереди уже упоминалъ, что сiе значитъ, а теперь повторю, что дѣло въ томъ состоитъ, чтобъ вы примѣтили, какими словами и мыслями можете вы живѣе возбуждать и про-

изво-

изводить въ себѣ помянутыя воображенія и оныябъ затвердили въ память, чрезъ сіе запасетесь вы равно какъ припасами, а чрезъ частое повтореніе сихъ воображеній обучите вы артиллеристовъ своихъ проворнѣе дѣйствовать.

Втретьихъ, надобно вамъ стараться какъ навербованныя войска, такъ и приготовленныя орудія, доставить въ надежное, близкое и такое мѣсто, гдѣбъ вы всякой разъ, какъ они вамъ ни понадобятся, того часа могли ихъ сыскать, ухватить и ихъ противъ непріятелей выставить, или себя ими оградить. Ибо въ противномъ случаѣ сколькобъ вы ихъ ни заготовляли, но они вамъ не будутъ пользовать. Что это значитъ, о томъ изъяснился я уже отчасти впереди, а теперь повторю, что это значитъ то, чтобъ вы всѣ оныя мысли такъ твердо въ память себѣ затвердили, чтобъ вы не только знали всѣхъ ихъ на перечотъ, но того момента могли ихъ вспомнить и возбудить, и тѣмъ равно какъ при-

звать всякой разъ, какъ они вамъ ни понадобятся. Симъ можете вы и при самомъ нечаянномъ нападенiи страстямъ своимъ учинить храброй отпоръ и хитрость ихъ уничтожить.

Теперь знаю, что вы, остановивъ меня въ семъ мѣстѣ, скажете: все это хорошо, но все это скорѣе сказано, нежели сдѣлано быть можетъ. Скоро ли ихъ затвердишь въ память? Не ужъ ли намъ ихъ наизусть учить, какъ маленькимъ дѣтямъ, и ежели наизусть, то чего это и какого труда будетъ стоить? и время ли намъ уже въ томъ упражняться? Маленькiя ли мы дѣти, что хотите вы насъ заставить опять то дѣлать, что насъ и въ малолѣтствѣ неоднажды въ слезы приводило? . . . На сiе скажу вамъ, что естьли вы симъ образомъ разсуждать хотите; естьли нѣтъ вамъ времени о истинной своей пользѣ помышлять; естьли вы столь нѣжны, что не хотите и для очевидной своей пользы немногiе труды предпрiять; естьли все сiе щитаете вздоромъ и пустотою, то не хочу

васъ

васъ ни къ чему приневоливать; но паки скажу, что оставайтесь, государи мои, съ покоемъ при всѣхъ своихъ увышенныхъ мысляхъ и при всѣхъ своихъ прежнихъ упражненіяхъ. Я вамъ ни мало не мѣшаю. По крайней мѣрѣ меня ничемъ не обвиняйте. Я пишу здѣсь для охотниковъ и прямо истинной своей пользы желающихъ, а не для невольниковъ, и такъ никого и ничемъ не приневоливаю. Симъ же, какъ любезнымъ моимъ товарищамъ, желая далѣе услужить, хочу теперь предложить одно вспомогательное средство, помощію котораго могутъ они и безъ дальняго труда все нужное въ дѣйство произвесть.

И такъ ежели вы, дорогой читатель, принадлежите не къ первымъ, а ко вторымъ, и любопытствуя пожелаете знать, какимъ образомъ наиспособнѣе и скорѣе вамъ можнобъ было все то въ память затвердить, то скажу вамъ, что все сіе учинить никакого дальняго труда вамъ стоить не будетъ, естьли только можете вы

сами

сами съ собою согласиться принять заблаго слѣдующей мой совѣтъ, и оной вамъ не таковъ противенъ и смѣшонъ, какъ многимъ другимъ, можетъ быть покажется, а именно:

Упражняясь въ снискиваніи помянутыхъ выше сего мыслей и воображеній, для лучшаго и способнѣйшаго незабвенія записывайте всѣ оныя на бумажкѣ такими выраженіями, какія по примѣчаніямъ вашимъ наиболѣе васъ трогать могутъ; возмите на себя сей небольшой трудъ и повѣрьте, что онъ вамъ много поможетъ. Чрезъ сіе средство со временемъ составится у васъ имъ не малой реестръ, которой дѣйствительно можете вы почесть спискомъ вашихъ войскъ и табелью оружій и припасовъ. Сей реестръ нужно вамъ на досугѣ нѣсколько разъ прочесть со вниманіемъ, какъ большая часть останется у васъ уже въ памяти.

Но какъ сей реестръ можетъ случиться великоватъ и такъ пространенъ, что для прочтенія его часъ, или полчаса

часа времени надобно, а въ нужномъ случаѣ далеко толикаго времени намъ доставать не будетъ, чтобъ его и нужнѣйшее въ немъ пріискивать, то, буде хотите, употребите другое и легчайшее еще средство, а именно: сдѣлайте себѣ маленькую и въ 24 ю долю листа карманную памятную книжку, столь велику, чтобъ вы ее во всякое время могли при себѣ въ карманѣ носить безъ всякаго отягощенія. Въ сію книжку самымъ мѣлкимъ письмомъ внесите вы всѣ оныя, въ большомъ вашемъ реестрѣ находящіяся мысли наисокращеннѣйшимъ образомъ, и такъ сказать, означая ихъ только двумя, или тремя словами. Чрезъ сіе получите вы равно какъ краткую всѣмъ войскамъ своимъ репартичку, которую вы однимъ взглядомъ пробѣжать и все нужное усмотрѣть и припомнить можете. Польза отъ такой книжки можетъ быть великая; ибо вопервыхъ трудяся надъ нею можете вы нечувствительно много затвердить себѣ въ память и удобнѣе писанное послѣ припомните. Вовторыхъ, хотя бы что и по-

позабыли, такъ всякой разъ и во время самаго сраженія можете вы, выхвативъ ее изъ кармана, справиться и припомнить, и такіе случаи рѣдко трафляться будутъ, чтобъ вы не могли найти удобной минуты вынуть ее непримѣтно отъ людей изъ кармана и въ нее заглянуть. Но хотябъ и сего учинить было не можно, такъ одно напоминаніе оной можетъ вамъ припомнить многія записанныя въ ней мысли. А напоминать о себѣ она сама вамъ станетъ; ибо всякой разъ, какъ ни положите вы въ тотъ карманъ руку, она вамъ равно какъ скажется.

Вотъ вспомогательное средство, о которомъ судите теперь какъ вамъ угодно, и хотите оное употребляйте, хотите нѣтъ. Я предложилъ его здѣсь не для того, чтобъ оно было необходимо надобно, но для того, что оно можетъ употребляемо быть и приносить намъ пользу, а особливо при началѣ нашего исправленія, покуда мы съ страстями нашими вое-

ватъ

вать не обыкнемъ, ибо послѣ можемъ мы уже и безъ него обходиться.

Симъ окончу я изъясненіе сего общаго о заготовленіи войскъ и припасовъ правила. Теперь время мнѣ приступить ко второму роду военныхъ пріуготовленій.

Вовторыхъ полагалъ я, чтобъ разуму нашему въ помянутоежъ свободное время стараться о снабдѣніи себя, или паче Фелдмаршала своего, нужными помощниками, и чрезъ то набирать мало по малу себѣ друзей и товарищей, и тѣмъ умножать единомышленную себѣ партію и оную какъ можно увеличивать, дабы при подкрѣпленіи оныхъ можно было смѣлѣе итти грудью противъ своихъ непріятелей, и ихъ скорѣе и съ лучшимъ успѣхомъ преодолѣвая низлагать. Таковыми нужными ему помощниками не иные кто суть, какъ природные его подданные и вѣрные рабы и Офицеры, то есть всякаго рода хорошія склонности, и желанія, и привычки. Но

какъ

какѣ всѣ они, или большая часть, находятся вѣ равномѣрномѣ сѣ Государями своими загнанiи и неволѣ, состоящей вѣ великомѣ изнеможенiи и слабости, происходящей отѣ того, что они очень малы, то все помянутое тайное военное прiуготовленiе состоитѣ вѣ томѣ, чтобѣ разуму сѣ помощiю произвола стараться ихѣ тайнымѣ образомѣ и умышленно увеличить, дабы они вѣ нужномѣ случаѣ могли разбужены и призваны быть на помощь, и проснулись бы уже не маленькими, а большими, и естьлибѣ можно такими, чтобѣ величиною своею превосходили величину того бунтовщика, или страсти, сѣ которою предпринимается тогда брань и сраженiе. Ибо тогда при помощи такого сильнаго помощника не трудно уже будетѣ нашему произволу сѣ непрiятелемѣ своимѣ сладить. Легко можно заключить, что чѣмѣ болѣе такихѣ помощниковѣ находиться будетѣ вѣ готовности, тѣмѣ для насѣ лучше; ибо вѣ семѣ случаѣ во всякое время, когда ни востребуется ихѣ помощь, можемѣ мы призывать

вать нѣскольких изъ них къ себѣ и выставлять противъ наших злодѣевъ. Но изъ всѣхъ ихъ нѣтъ надежнѣйшихъ, какъ самыхъ тѣхъ, которые имѣютъ природную и персональную къ главнымъ нашимъ бунтовщикамъ ненависть, или тѣ хорошія стремленія, которыя натурою своею прямо сопротивны господствующимъ наиболѣе надъ нами худымъ страстямъ, на примѣръ: умѣренность противъ роскоши, смиреніе противъ гордости, щедрость противъ скупости, *любовь* противъ ненависти, *доброхотство* противъ зависти, *трудолюбіе* противъ лѣности, трезвость противъ пьянства, справедливость противъ неправды, и такъ далѣе. Ибо такіе помощники, какъ я выше уже упоминалъ, всего страшнѣе нашимъ злодѣямъ, потому что самое увеличиваніе ихъ само собою толикимижъ градусами уменьшитъ величину противныхъ имъ худыхъ привычекъ, склонностей и стремительствъ, и сіе уже натуральное и всегдашнее послѣдствіе, и потому увеличиваніе оныхъ не только пріуготовленіемъ, но и ве-

ликимъ предварительнымъ тайнымъ надъ непріятелемъ поискомъ почесться можетъ. И такъ изъ всего вышеписаннаго можно извлечь шестое правило слѣдующаго содержанія:

6. Старайся увеличить въ себѣ какъ можно больше хорошихъ склонностей и привычекъ, а особливо тѣ, которыя противны страстямъ, наиболѣе тобою обладающимъ, или сильнѣйшимъ предъ прочими, дабы тебѣ въ нужномъ случаѣ можно было ими пользоваться.

Важность сего правила такъ велика, что я ее довольно изобразить не въ состояніи. Довольно, когда скажу, что наблюденіе онаго для всякаго человѣка необходимо, какъ для помянутыхъ выше сего, такъ и для многихъ другихъ причинъ надобно. Ибо сіи хорошія склонности не только намъ очень много помогать могутъ съ меньшимъ трудомъ одолѣвать нашихъ злодѣевъ, но возбужденіе и увеличиваніе ихъ и для исполненія самаго того конца надобно, на которой

рой мы на сей свѣтъ произведены и жить на землѣ назначены; потому что безъ того не можемъ мы быть добродѣтельными. А сверьхъ всего того возбужденіе и увеличиваніе оныхъ наитѣснѣйшимъ образомъ сопряжено и съ исканіемъ истиннаго нашего какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни благополучія, какъ о томъ въ послѣдствіи сей книги довольно изъяснится. И такъ кто не видитъ изъ сего, что безъ того намъ никоимъ образомъ не можно обойтися; и не довольно ли одни сіи *немногія* слова всю важность сего правила изъяснить могутъ?

Теперь не распространяя словъ поспѣшу къ отвѣтствованію на одинъ важной вопросъ, которой вы, любезной читатель и многіе другіе, мнѣ при семъ случаѣ можетъ быть учините, а именно: вы спросите можетъ быть меня, какимъ же средствомъ и чѣмъ собственно можно намъ умышленно увеличить въ себѣ добрыя оныя склонности и стремительства и обратить въ привычки?

Я не знаю, отвѣтствовать ли мнѣ вамъ на сей важной и похвальной вопросъ въ самой подробности, или нѣтъ, потому что сіе не трудно уже вамъ самимъ изъ предслѣдующихъ моихъ разсужденій отчасти усмотрѣть, а сверьхъ того послѣ, когда я о средствахъ къ снисканію благополучія говорить буду, много разъ о томъ будетъ упоминаться. И такъ боюсь, чтобъ излишнимъ повтореніемъ одного дѣла вамъ не наскучить. Однако какъ сей пунктъ великаго примѣчанія достоинъ и притомъ такой, которой неотмѣнно намъ и всего чаще помнить надобно, то краткое о томъ напоминаніе и въ семъ случаѣ не будетъ излишнимъ. По крайней мѣрѣ принесетъ оно вамъ ту пользу, что послужитъ вамъ общимъ руководствомъ, и вы тѣмъ способнѣе можете его впечатлѣть себѣ въ память и онымъ потомъ пользоваться.

И такъ надобно знать, что и хорошія наши склонности и желанія точно такимъ же образомъ увеличи-

ваемы

ваемы быть могутъ, какимъ увеличиваемъ мы и худыя; потому что всѣ они между собою одинакой натуры и одинакихъ свойствъ, и разность состоитъ только въ ихъ предметахъ, или пищахъ, къ которымъ они стремятся; почему и правила, наблюденіемъ которыхъ сіе увеличиваніе въ дѣйство производимо быть можетъ, должны извлекаемы быть изъ самой общей всѣмъ желаніямъ натуры и ихъ свойствъ различныхъ. *Порядокъ увеличиванія и правила*, къ тому принадлежащія, суть слѣдующія:

1. Ежели хотите какое нибудь хорошее природное стремительство въ себѣ увеличить, то старайтесь его какъ можно чаще изъ сна его умышленно разбужать и подавать случай къ дѣйствію; ибо оно увеличивается только во время дѣйствія.

2. Разбудивъ прилагайте стараніе, чтобъ оно какъ можно долѣе дѣйствовало и не скоро опять заснуло, для того что оно съ каждою мину-

тою своего дѣйствія увеличивается отъ часу болѣе, роснетъ и дѣлается сильнѣе.

3. Когда оно наконецъ заснетъ, то старайтесь, чтобъ оно не долго засыпалось; но не допуская до того всѣми образами, при первомъ и удобномъ случаѣ прилагайте стараніе его разбудить вновь и заставить дѣйствовать, и все сіе для того, что оно во время спанья опять начинаетъ уменьшаться и съ каждою минутою теряетъ нѣсколько пріобрѣтенной величины своей.

Вотъ въ чемъ вообще состоитъ все искусство увеличиванія нашихъ хорошихъ желаній. Но знаю, что сіе руководство слишкомъ еще недостаточно, и вы легко можете спросить, чѣмъ же такимъ намъ удобнѣе его разбужать, бдѣніе его продлить, а дленіе сна сокращать можно. Похвальнобъ было такое ваше любопытство, и я съ охотою готовъ оное удовольствовать.

Что

Что желанія наши возбуждаются ничемъ инымъ, какъ мыслями, о томъ многажды я впереди уже упоминалъ, и сіе не можно, чтобъ вамъ было не извѣстно, и потому не для чего мнѣ о томъ повторять, а лучше сказать, какимъ собственно образомъ сіе наиудобнѣе въ дѣйство производить можно тѣмъ наипаче, что мнѣ довольно извѣстно, что не всякой къ тому равно способенъ, и многіе желалибъ сіе учинить, но не умѣютъ. Но чему и дивиться, и на нихъ пенять не можно, *потому* что имъ не извѣстны тѣ правила, которыя при томъ необходимо наблюдать надлежитъ. И такъ надобно знать, что возбужденіе желаній изъ сна мыслями можетъ быть двоякое: одно посредственное, а другое безпосредственное. Подъ именемъ посредственнаго разумѣю я то, когда мы будемъ употреблять къ тому вспоможеніе нашихъ чувствъ, а особливо зрѣнія и слуха; а безпосредственное, когда и безъ помощи чувствъ, а дѣйствуя однимъ только произволомъ и разумомъ,

мы оныя возбуждать будемъ. То есть, когда произволъ принудитъ разумъ о той вещи, къ которой то желаніе натурально стремится, живо помышлять и думать; въ сходствіе чего и правила, принадлежащія къ тому, суть двоякія, а именно:

Касающіяся до посредственнаго возбужденія желаній мыслями суть слѣдующія:

1. Читайте такія книги, гдѣбъ изящность добродѣтелей и гнусность пороковъ была описана живыми красками и изображена была такъ, что безъ внутренняго чувствія оныя читать было не можно. Не скучайте симъ чтеніемъ, но сдѣлайте къ тому привычку, и читайте не мимоходомъ, но входя въ самихъ себя, помня причину и намѣреніе, для котораго читаете. Таковое чтеніе произведетъ вождelѣнную пользу; ибо какъ каждое читанное со вниманіемъ слово раждаетъ въ насъ множество мыслей, то сіи мысли нечувствительно возбудятъ

будятъ въ васъ хорошія желанія. Чтобъ лучше и скорѣе можно вамъ было симъ средствомъ пользоваться, то замѣтьте, или того еще лучше, выпишите и затвердите лучшія и самыя такія мѣста въ тѣхъ книгахъ, которыя наиболѣе васъ приводили въ чувство, и въ состояніи были возбудить охоту и желаніе то дѣлать. Таковыя выписки и замѣтки могутъ почесться побудительными пружинами, или оружіями и аммуниціею нашихъ хорошихъ желаній. Запасайте ихъ какъ можно болѣе, и снабжайте друзей своихъ сими нужными военными припасами, которые имъ, какъ вы послѣ сами увидите, въ нужномъ случаѣ очень пригодятся. Вотъ первое вспомогательное средство, въ которомъ помогаетъ намъ наше зрѣніе, и которое многимъ способствовало къ ихъ исправленію.

2. Ищите случаевъ къ собственнымъ разговорамъ о нравоучительныхъ матеріяхъ съ другими человѣками, а особливо добродѣтель любящими и почи-

читающими людьми. Разговаривайте съ ними о добродѣтеляхъ и о изящности и полезности оныхъ, и о похвальныхъ любителяхъ оныхъ въ тонкость. Таковые разговоры, а особливо съ разумными пріятелями, принесутъ вамъ великую пользу и въ тысячу разъ будутъ полезнѣе, нежели игра въ карты и разговоры о модахъ, лошадяхъ, собакахъ и судебныхъ дѣлахъ. Они въ состояніи возбудить въ васъ хорошія желанія и охоту къ подражанію добродѣтелями прославившимся мужамъ. Равномѣрноежъ стараніе прилагайте не упускать и такихъ случаевъ, когда вамъ такіе разговоры и отъ другихъ слышать случится; ибо внятное слушаніе оныхъ равномѣрно великую пользу принесть можетъ, какъ то изъ опытовъ довольно извѣстно. Ибо кому не извѣстно, коль великія дѣйствія производятъ иногда въ сердцахъ человѣческихъ хорошія и прямымъ краснорѣчіемъ и живностію наполненныя нравоучительныя проповѣди. Однимъ словомъ, вамъ не надобно упускать ни единаго случая, гдѣбъ вы сами

сами о добродѣтеляхъ говорить, или слушать что нибудь могли.

Но все сіе, то есть читаніе нравоучительныхъ книгъ и разговоры о добродѣтеляхъ, останется тщетно и дальней пользы не принесетъ, естьли вы при томъ одномъ останетесь, и возбудившіяся желанія столь же скоро принудите опять заснуть, сколь скоро они проснулись, то есть когда тотчасъ что читали, или слышали, выложите изъ головы и позабудете. Ибо какъ въ семъ случаѣ не дадите разбудившимся желаніямъ и нѣсколькихъ минутъ поработать, а того меньше покомандовать работниками, или своими членами, то есть когда не предпріимете никакого хорошаго по побужденіямъ ихъ дѣла, то можно ли имъ много увеличиться и не тотчасъ ли они опять всю прибавившуюся величину потеряютъ, естьли они, заснувъ опять, долгое время спать будутъ? Вотъ причина, отъ чего многимъ читаніе книгъ и слушаніе нравоучительныхъ разговоровъ никакой поль-

пользы не приносятъ, но они остаются такимижъ, какими были. Изъ сего проистекаетъ необходимая надобность, чтобъ одними сими посредственными возбужденiями не довольствоваться, но присовокуплять къ тому и безпосредственное, то есть зависящее не отъ чувствъ, а отъ дѣйствiя собственнаго нашего произвола. Правила, касающiяся до того, суть слѣдующiя:

3. Каждой разъ, когда вамъ ни случится либо чтенiемъ книги, либо какимъ разговоромъ приведенну быть въ нѣкоторое чувство, и вы ощущать будете въ себѣ проснувшуюся охоту къ какой нибудь добродѣтели, то буде мила вамъ истинная польза, не оставайтесь какъ можно при томъ, но какъ скоро чтенiе, или слушанiе разговора пресѣчется, то обратитесь къ бѣдному нашему заключеннику произволу, и велите ему убѣдить Государя своего, то есть разумъ, чтобъ онъ остатокъ власти своей, простирающейся до мыслей, употребилъ въ поль-

пользу, и не только остановилЪ бы еще на нѣсколько времени тѣ, которыя тогда дѣйствовали, но и еще бы постарался разбудить множайшія мысли о той же матеріи, дабы чрезЪ то не только дать время возбудившемуся хорошему стремительству подолѣе поработать, но и нечувствительно чрезЪ то и какЪ можно болѣе увеличиться. ЧтобЪ удобнѣе сіе вЪ дѣйство произвесть, то велите произволу стоять тогда, такЪ какЪ на караулѣ, и прогонять изЪ головы вашей всѣ появляющіяся постороннія и касающіяся до другихЪ матерій мысли и желанія, и противиться ими всѣми силами; а разуму вашему вЪ размышленіяхЪ о той добродѣтели наблюдать слѣдующія немногія правила, а именно:

ВоперьыхЪ, силиться какЪ можно ее и то дѣло живѣе себѣ воображать, и такЪ, равно какЪ присутствующее.

ВовторыхЪ, воображать, и какЪ можно живѣе, все то, что она сама вЪ себѣ и вЪ послѣдствіяхЪ своихЪ хороша-

рошаго и пріятнаго имѣетъ; все же то отъ себя отгонять, что непріятную мысль объ ней произвесть может, на примѣръ, сопряженную съ нею скуку, или трудъ, и такъ далѣе.

Втретьихъ, воображать, что оное хорошее дѣло въ дѣйство произвесть вамъ есть возможность и ничто не мѣшаетъ, или что вѣроятно, или совсѣмъ безсомнѣнно, вы въ томъ хорошей успѣхъ имѣть можете.

Вчетвертыхъ, что учинить то вамъ какъ для сего, такъ и для многихъ другихъ причинъ необходимо надобно. Изыскивайте сихъ причинъ какъ можно болѣе и разпространяйте свои мысли объ оныхъ далѣе. Таковыхъ причинъ легко можно найти великое множество, и естьли хотите, то предложу вамъ нѣсколько въ примѣръ, а именно: 1. Что вамъ то хорошее дѣло учинить есть теперь удобной случай. 2. Что впредь можетъ быть такого удобнаго случая не случится. 3. Что требуетъ того собствен-

ственной вашъ долгъ, которымъ вы обязаны къ своему Создателю, а именно, послушаніе сему великому Существу. 4. Что вы сдѣлаете Ему чрезъ то угодность, и Ему будетъ мило, когда вы то учините. 5. Что требуетъ того собственная ваша и истинная польза. 6. Что вы пріумножите чрезъ то количество вашихъ нетлѣнныхъ и вѣчныхъ сокровищъ, или пріобрѣтете такое имѣніе, котораго сама смерть лишить васъ не можетъ, и которымъ вы на вѣки владѣть будете. 7. Что такое хорошее дѣло не останется никогда тщетно, но пойдетъ въ прокъ и послѣдуетъ за то вскорѣ, или невскорѣ, однако неотмѣнно, вамъ награжденіе, и такое, которое конечно будетъ болѣе, нежели вы думаете. 8. Что такія хорошія дѣла какъ къ нынѣшнему временному благополучію, такъ и къ будущему совершенному блаженству неотмѣнно надобны и безъ нихъ обойтися вы никакъ не можете. 9. Что проистекутъ изъ того многія другія и безчисленныя для васъ выгоды. 10. Что пріобрѣтетъ то вамъ

вамъ и отъ самихъ другихъ людей, а особливо отъ разумныхъ, похвалу, любовь и почтеніе; ибо всякая добродѣтель мила честному человѣку, а многихъ и беззаконниковъ принуждаетъ себя любить по неволѣ. 11. Что не первые вы собою образецъ тому должны дѣлать, но что были многіе такіе же, какъ вы, люди, которые то въ дѣйство производили, и не уже ли только въ васъ силы нѣтъ имъ въ семъ случаѣ подражать? и не ужъ ли вы такъ трусливы и малодушны, что не отважитесь по крайней мѣрѣ и опытъ тому учинить и извѣдать свои силы. 12. Что дленіе жизни вашей неизвѣстно и вы не знаете, долго ли вамъ еще, или не долго жить, и что можетъ быть вы вскорѣ умрете, и то дерево уже срублено, въ которомъ вамъ погребеннымъ быть, а вы въ жизнь свою мало добрыхъ дѣлъ учинили и худо къ будущей приготовились, такъ когда легко можетъ статься, что жизнь ваша скоро пресѣчется и вы о противномъ поручиться не можете, такъ не должно ли вамъ спѣшить исполненіемъ

хоро-

хорошихъ дѣлъ и употребить хотя достальное и можетъ быть короткое время въ пользу. 13. Что производство того дѣла зависитъ единственно отъ вашего произвола и мѣшаетъ вамъ только самая бездѣлица, а именно, что вы не хотите сами себя пересилить и поднять маленькой трудъ, но что вамъ такая нѣга и слабость послѣ дорого стоить будетъ. 14. Что въ противномъ случаѣ, то есть когда полѣнясь того не сдѣлаете, произтекутъ вамъ отъ того великія безполезности. 15. Что Творцу и присутствующему и подлѣ васъ находящемуся, васъ видящему и того ожидающему вашему Создателю и Господу будетъ непріятно и досадно, когда вы, будучи въ состояніи то и Ему угодное и себѣ полезное дѣло сдѣлать, изъ единой бездѣльной лѣни, нѣги и малодушія, или того еще хуже, побоясь, чтобъ вамъ свѣтъ за то смѣяться и на смѣхъ поднимать не сталъ, не сдѣлаете. 16. Ежели сіе послѣднее васъ отъ исполненія какого нибудь хорошаго дѣла отводить станетъ, то думайте, что

для васъ лучше и дороже, милость ли, любовь и похвала отъ такого Господа, у котораго не только все ваше имѣніе, но и самая жизнь и дыханіе, всегда состояло, состоитъ и впредь во вѣки состоять будетъ въ совершенной власти, и у котораго все ваше благополучіе и неблагополучіе въ десницѣ, или глупое и безсмысленное ругательство и насмѣшки отъ такихъ же слабыхъ, немощныхъ и заблуждшихъ человѣковъ, какъ вы, и кои въ нужномъ случаѣ вамъ на волосъ пособить не могутъ и за васъ отвѣтствовать не будутъ, но всѣ отъ васъ отшетятся и не замолвятъ ни одного слова? 17. Что не исполнивъ того умножите вы внутреннее души своей поврежденіе, которое и безъ того велико, и такъ далѣе.

Вотъ сколько причинъ нащиталъ я вамъ, могущихъ васъ убѣдить къ произведенію того хорошаго дѣла въ дѣйство! Однако онѣ далеко еще не всѣ, но можно ихъ найти гораздо больше, естьли вы сами пожелаете. Я изо-

изобразилъ вамъ только немногія для руководства, дабы вы знали, какого онѣ рода. Теперь скажу, что таковыя мысли и убѣжденія называются обыкновенно побудительными причинами, и по нашей аллегоріи, какъ я прежде упомянулъ, составляютъ нашихъ воиновъ орудія и аммуницію, которыми вы желанія свои снабжать и тѣмъ ихъ крѣпчайшими и къ сраженію съ непріятельми способнѣйшими сдѣлать можете, и для того вамъ необходимо стараться надобно заблаговременно и на досугѣ себя оными какъ можно запасать болѣе и имѣть ихъ довольно въ запасномъ магазинѣ, дабы въ нужную пору, когда дѣлать ихъ вновь будетъ уже нѣкогда, можно было того момента оттуда достать и наградить недостатокъ и оскудѣніе въ оныхъ у находящихся въ сраженіи вашихъ помощниковъ. Я разумѣю подъ симъ, чтобъ вы въ праздное время, когда страсти ваши спятъ и не дѣйствуютъ, старались такія побудительныя причины какъ сами выдумывать, такъ искать

ихъ въ нравоучительныхъ книгахъ, и чтобъ ихъ не позабыть и въ нужномъ случаѣ скорѣе вспомнить можно было, то записывайте и ихъ двумя, или тремя словами на листѣ бумаги, или, когда угодно, въ тужъ карманную книжку, о которой я прежде говорилъ. И тогда такая книжка составитъ вкупѣ и помянутой весьма нужной цейггаузъ и магазеинъ, наполненной порохомъ, ядрами, свинцомъ и оружіемъ, которымъ вы во всякое время пользоваться можете. Вносите въ сію книжку не только то, что вы сами выдумаете, или въ книгахъ найдете, но что и отъ другихъ людей касающагося до сего пункта нужнаго услышите, и для лучшаго успѣха не мѣшайте общихъ побудительныхъ причинъ съ частными, то есть съ касающимися до какихъ нибудь хорошихъ желаніи въ особливости, но вносите и тѣ и другія порознь въ разныхъ мѣстахъ и подъ особливыми заглавіями, дабы вы знали гдѣ что въ цейггаузѣ вашемъ лежитъ, и не могли въ поспѣшности зарыться и замѣшаться и чрезъ то упустить время. Вотъ

Вотъ общія правила, чрезъ которыя можете вы всякой разъ, когда ни похотите, не только возбудить въ васъ хорошія желанія, но продлить ихъ дѣйствіе и такъ усилить, что вы по онымъ охотно и безъ всякаго труда и отягощенія хорошія дѣла предпринимать и въ дѣйство приводить и чрезъ то троякую пользу себѣ получать можете: вопервыхъ, существительно усиливать и увеличивать ваши хорошія стремительства. Вовторыхъ, побочнымъ образомъ и безъ брани низлагать и приводить въ ослабленіе противныя имъ и многія другія худыя страсти и стремительства. Втретьихъ, получать отъ того наичистѣйшее и такое увеселеніе, которое прямо составляетъ части истиннаго благополучія.

Теперь осталось мнѣ сказать, что недопущеніе тѣхъ хорошихъ склонностей, которыя вы увеличить хотите до долговременнаго сна, не требуетъ дальняго изъясненія, потому что сіе зависитъ отъ собственнаго вашего

хотѣнія и отъ наблюденія всѣхъ преслѣдующихъ правилъ, а особливо отъ того, естьли вы помянутую карманную книжку при себѣ носить будете. Она, попадаясь вамъ часто на глаза и въ руки, можетъ вамъ то напоминать и побуждать къ возбужденію вновь вашихъ желаній, а чѣмъ чаще вы ихъ возбуждать будете, тѣмъ скорѣе они увеличатся и наконецъ обратятся въ привычку. А снабдя себя такими помощниками, вы смѣло уже къ прямому дѣлу съ главными своими страстями и непріятелями приступить можете.

Вотъ все, что о увеличиваніи хорошихъ склонностей и вкупѣ о всѣхъ предварительныхъ военныхъ пріуготовленіяхъ мнѣ сказать при теперешнемъ случаѣ могли предѣлы сего сочиненія дозволить. Дальнѣйшее къ тому, а особливо къ пріученію себя къ добродѣтелямъ руководство не принадлежитъ собственно къ теперешнему моему предмету и притомъ не можетъ никоимъ образомъ умѣщено

быть

быть въ сію книгу; ибо въ семъ случаѣ надлежало бы мнѣ необходимо какъ всѣ хорошія, такъ и худыя желанія перебирать по одиначкѣ и о каждой склонности и привычкѣ говорить особо, что завелобъ меня въ превеликое пространство, чего ради, довольствуясь подавъ къ тому краткое и общее руководство, приступлю теперь къ обьясненію первыхъ военныхъ противъ страстей нашихъ предпріятій.

6.

Шестымъ обстоятельствомъ войны нашей полагалъ я, чтобъ разуму и произволу нашему, не смотря на все оружіе, не вдругъ соваться въ глаза къ злѣйшимъ и сильнѣйшимъ бунтовщикамъ и начинать съ ними явную войну, или, возгордясь своею силою, вызывать ихъ, такъ сказать, на поединокъ, или на сраженіе, но дѣйствовать сперва болѣе оборонительнымъ, нежели наступательнымъ образомъ, а между тѣмъ предпринимать надъ ними тайные поиски и стараться,

какъ можно убѣгая отъ кровопролитнаго съ ними боя, и безъ сраженія часъ отчасу болѣе низлагать ихъ силу, и буде можно, совсѣмъ приводить въ изнеможеніе, или по крайней мѣрѣ доводить до такого состоянія, чтобъ надежнѣе и безопаснѣе можно было съ ними, когда они сами нападутъ, драться и имъ не только противиться, но получать надъ ними вожделѣнную побѣду. Это значитъ, чтобъ мы не старались умышленно возбуждать въ себѣ злѣйшія и сильнѣйшія наши страсти и не подавали къ тому сами случая и повода, но чтобъ напротивъ того старались всѣми возможностьми отъ явнаго сраженія съ ними и борьбы удаляться и убѣгать сначала всѣхъ къ тому поводовъ и случаевъ. Причину тому я изъяснилъ уже выше, а именно: что въ случаѣ самопроизвольнаго разбуженія одному чему нибудь быть должно: либо отдаваться имъ безъ брани и сраженія опять въ полонъ, то есть дать имъ собою овладѣть и принудить произвесть худыя дѣла, либо начи-

начинать съ ними неравной бой, которой легко съ худымъ успѣхомъ и къ великому нашему предосужденію окончиться можетъ, то есть что легко мы можемъ противъ оружія и силы ихъ не устоять и имъ дать себя поразивъ взять въ полонъ и низложить знатнымъ градусомъ нашу силу. Изъ сего произтекаетъ седьмое и весьма важное правило слѣдующаго содержанія:

7. Не возбуждай въ себѣ умышленно не только самъ худыя склонности и стремительства, но старайся убѣгать и такихъ случаевъ, при которыхъ они легко возбудиться и тебя къ злымъ дѣламъ преклонить могутъ, дабы тебѣ не было нужды съ ними преждевремянно бороться, и будучи еще не въ силахъ, ихъ преодолѣвать.

Не льзя довольно изобразить, коль великую важность составляетъ сіе правило, и сколь великая польза произойдетъ отъ точнаго его наблюденія. Ежели прямо всѣ бываемыя при ху-

дыхЪ нашихЪ дѣлахЪ произшествія разсмотрѣть, то найдемЪ, что по большей части насЪ кЪ тому единственно случаи и поводы побуждали; а естьлибЪ мы ихЪ не имѣли, или отЪ нихЪ удаляться старались, то и половины столько худыхЪ дѣлЪ не дѣлалибЪ, коликимЪ отЪ небреженія своего дѣлаемЪ себя виновными. Множество примѣровЪ доказываютЪ намЪ то ежедневно. Колико молодыхЪ людей погрузилось во всѣ пороки единственно отЪ того, что имЪ кЪ тому желаемой случай и поводЪ былЪ, и они по нещастію вЪ компанію и сообщество сЪ негодными и порокамЪ подверженными людьми попали, которые имЪ примѣрами своими ко всему худому поводЪ подать вЪ состояніи были! Коль многіе изЪ самыхЪ степенныхЪ уже мужей, а того лучше самыхЪ тѣхЪ, которые сѣдинами и добродѣтелями уже украшаются, попадаются иногда вЪ сѣти пороковЪ, будучи соблазнены случившимися поводами и наиудобнѣйшими кЪ тому случаями! Колико неправдЪ и колико несправедли-

ливостей и нарушеній нашихъ должностей не дѣлаемъ мы единственно отъ того, что имѣемъ къ тому случай и поводъ; а естьлибъ ихъ не было, то иное бы намъ и на умъ не приходило. Но что о семъ много говорить? Всякому сіе не инако, какъ довольно извѣстно быть можетъ. А когда и сами собою случающіеся случаи и поводы для насъ опасны, то согласно ли будетъ съ благоразуміемъ, и не опаснѣе ли того, когда мы сами безъ нужды оныхъ *искать* и въ такія мѣста *соваться станемъ*, гдѣ пороки обитаютъ, и гдѣ необходимо они съ нами встрѣтятся и насъ атаковать не преминутъ, какъ скоро увидятъ? Не лучше ли и не надежнѣе ли будетъ отъ такихъ случаевъ всѣми возможностьми убѣгать и сберечь силы свои для необходимыхъ и такихъ случаевъ, гдѣ неотмѣнно и по необходимости быть и съ ними видѣться будетъ должно, а между тѣмъ часъ отъ часу стараться тайными происками приводить ихъ въ изнеможеніе. Въ особливости же должно намъ о наблюденіи

нiи сего важнаго правила въ разсужденiи тѣхъ страстей стараться, которыя скоро воспламеняются и болѣе прочихъ нами обладаютъ, и коихъ дѣйствiе бываетъ наглѣе, сильнѣе, непреоборимѣе и опаснѣе прочихъ. Съ сими будучи и всемъ нужнымъ снабдѣны и подкрѣпляемы множествомъ помощниковъ, дѣло имѣть намъ очень трудно, кольми паче когда мы еще слабы и недовольно себя противъ оныхъ укрѣпили. Въ семъ случаѣ уподобимся мы ягненку, вызывающему волка на поединокъ и задирающему онаго на драку. Но сколь сраженiе у ягненка съ волкомъ можетъ быть не равно, такъ не лучше будетъ и наше съ оною страстью; и сколь скоро волкъ, или медвѣдь слабаго ягненка задавить можетъ, такъ легко можемъ и мы побѣждены быть сильною страстiю. Для всѣхъ сихъ причинъ и надобно намъ имѣть отъ нихъ наивозможнѣйшую осторожность и не ходить въ тѣ лѣса, гдѣ живутъ волки и медвѣди, но паче убѣгать ихъ всѣми возможностьми, а того меньше

умы-

умышленно ихъ задирать, а запасать себя и отъ нечаянныхъ нападеній хорошимъ прикрытіемъ.

7.

Седьмымъ обстоятельствомъ войны нашей, а первымъ поискомъ надъ непріятельми полагалъ я то, чтобъ разуму и произволу нашему, или паче самимъ намъ на досугѣ и въ свободное, или то время, когда страсти наши спятъ, стараться отхватить у нихъ магазеины съ ихъ пищею, аммуниціею, орудіями и снарядами; ибо надобно знать, что все то, что я прежде говорилъ объ орудіяхъ и снарядахъ хорошихъ склонностей, разумѣется также и о худыхъ стремительствахъ и страстяхъ. Они уже имѣютъ превеликіе запасные магазеины и цейггаузы, наполненные помянутымъ оружіемъ и припасами, и по нещастію сами мы безъ вѣдома нашего оные наполнять имъ поспѣшествовали и отъ самаго того они такъ сильны и непреоборимы. Сіи орудія и снаряды суть та-

такія же невещественныя вещи, каковы они и сами, и состоятъ также во множествѣ убѣдительныхъ причинъ, или такихъ же помышленій, которыя насъ всего способнѣе и болѣе къ злымъ и худымъ дѣламъ при случаяхъ и безъ случаевъ побуждаютъ и преклоняютъ. И такъ надобно намъ стараться искуснымъ и проворнымъ образомъ въ сіи ихъ цейггаузы тайно вкрасться и большую часть изъ орудій и снарядовъ ихъ перепортить и сдѣлать къ употребленію неспособными, а съ иныхъ стереть тотъ ядъ, которымъ они напоены и обмазаны, и отъ того для насъ наивредительнѣйшими бываютъ, а иныя совсѣмъ похитить, перелить въ свой калиберъ и присовокупить къ своимъ орудіямъ и въ свой цейггаузъ для употребленія въ нужномъ случаѣ противъ ихъ собственныхъ ядеръ и пуль; а чтобъ они имъ болѣе вредили, то напоить противнымъ и такимъ ядомъ, которой бы былъ для нихъ наиязвительнѣйшимъ. Легко можно заключить, что естьли сей тайной поискъ съ успѣ-

хомъ надъ ними учиненъ будетъ и они лишены будутъ своихъ наилучшихъ орудій и снарядовъ , а мы съ своей стороны не только своими, но собственными ихъ довольно запасены будемъ: то несравненно уже легче и надежнѣе намъ вооруженнымъ съ безоружными драться будетъ можно. Однимъ словомъ , помянутое похищеніе ихъ орудій и припасовъ въ состояніи само собою низложить знатнымъ градусомъ ихъ силу и уменьшить величину оныхъ. А изъ сего нетрудно усмотрѣть , что первое сіе военное противъ ихъ дѣйствіе составляетъ великую важность , почему и правило, проистекающее изъ того , великаго примѣчанія достойно. Оно есть осьмое по порядку и слѣдующаго содержанія:

8. Старайся основаніе и предметъ каждаго худаго желанія и страсти, а равномѣрно и всѣ побудительныя къ тому причины изслѣдовать и наиточнѣйшимъ образомъ разсматривать и лишить ихъ оныхъ, или по крайней

мѣрѣ

мѣрѣ передѣлать иначе наисильнѣйшія изъ оныхъ.

Изъясненіе сего важнаго правила объяснитъ вкупѣ и предслѣдующую аллегорію, которая можетъ быть инымъ будетъ непонятна; а сопряженное съ тѣмъ руководство покажетъ, коимъ образомъ наиспособнѣе сіе въ дѣйство произвесть можно. И такъ надобно знать, что всякія худыя дѣла по стремительствамъ нашихъ негодныхъ склонностей предпринимаемъ мы всегда не безъ причины, а всякой разъ для чего нибудь, или для какого нибудь резона. Сіи самые резоны и суть наиглавнѣйшія ихъ побудительныя причины, а мысли и воображенія того предметы нашихъ страстей, что самое и составляетъ ихъ оружія, провіантъ и снаряды; помянутое же ихъ изслѣдованіе и разсматриваніе и составляетъ самой оной поискъ, о которомъ я выше говорилъ.

Такимъ образомъ надобно намъ въ праздное время наиточнѣйшимъ образомъ

оныя

причины и предметы изслѣдовать и разсматривать и чрезъ то равно какъ вкрадываться тайно во внутренной станъ нашихъ непріятелей и самые ихъ цейггаузы и магазеины, то есть, перебирая каждую изъ сильнѣйшихъ нашихъ страстей по одиначкѣ, безпристрастнымъ образомъ разсматривать. Вопервыхъ, чтобъ собственно то такое было, что насъ къ тому побуждаетъ? Выгода ли какая? польза ли? преимущество ли? увеселеніе ли, или другое что тому подобное? И въ семъ разсмотреніи вникать въ самую тонкость и глубину оныхъ. Вовторыхъ, подлинно ли оныя выгоды, пользы и преимущества таковы велики, каковыми мы ихъ себѣ воображаемъ? Не обманываетъ ли насъ притомъ воображеніе наше, то есть подлинно ли тѣ вещи такъ хороши, такъ прелестны, и такъ сысканія достойны, какъ мы думаемъ, и нѣтъ ли чего нибудь въ нихъ ложнаго, обманнаго и только воображеніемъ нашимъ увеличиваемаго, то есть помянутыя выгоды и преимущества существительныя ли и по-

лезныя, и не мечтательныя ли и ничтожныя и такія, которыя намъ не въ истинную пользу, а во вредъ обращаются? Втретьихъ, не покрыты ли они какимъ нибудь приманнымъ и такъ сказать скрытымъ въ сахарѣ для насъ ядомъ и притравою, то есть не прельщаютъ ли насъ какимъ нибудь всѣ чувства наши при единомъ воображеніи поражающимъ увеселеніемъ? и подлинно ли сіе увеселеніе таково, каковымъ мы его быть думаемъ? Не кратковремянное ли оно и не производящее ли послѣ раскаянія и на самихъ себя досады, или какихъ нибудь иныхъ худыхъ слѣдствій, и намъ существительнаго вреда? Всякое примѣченное въ разсужденіи сего невыгодное для нихъ обстоятельство поможетъ намъ равно какъ стереть оной ядъ съ нихъ и себя привесть отъ него въ безопасность. Вчетвертыхъ, стараться разсматривать, не сопряжено ли съ тѣмъ дѣломъ, или не находится ли въ самой той вещи чего нибудь гнуснаго, гадкаго, мерзительнаго, или смѣшнаго, глупаго и дурачеcка-

ческаго, или по крайней мѣрѣ не можно ли ее подъ какимъ нибудь гнуснымъ, гадкимъ, мерзскимъ, или смѣшнымъ видомъ воображать? Ежели есть, или что примѣтится, то увеличивайте въ мысляхъ какъ можно сіе, гнусность, гадкость, или омерзѣніе въ насъ могущее произвесть обстоятельство. Ежели спросите, на чтожъ бы сіе надобно было, то скажу, что сіе составляетъ наивеличайшую важность и произведетъ то, что мы тѣмъ равно какъ собственное ихъ оружіе напоимъ противнымъ и самимъ имъ на пагубу служащимъ ядомъ.

Всѣми такими размышленіями и изыскиваніемъ невыгоднѣйшихъ въ разсужденіи ихъ обстоятельствъ отворимъ мы себѣ равно какъ входъ въ ихъ магазеины и цейгаузы, и въ нихъ узнаемъ, перепортимъ и перемѣшаемъ всѣ ихъ орудія и снаряды. Но сіе не принесетъ намъ дальней пользы, естьли мы при томъ одномъ останемся. Намъ надобно стараться сей входъ сдѣлать себѣ во всякое время туда свободнымъ, а нѣкоторые изъ ихъ при-

пасовъ напоивъ, какъ выше упомянуто, противнымъ ядомъ, совсѣмъ у нихъ похитить и перенесть въ свои магазейны, дабы ихъ въ нужномъ случаѣ противъ самихъ ихъ употреблять можно было. Въ противномъ случаѣ иногда, а особливо во время сильной атаки и сраженія, намъ оной входъ сдѣлается и несвободенъ. Чрезъ сіе разумѣю я ничто иное, какъ то, чтобъ намъ для удобнѣйшаго напоминанія всѣхъ противныхъ имъ мыслей и примѣченныхъ ложностей ихъ мнимыхъ выгодъ и преимуществъ, равно какъ всѣхъ найденныхъ гнусностей и мерзостей, такъ опасностей и вредностей, отъ нихъ происходящихъ, затвердить всѣ ихъ твердо въ память и наизусть, или записывать также на особой бумажкѣ, или вносить особо въ преждепомянутую мною карманную книжку, и тѣмъ равно какъ спрятать въ свой магазеинъ и цейггаузъ; и сіе для того, чтобъ во время наступающаго сраженія, или въ случаѣ учиненнаго отъ нихъ нападенія, можно было того момента изъ онаго нужныя, какъ

свои,

свои, такъ и сіи оружія брать, и то тѣми, то другими стараться ихъ преодолѣвать. Польза, могущая произтечь отъ того, такъ велика, что я довольно изобразить того не могу. Довольно, что дѣйствіе сихъ оружій, а особливо ихъ собственныхъ, такъ сильно и велико, что не успѣешь иногда одно которое нибудь имъ показать, какъ они устрашившись обращаютъ свой тылъ и воспринимаютъ бѣгство.

Теперь знаю, что многіе краткостію сего руководства будутъ не довольны. Они пожелаютъ можетъ быть подробнѣйшаго, а именно, чтобъ я точно изъяснилъ, какимъ образомъ имъ предметы, основанія и побудительныя причины своихъ страстей разсматривать, и какія именно худобы и гнусности они имѣютъ, и прочее тому подобное. Но я въ отвѣтъ на то скажу, что мнѣ того учинить теперь не можно, для того что тѣмъ увеличу слишкомъ сіе разсужденіе, которое и безъ того велико сдѣлалось, а сверьхъ того я пишу теперь не си-

стему нравоученія, а только касаюсь ее мимоходомъ; а ежели желаніе ихъ исполнить, то надлежало бы войти въ великую подробность; ибо кто не видитъ, что въ семъ случаѣ слѣдовало бы мнѣ перебирать всѣ въ насъ наиболѣе усиливающіяся страсти и говорить о каждой въ особливости, потому что всѣ онѣ имѣютъ разные предметы и разныя побудительныя причины, также и гнусности и худобы, и вредныя отъ нихъ слѣдствія не одинаковы, но иныя имѣютъ ихъ больше, а иныя меньше, и изъясненіе всего того завело бы меня въ великое пространство, а мнѣ и безъ того еще много нужнаго упоминать остается. Но чтобъ не оставить ихъ вовсе безъ удовольствія, то въ возможной сокращенности сообщу здѣсь нѣкоторыя только касающіяся до всѣхъ ихъ общественности, или немногія истинны, на которыхъ помянутыя изслѣдованія основаніями быть могутъ, оставляя впрочемъ дальнѣйшее усматривать изъ другихъ мѣстъ сей моей книги.

И такъ 1. надобно знать, что всѣ прелести главныхъ страстей нашихъ основываются по большей части на собственномъ нашемъ самихъ себя обманываніи и неосновательномъ нашемъ мнѣніи о тѣхъ выгодахъ, преимуществахъ и пользахъ, которыя мы чрезъ то получить думаемъ, а въ самомъ дѣлѣ сіи выгоды не всегда получаются, а притомъ далеко не таковы совершенны, каковыми мы ихъ себѣ воображаемъ.

2. Надобно знать, что поощряетъ насъ къ тому сопряженное и ожидаемое нами чрезъ насыщеніе ихъ увеселеніе; но сіе увеселеніе по нещастію мы сами въ мысляхъ болѣе увеличиваемъ, нежели каково оно въ самомъ дѣлѣ есть, а сверьхъ того обыкновенно кратковремянно, ложно и притомъ имѣетъ всегда худыя и вредныя послѣдствія.

3. Надобно знать, что нѣтъ почти такой страсти, которая бы не имѣла природной въ себѣ гнусности

и мерзскаго, или по крайней мѣрѣ смѣшнаго вида. Всѣ худыя страсти и желанія отъ натуры гадки и прикрыты только ядовитымъ сахаромъ, который глаза и умъ нашъ прельщаетъ. Сей ядъ нужно только обколупать, какъ природная ихъ гнусность тотчасъ окажется, то есть нужно только прогнать всѣ тѣ мысли, которыя клонятся къ хорошей, намъ пріятной и милой сторонѣ того дѣла, и разсматривать безпристрастно и равно какъ съ стороны ея худую сторону, или по крайней мѣрѣ самое производство дѣла, какъ легко можно найти многія такія мысли, которыя могутъ возбудить въ насъ омерзѣніе, или по крайней мѣрѣ довесть насъ до того, что мы сами своей глупости разсмѣемся.

4. Надобно знать, что нѣтъ почти ни единой худой страсти, которая бы не причиняла намъ существительнаго вреда и не производила бы худыхъ слѣдствій; но ежели безпристрастно объ нихъ разсудить, то онѣ либо

са-

самимъ намъ существительно вредятъ, повреждая либо тѣло наше, либо душу, либо приводятъ насъ въ вредное и худое содержаніе съ прочими людьми, либо предосудительное содержаніе съ Богомъ, какъ о томъ я въ особливости говорилъ; но сверьхъ того и та истинна останется во вѣкъ непоколебима, что намъ мнимыя отъ нихъ и ложныя выгоды и пользы послѣ и не только въ разсужденіи будущей жизни, но и въ нынѣшней, когда несобственно намъ, такъ дѣтямъ нашимъ очень дорого будутъ стоить, и мы гораздо больше потеряемъ, нежели найдемъ, и вѣрно уже за рубль полушки стоящую вещь купимъ. И такъ всѣ такія и безчисленныя худыя слѣдствія легко можно изчислить, какъ скоро сдѣлаться надъ страстями своими безпристрастными и строжайшими судьями, какими и быть во время такихъ изслѣдованій необходимо надобно; ибо въ противномъ случаѣ только самихъ себя обманывать мы станемъ.

Сіи суть вкратцѣ тѣ истинны, на которыхъ могутъ основаться оныя изслѣдованія и вкупѣ общія правила, по которымъ они предпринимаемы быть могутъ. Но болѣе сего мнѣ о семъ говорить не дозволяетъ мѣсто, чего ради поспѣшу къ описанію втораго и не менѣе важнаго поиска.

8.

Осьмымъ обстоятельствомъ нашей войны, а вторымъ тайнымъ поискомъ надъ страстями нашими полагалъ я то, чтобъ стараться во время ихъ сна чѣмъ нибудь ихъ повредить и довесть до того, чтобъ они уменьшились и чрезъ то обезсилѣли. Или доводить непріятелей нашихъ до того, чтобъ они какъ можно долѣе находились въ своемъ лагерѣ и въ самой праздности, и какъ можно стараться не выпускать ихъ изъ онаго. Въ чемъ сей поискъ состоять долженъ, нетрудно надѣюсь самимъ вамъ, дорогой читатель, изъ предслѣдующаго усмотрѣть; ибо какъ онѣ увеличиваются

отъ

отъ частаго повторенія дѣйствія, а напротивъ того имѣютъ свойство во время своего сна съ каждою минутою сами собою уменьшаться, то натурально весь поискъ состоитъ въ томъ, чтобъ всѣми возможными средствами продолжить сонъ ихъ какъ можно долѣе и къ тому употреблять разные поиски и хитрости. Изъ сего происшекаетъ весьма важное девятое правило слѣдующаго содержанія:

9. Старайся всѣми средствами уменьшить сильнѣйшія страсти свои чрезъ продолженіе сна ихъ, или недѣйствія, и доводить ихъ тѣмъ до того, чтобъ онѣ сами собою пришли въ изнеможеніе.

Можно сказать, что правило сіе составляетъ великую важность, и такое, котораго наблюденіе при предпринимаемой съ страстьми войнѣ, или своемъ исправленіи необходимо надобно. Ибо средство сіе можно почесть наиудобнѣйшимъ и легчайшимъ къ побѣжденію и низложенію оныхъ; ибо

какъ

какъ вся сила ихъ и господствіе надъ нами единственно отъ того происходитъ, что онѣ величиною своею превзошли величину нашего произвола, такъ какъ я, описывая свойства желаній подъ No 9, уже имѣлъ случай изъяснить, то нужно только уменьшить ихъ до такого степени, чтобъ онѣ величиною своею сравнялись съ величиною произвола, или малымъ чѣмъ его превосходили, какъ бой у него съ ними будетъ равной и преодолѣть его невеликаго труда и отягощенія будетъ стоить, и тогда человѣкъ безъ затрудненія уже можетъ самъ себя одолѣвать и пересиливать.

Ежели спросите меня теперь, чѣмъ же такимъ можно помянутой сонъ страстей нашихъ продлить и чрезъ то ихъ самихъ собою уменьшить, то скажу, что сіе нетрудно вамъ самимъ уже предусмотрѣть, потому что я предпослалъ уже прежде генеральныя касающіяся до сего пункта правила. Однако, чтобъ вамъ скорѣе припомнить можно было, то напомяну,

что

что какъ всѣ желанія наши, какъ добрыя и худыя, разбуждаются вообще мыслями, или по аллегоріи нашей птичками, себѣ свойственными: то натурально дѣло въ томъ только состоять будетъ, чтобъ стараться удалять отъ себя таковыя мысли, или не допускать сихъ птичекъ всходить, такъ сказать, на ту площадку, или театръ души, на которомъ одномъ всѣ онѣ посмѣнно дѣйствуютъ; но какъ скоро станутъ появляться, то выбивать ихъ взашей вонъ, и театръ наполнять другими и до тѣхъ страстей некасающимися мыслями, или птичками. Вотъ все искусство и вся хитрость, чрезъ которую сонъ страстей по желанію и сколько угодно продлить можно; ибо безъ сихъ птичекъ, или мыслей, не могутъ онѣ никоимъ образомъ просыпаться и дѣйствовать, но принуждены по неволѣ спать.

Казалося бы, что все сіе невеликаго труда стоило; ибо диковинка ли прогонять изъ головы такія мысли, какія

какія ненадобны? Всякой самъ въ себѣ ощутить можетъ, что мы имѣемъ природную силу, которую мыслями своими управлять можемъ, то есть разумъ и произволъ. Однако я долженъ признаться, что опыты намъ совсѣмъ противное иногда доказываютъ, и изъ нихъ мы видимъ, что не всегда мы надъ мыслями своими имѣемъ совершенную волю, но иногда мы и радибъ о чемъ не мыслить, но мысли лѣзутъ сами въ голову, и мы ихъ изъ головы выгнать не въ состояніи. Истинну сію утверждая, самъ за нужное нахожу и доказать, отъ чего сіе и дѣлается. Это происходитъ не отъ того, чтобъ разумъ и произволъ нашъ не въ состояніи были повелѣвать мыслями, но отъ того, что обѣ сіи драгоцѣнныя силы во всѣ такіе случаи находятся тогда лишенными своей надъ мыслями команды и повелительства, и что сія команда похищена у нихъ тогда проснувшимися и въ дѣйствіи своемъ находящимися какими нибудь желаніями, которыя, будучи сильнѣе ихъ, отнимаютъ

ютъ у нихъ власть надъ мыслями и сами ими повелѣваютъ. А отъ того и не можемъ мы съ произволомъ своимъ ихъ выгонять по желанію своему изъ головы; но не успѣемъ ихъ съ театра протолкать вонъ, какъ дѣйствующія страсти опять ихъ на театръ взведутъ; а какъ скоро мало пооплошаемъ, то онѣ не преминутъ число ихъ пріумножить, а чрезъ ихъ возбудить другія страсти и тѣмъ еще больше надъ нами усилиться. Однимъ словомъ, во всѣхъ такихъ случаяхъ находимся мы въ дѣйствительномъ, но неравномъ съ страстьми своими сраженіи, почему всего чаще ими и побѣждаемся. Для самой сей причины и совѣтовалъ я прежде такихъ неравныхъ съ ними сраженій сначала какъ можно убѣгать, а стараться напередъ ихъ безъ сраженія обезсилить и употребить къ тому то время, когда онѣ спятъ, а разумъ и произволъ нашъ находится на свободѣ и можетъ повелѣвать самовластно мыслями. Однимъ словомъ, намъ надобно помощію нашего произвола

ста-

стараться не допускать ихъ до того, чтобъ онѣ проснулись. А какъ проснутся и разработаются, тогда негдѣ намъ съ ними ладить, когда онѣ слишкомъ еще велики.

Чтобъ знать, какимъ образомъ сіе въ дѣиство произвесть наиудобнѣе можно, то надобно напомнить, что возбуждающія ихъ мысли взводятся на театръ души нашей, или производятся въ насъ трояким образомъ: вопервыхъ, производятъ въ насъ негодныя мысли иногда иныя какія нибудь дѣйствующія страсти и худыя привычки, которыя мысли возбуждаютъ потомъ другія страсти. Отъ чего и происходитъ, что попадаемся мы иногда нечаянно и неумышленно сильнѣйшимъ страстямъ нашимъ въ сѣти, на примѣръ: человѣкъ сѣлъ бы играть въ карты для единаго увеселенія и совсѣмъ безъ намѣренія о выигрышѣ; но сія привычка къ увеселенію карточною игрою въ состояніи во время игры произвесть мысли и о выигрышѣ и о прибыткѣ, которые

рые легко могутъ воспалить страсть корыстолюбія, а сія не только вплесть его въ великую игру, но и довесть до проигрыша. А тогда такимъ же образомъ воспалятся многія и другія страсти, и человѣкъ самъ надъ собою сдѣлается не властенъ и помянутыя многія совокупившіяся страсти могутъ надѣлать ему множество золъ и довесть его до такихъ дѣлъ, о которыхъ онъ послѣ, но тщетно самъ раскаяваться будетъ. А что теперь о карточной игрѣ я говорилъ, то тоже самое и о прочихъ страстяхъ разумѣется. Изъ чего слѣдуетъ само собою, что подверженному многихъ страстямъ человѣку надобно остерегаться и отъ возбужденія самыхъ малѣйшихъ и отнюдь не надѣяться на свои силы и уповать, что онъ въ силахъ будетъ ихъ преодолѣть; ибо всего скорѣе въ семъ случаѣ онъ обмануться можетъ. Ему надобно помнить, что худыя наши страсти находятся между собою въ союзѣ и помогаютъ другъ другу тайнымъ образомъ. И такъ

и самымъ послѣднѣйшимъ, не смотря на всю ихъ малость и невинность, довѣрять не для чего, но обходяся съ ними, имѣть завсегда, такъ сказать, камень въ карманѣ, то есть великую отъ нихъ предосторожность. Отъ сего и проистекаетъ, что лѣнь, праздность, а особливо вино и пьянство въ состоянiи и самаго честнаго и добродѣтельнаго человѣка испортить и довесть до многихъ худыхъ дѣлъ, и увеличить въ немъ многiя другiя страсти, и изъ лучшаго человѣка сдѣлать негоднымъ.

Вовторыхъ, производитъ ихъ самъ нашъ разумъ и произволъ, то есть когда мы, не имѣя никакой нужды, станемъ сами наединѣ помышлять о такихъ вещахъ, которыя до насыщенiя страстей касаются. Таковыя отъ оплошности самими нами произведенныя мысли въ состоянiи такимъ же образомъ возбудить тѣ страсти, а сiи принудить насъ произвесть многiя худыя дѣла, которыя бы никогда мы не исполнили, естьлибъ сами по

оплош-

оплошности своей не стали о томъ помышлять. Въ справедливости сего нетрудно всякому человѣку самому себя, употребивъ небольшое примѣчаніе, удостовѣрить. Начни только живо помышлять о самомъ насыщеніи оной страсти и о всемъ томъ, что оное прелестнаго въ себѣ имѣетъ, какъ почувствуешь того момента, что родится къ тому и желаніе. Изъ сего натурально слѣдуетъ, что намъ, а особливо подверженнымъ многимъ страстямъ человѣкамъ, весьма остерегаться надобно углубляться въ помышленіяхъ о тѣхъ вещахъ и обстоятельствахъ, которыя до насыщенія тѣхъ страстей касаются, которымъ они наиболѣе подвержены; ибо въ семъ случаѣ не иное что будетъ, какъ показывать имъ ихъ пищу, будить на работу и призывать къ свирѣпствованію надъ нами. А коль дорого иногда намъ таковая неосторожность и такъ сказать игрушка стоитъ, о томъ изъ предслѣдующаго заключить можно; ибо для самаго того и предпослалъ я цѣлое правило

и счелъ однимъ изъ главныхъ обстоятельствъ, чтобъ намъ всѣми образами остерегаться самимъ возбуждать свои страсти.

Втретьихъ, производятся въ насъ негодныя мысли наружными предметами чрезъ дѣйствіе всѣхъ нашихъ чувствъ, то есть зрѣніемъ, слухомъ, вкусомъ, обоняніемъ и осязаніемъ. Доказывать сіе не нахожу надобности. Всѣмъ по нещастію слишкомъ довольно извѣстно, сколь сильное дѣйствіе имѣютъ наружные предметы на наши чувства а сіи въ душѣ, и сколь скоропостижно въ состояніи возбудить въ насъ негодныя мысли, а чрезъ нихъ того момента наши страсти, и доводить насъ чрезъ то въ безчисленныя погрѣшности. Кто не испыталъ сего нѣсколько тысячь разъ въ своей жизни и кто не знаетъ сего изъ собственнаго опыта? Не большую ли часть нашихъ худыхъ дѣлъ дѣлаемъ мы по случающимся къ тому многоразличнымъ поводамъ и случаямъ? и не первымъ ли поводомъ къ тому бы-

ва-

ваютъ либо глаза, либо уши, либо языкъ и ощущаніе? и кому неизвѣстно, коль много въ особливости поспѣшествуютъ видимые и слышимые нами примѣры и образцы худыхъ дѣлъ, по стремительству страстей производимыхъ, и многія ли найдутся такія, которыябъ могли твердо и непоколебимо устоять противъ всѣхъ ударений, производимыхъ имъ нашими чувствами, и сами собою ту простую, но справедливую пословицу отвергнуть, что льну подлѣ огня лежать трудно не загорѣвшись? А изъ сего не слѣдуетъ ли само собою, что намъ необходимо и всѣми силами стараться надобно удаляться всѣхъ поводовъ и такихъ случаевъ, гдѣ мы можемъ видѣть, слышать, ѣсть, пить, или осязать, или имѣть съ такими вещами дѣло, которыя въ состояніи возбудить въ насъ согласныя съ главными страстями нашими мысли, и чрезъ то самыя оныя? ибо чрезъ сіе средство всего способнѣе можемъ мы продлить сонъ нашихъ внутреннихъ

злодѣевъ и чрезъ то ихъ безъ брани и сраженія обезсилить.

Такимъ образомъ, естьли хотите сонъ нашихъ страстей продлить, то наблюдайте всегда рачительно слѣдующія немногія правила:

1. Будучи наединѣ, не помышляйте сами никогда о тѣхъ вещахъ, которыя касаются до насыщенія той страсти, которую вы одолѣть хотите, но прогоняйте того момента изъ головы мысли о томъ, какъ скоро онѣ покажутся и вы ихъ ощупить можете, а особливо не давайте пощады тѣмъ, которыя станутъ вамъ то дѣло представлять съ хорошей и пріятной стороны, но прогоняйте сихъ друзей взашей и толчки вонъ изъ головы.

2. Бѣгайте такихъ обществъ и компаній, гдѣ производство тѣхъ страстей въ обычаѣ и не въ презрѣніи; ибо видимые примѣры всего сильнѣе могутъ возбудить въ васъ оную страсть противъ

тивъ вашего хотѣнія. Щитайте такія мѣста для себя зараженными язвою, или чумою.

3. Удаляйтесь и такихъ обществъ, гдѣ въ обычаѣ есть и въ разговорахъ, тѣмъ страстямъ благопоспѣшествующихъ, упражняться. И буде въ такой бесѣдѣ быть нечаянно случится, отвращайте свой слухъ отъ онаго; ибо слышаніе столь же способно возбудить можетъ мысли, какъ и зрѣніе.

4. Не читайте такихъ книгъ и сочиненій, которыя способны къ возбужденію тѣхъ страстей, которыя вы одолѣвать хотите и какія по нещастію скорѣе другихъ вамъ въ руки попасться могутъ; а по крайней мѣрѣ не углубляйтесь слишкомъ въ чтеніе оныхъ и покидайте, какъ скоро почувствуете, что въ васъ какая нибудь страсть возбуждается.

5. Въ упражненіяхъ своихъ дѣлайте разборъ и сколько можно удаляйтесь такихъ, которыя къ возбуж-

денію страстей способнѣе прочихъ, а особливо той, которая наиболѣе вамъ надоѣдаетъ.

6. Не ищите такихъ чиновъ и должностей, кои множество случаевъ и поводовъ подаютъ къ нарушенію нашихъ должностей и къ возбужденію опаснѣйшихъ страстей нашихъ, какъ на примѣръ къ мздоимству, неправосудію, къ неправдамъ, похищенію и прочему тому подобному. Не становите сами себѣ силковъ, въ которые вы всего скорѣе попасться можете.

7. Примѣчайте, какіе случаи и вещи въ васъ наиболѣе и чаще тѣ страсти возбуждаютъ, и старайтесь того удаляться.

8. Наконецъ, чтобъ во всемъ томъ лучшій успѣхъ имѣть было можно, то противоборствуйте лѣни, не погружайтесь въ праздность, но привыкайте ко всегдашнему и бодрствующему трудолюбію, и доводите себя

себя до такого состоянія, чтобъ вамъ никогда нескучно было, одниль бы вы были, или съ людьми. Сіе сдѣлаетъ вамъ великое вспоможеніе; ибо множество примѣровъ доказываетъ, что всегдашнее и обратившееся въ привычку упражненіе въ чемъ нибудь полезномъ въ состояніи всего болѣе удержать насъ отъ бѣганія и рысканія за своею погибелью и вышариванія повсюду себѣ яда и отравы; напротивъ того лѣнь, праздность и непривычка быть наединѣ многому злу бываетъ началомъ.

Сіи суть общія и немногія, однако наиважнѣйшія правила, и сего будетъ довольно о семъ поискѣ; ибо естьли мнѣ подробно говорить, какими средствами каждую имянно страсть доводить до того, чтобъ она долѣе пребывала въ своемъ снѣ, то завело бы меня сіе въ неудобовмѣстимое сюда пространство, чего ради, оставляя то самимъ вамъ, пойду далѣе.

9.

КакЪ мы по природной своей склонности кЪ оплошности и нерадѣнію всего скорѣе вЪ разсужденіи предслѣдующихЪ осьми правилЪ можемЪ дѣлать проступки, и неумышленно, а по оплошности своей допускать иногда страсти наши до возбужденія; а сверьхЪ того часто случается и сущая необходимость быть вЪ ненадобныхЪ мѣстахЪ и слышать вредные разговоры, или находиться вЪ такихЪ должностяхЪ и упражненіяхЪ, гдѣ неизбѣжимы поводы кЪ мыслямЪ, страсти возбуждающимЪ, и прочее тому подобное; и потому очень часто способные случаи кЪ просыпанію нашихЪ страстей сами собою явиться могутЪ, или, говоря по аллегоріи нашей, мы очень часто сЪ господами бунтовщиками встрѣчаться можемЪ: то надобно знать, какимЪ образомЪ сЪ сильнѣйшими изЪ нихЪ поступить надобно, естьли мы сЪ ними нечаянно и принужденно встрѣтимся, и предвидѣть будемЪ, что выдержать бой сЪ ними

не

не будемъ находиться въ состояніи, и для того охотнѣе бы хотѣли, чтобъ онѣ почивали еще долѣе, то есть: когда намъ, напримѣръ, куда нибудь ѣхать, итти, гдѣ нибудь быть, или что дѣлать необходимо надобно, и мы предвидѣть можемъ, что тамъ нашимъ страстямъ будетъ удобной случай пробудиться, а намъ предстоять будетъ опасность: то въ семъ случаѣ другаго не остается, кромѣ того, что завидѣвъ оныхъ издали, употребить послѣднюю хитрость и искать средства какимъ нибудь образомъ добромъ отъ нихъ отдѣлаться и убѣжать съ ними сраженія. Въ семъ состоитъ девятое обстоятельство войны нашей, а третій и послѣдній политической надъ ними поискъ, состоящій собственно въ томъ, чтобъ пользоваться первыми и самыми тѣми минутами, въ которыя страсти просыпаются и въ которыя иныя изъ нихъ очень еще безсильны и не совсѣмъ еще очнулись, но продираютъ, такъ сказать, еще глаза, и стараться ихъ въ сіе время опять усыпить и не допу-

стить

стить до вступленія на театрЪ душевной, или на мѣсто сраженія, дабы онѣ не вступили вЪ совершенное свое дѣйствіе, слѣдовательно, препроводивЪ короткое время безЪ сна, не могли увеличиться. Легко можно заключить, что человѣку при такихЪ случаяхЪ имѣть надобно о себѣ примѣчательное око и употреблять всегда великую осторожность, дабы не упустить сего драгоцѣннаго, но весьма короткаго времени, и вЪ оное употребить какой нибудь военной обманЪ, или хитрость; ибо естьли упустить сей случай и дать страсти совершенно очнуться и выпустить, такЪ сказать, на театрЪ: то по неволѣ уже принуждено будетЪ сЪ нею драться; потому что она, завидѣвЪ насЪ, того часа атакуетЪ и мы либо ей повиноваться, либо вЪ бой сЪ нею вступить принуждены будемЪ. ИзЪ сего проистекаетЪ десятое и весьма важное для насЪ правило слѣдующаго содержанія:

10.

10. Лови первыя минуты, когда страсти возбуждаются, и пользуясь оными, старайся не допустить ихъ до совершеннаго дѣйствія.

Правило сіе основывается на томъ, что въ сіе время разумъ и произволъ нашъ имѣетъ еще власть надъ нашими мыслями, которой тотчасъ лишится, какъ скоро проснувшаяся большая страсть совсѣмъ очнется и вступитъ въ совершенное дѣйствіе; ибо чѣмъ живѣе будетъ страсть, тѣмъ слабѣе станетъ становиться власть разума и произвола. Почему и все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ оба сіи главные начальники не потеряли сего послѣдняго времени, но собравъ послѣднія свои силы и власть, употребили оныя себѣ на пользу. Ежели спросите, чтожъ бы намъ въ семъ случаѣ дѣлать, то скажу, что помощію разума и произвола надобно спѣшить употребить которую нибудь изъ слѣдующихъ хитростей: вопервыхъ, ежели можно, то старайтесь когда нибудь уклониться въ сто-

сторону и уйти изъ глазъ непріятеля, то есть удалиться изъ того опаснаго мѣста. Естьли того не можно и оная страсть возбуждается какимъ нибудь чувствомъ, на примѣръ зрѣніемъ, слышаніемъ и тому подобнымъ, то старайтесь вовторыхъ себя пересилить и унять дѣйствіе того чувства, на примѣръ: естьли то происходитъ отъ зрѣнія, отвращайте свои глаза отъ смотренія на тотъ предметъ. Естьли отъ слышанія, то удалитесь, чтобъ не можно было болѣе слышáть, и такъ далѣе. Естьли сіе трудно и неспособно, то втретьихъ пріимите на себя притворной видъ, будто хотите страсти своей дать волю и сами ее постараетесь удовольствовать, только ищите уговорить ее добромъ, чтобъ она дала вамъ немного только времени и немного потерпѣла. Сіе средство по видимому смѣшно, но опыты доказываютъ, что оно очень бываетъ дѣйствищельно и способнѣе прочихъ къ усыпленію опять страсти, и для того надобно мнѣ его болѣе изъяснить.

яснить. Въ семъ случаѣ надобно возбуждающуюся страсть вообразить себѣ въ какомъ нибудь вещественномъ видѣ, на примѣръ въ видѣ гонящейся за тобою и тебя убѣждающей женщины, и съ нею порядочнымъ образомъ разговаривать. Говорите съ нею, или паче съ самимъ собою слѣдующимъ на примѣръ образомъ: „Знаю, „что тебѣ, моя голубка, проснуться, „поработать и ѣсть хочется, но по„жалуй на сей разъ потерпи и меня „оставь въ покоѣ. Въ другой разъ я „дамъ тебѣ совершенную волю и во „всемъ подвергнусь твоему повелѣ„нію. Въ сей разъ только меня по„жалуй послушай, или по крайней „мѣрѣ на часокъ подожди; будетъ „еще время тебѣ наработаться и на„сыщаться. Время еще не все ушло „и вѣкъ не весь прожитъ. Вотъ „можетъ быть завтра, или послѣ зав„тра, или вскорѣ случится опять „такой же случай, и тогда самъ „уже постараюсь тебя насытить, „только теперь погодите и лягте „опять спать.„ Ежели сіе не проймет

метъ и она не отстанетъ и все еще васъ безпокоить станетъ, то скидывайте по немногу съ себя маску. Отсовывайте ее, такъ сказать, докучающую и отстать нехотящую. „Отстань же ты отъ меня, скажите „ей, и отвяжися. Вѣдь когда добро „тебя неймѣтъ, такъ отстанешь и „по неволѣ. Нарочно постараюсь, чтобъ „работа твоя тщетно пропала и ты „не получилабъ желаемаго. Сказываю „тебѣ, что тщетно ты льстишься „насыщенiемъ. Не будетъ того; и „какъ ты ни прельщай, не послушаю.„ Симъ и подобнымъ сему образомъ старайтеся возбудить въ себѣ гнѣвъ и привесть себя на нее въ сердце. Ни въ которомъ случаѣ симъ пристрастiемъ пользоваться лучше не можете, какъ въ семъ. Тутъ будетъ самое сiе негодное пристрастiе употреблено въ великую пользу. А между тѣмъ, какъ симъ образомъ съ нею говорить будете, помышляйте тайно о послѣдней хитрости, а именно, чтобъ, покуда театръ души, или самая оная не наполнилась

мыс-

мыслями, свойственными той страсти, поспѣшить наполнить ее какими нибудь другими мыслями, и захватить тѣмъ мѣсто и не допустить чрезъ то тѣхъ до возхожденія на театръ. Сіе произведетъ то, что она и не хотя принуждена будетъ отстать и погрузиться опять въ сонъ. И какъ сіе средство всѣхъ прочихъ дѣйствительнѣе то спѣшите имъ какъ можно, и не упускайте удобнаго времени ни минуты; ибо каждая минута въ семъ случаѣ дорога и неоцѣненна, равно какъ и въ вещественныхъ войнахъ великая важность состоитъ въ ускорительномъ захватываніи нужныхъ проходовъ и дефилей, гдѣ непріятелю проходить, и въ занятіи выгодныхъ и лучшихъ мѣстъ; ибо извѣстно, что самымъ тѣмъ не допускается непріятель иногда до атаки и нападенія. И такъ берите прибѣжище къ первой вещи, какая вамъ вскорости на умъ попадется, и сильтесь какъ можно объ ней живѣе думать. Вспомните какую нибудь изъ своихъ нуждъ, или домашнихъ надобностей, а особливо нѣтъ

ли у васъ какой нибудь предстоящей вамъ бѣды и опасности, и думайте о томъ сильнѣе. Напоминайте, не было ли съ вами когда такого произшествія, котораго напоминаніе въ состояніи заставить васъ самихъ себя стыдиться, или раскаяваться. Думайте о томъ; однимъ словомъ, старайтесь всѣми средствами возбудить въ себѣ которую нибудь изъ страстей, то есть либо гнѣвъ, либо печаль, либо боязнь, либо раскаяніе; ибо какъ онѣ воспаляются очень скоро и производятъ множество мыслей, то сіи мысли, захвативъ мѣсто, не допустятъ войскамъ нашего злодѣя, то есть свойственнымъ ему мыслямъ, занять оное, и принудятъ его заснуть. Опасности же отъ самихъ ихъ вы дальней имѣть не можете, потому что дѣйствіе сихъ страстей не долго продолжается, но пресѣкается скоро само собою, а вы между тѣмъ получите свободное время употребить другое что нибудь и удалиться. Естьли все сіе не поможетъ, то поступите далѣе. Возьмите прибѣжище

къ

къ самимъ товарищамъ своихъ злодѣевъ и старайтесь по крайней мѣрѣ котораго нибудь изъ нихъ, а особливо изъ слабѣйшихъ, возбудить и довесть до того, чтобъ они съ птичками своими тѣ мѣста захватили и не допустили на нихъ сильнаго вашего злодѣя, напасть на васъ готовящагося; ибо все равно, какія бы мысли ни захватили театръ, или площадь душевную, только бы тѣхъ не допустить: то есть, возбудите въ себѣ силою произвола своего какую нибудь иную страсть, но такую, съ которою послѣ вы легко сладить можете, на примѣръ: вспомните какую нибудь свою привычку, или любимое упражненіе, и помышляйте о томъ, какъ можно живѣе, и для лучшаго въ томъ и скорѣйшаго успѣха запасайте себя заблаговременно и сбираясь еще, на примѣръ, итти, или ѣхать въ опасное мѣсто, такими лѣкарствами, то есть выдумывайте заранѣе, чѣмъ вамъ и какими мыслями захватывать тогда нужное мѣсто и не допускать страсть до нападенія. А ежели хотите далѣе

поступить, то, чтобъ въ суетахъ тогда иного не позабыть, начеркните двумя словами все нужное на бумажкѣ, или въ записной своей книжкѣ, и справтесь тогда, уклонившись куда нибудь къ уголку, съ сею запискою и чрезъ то нужное напомните.

Вотъ разныя средства, которыми безъ дальняго труда можете вы очень скоро и способно усыпить опять проснувшуюся, или пробуждающуюся сильную и вамъ опасную страсть. Желалъ бы я, чтобъ все сіе не сочли вы, дорогой читатель, одною шуткою, каковою она снаружи быть кажется. Чего ради смѣло васъ, и буде мнѣ повѣрите, изъ собственнаго опыта могу увѣрить, что изъ сей мнимой шутки и игрушки выливается иногда весьма важное дѣло. Мнѣ случилось не однажды отбояривать симъ образомъ сильныя и наглыя страсти, и отъ нихъ, къ великому послѣ удовольствію моему, какъ лисица иногда отъ непріятелей своихъ, хитростію отдѣлываться, и мнѣ удалось чрезъ то скорѣе

рѣе иныя страсти преодолѣть и силу ихъ низложить, нежели я самъ могъ думать и ожидать.

10.

Теперь упомянулъ я уже все, что касалось до политической войны съ страстями нашими и осталось говорить о существительной, или о самыхъ съ ними сраженіяхъ. Но о семъ рѣчь моя будетъ уже короче, потому что я уже прежде говорилъ, что страсти наши должно стараться одолѣвать болѣе политическою войною и безъ сраженія, нежели кровопролитными сраженіями; ибо нужно только сильнѣйшія изъ нихъ помянутыми многоразличными средствами обезсилить, а себя укрѣпить и вооружить, какъ большая часть изъ нихъ сами отъ насъ станутъ бѣгать, и зная нашу силу и храбрость, насъ бояться, и тотчасъ покажутъ тылъ, какъ скоро мы имъ грудь свою и оружіе покажемъ. Щастливъ человѣкъ, кто себя до того довесть можетъ!

ибо въ семъ случаѣ нечувствительно побѣдитъ уже онъ на половину своихъ злодѣевъ и дѣло будетъ равно какъ на половину выиграно; ибо чѣмъ болѣе станетъ онъ помянутымъ образомъ усиливаться, тѣмъ болѣе разумъ его и произволъ получать власть и природное свое господствіе, и человѣкъ тотъ пріобрѣтать то славное имя, что самъ собою владѣть и страсти свои побѣдить можетъ. Но какъ и во время продолженія самой оной политической войны, такъ и послѣ не рѣдко можетъ, не смотря на всѣ наши старанія, доходить неизбѣжной случай до дѣйствительнаго съ непріятелями нашими сраженія: то теперь разберемъ какимъ образомъ надобно намъ съ ними драться.

Таковыя сраженія могутъ быть неодинаковы: иногда можемъ мы имѣть дѣло съ одною только страстью, иногда съ нѣсколькими вдругъ. Разнота сія можетъ произходить отъ разности случающихся поводовъ и случаевъ: иногда можемъ имѣть дѣло съ

силь-

сильными, иногда съ безсильными злодѣями; иногда можемъ мы такія сраженія предвидѣть и взять предосторожность, а иногда нападаютъ непріятели наши на насъ въ расплохъ и нечаянно. Все сіе приноситъ уже съ собою то послѣдствіе, чтобъ намъ, не смотря на всѣ старанія, вести съ ними политическую войну, надлежитъ во всякое время быть въ готовности къ сраженію и въ довольномъ вооруженіи, а паче всего вперить въ сердце свое неустрашимую храбрость и мужество, дабы въ случаѣ нечаяннаго и неизбѣжимаго нападенія намъ не ослабнуть и не сдѣлаться негодными трусливцами и чрезъ то не подать поводъ къ побѣдѣ надъ собою; но примѣтивъ неизбѣжимость сраженія, не только великодушно противъ злодѣевъ нашихъ стать, и имъ храброй отпоръ дѣлая, всѣ ихъ ударенія отбивать, но самимъ еще противъ ихъ итти грудью и ихъ атаковать и поражать своимъ оружіемъ. Сіе есть десятое обстоятельство войны нашей, изъ котораго извлекается первое-

 на-

надесять и очень важное правило слѣдующаго содержанія:

11. Предпріими твердое намѣреніе противоборствовать своимъ страстямъ и будь всегда готовъ къ великодушному и храброму отпору и сопротивленію удареніямъ оныхъ, а особливо при случающихся неизбѣжныхъ поводахъ и случаяхъ къ возбужденію оныхъ.

Сіе правило содержитъ въ себѣ такое требованіе, которое хотя всякому можно исполнить, но не всякой на то согласится; ибо хотя сего отъ всякаго истинной долгъ и прямая польза требуетъ, и нѣтъ ничего полезнѣе и похвальнѣе сего предпріятія, но къ сожалѣнію долженъ признаться, что ни въ чемъ такого упущенія мы не дѣлаемъ, какъ въ семъ случаѣ. Мы привыкли уже такъ къ слабости и малодушію, что боимся уже и одного вида своихъ непріятелей, и часто, увидѣвъ бездѣльнаго и совсѣмъ неважнаго изъ нихъ, которому безо всего можнобъ было

было дать карачунъ, позабываемъ самихъ себя и отдаемся ему въ полонъ и въ неволю, равно такъ, какъ бы не имѣли мы никакого оружія и ни рукъ, ни ногъ къ сопротивленію онымъ. Не постыдна ли по справедливости для насъ таковая трусость? и не позоръ ли и не безчестіе ли для насъ, что мы въ семъ случаѣ уподобляемся хуже нежели трусливымъ зайцамъ, которые, увидѣвъ непріятелей своихъ, стараются по крайней мѣрѣ спастись бѣгствомъ, а мы и того не дѣлаемъ, но пѣшеемъ и ослабѣваемъ совсѣмъ при нападеніи отъ непріятелей, и ему безъ всякаго сопротивленія даемъ волю надъ собою тиранствовать, не смотря, хотябъ мы несравненно были сильнѣе, и намъ очень малагобъ труда стоило ихъ преодолѣть. Что сіе справедливо, тому не требуется дальнихъ доказательствъ. Кто изъ насъ того не знаетъ, что страсти намъ вредны, и что дѣла, происходящія отъ нихъ, худы и не хороши и насъ доводятъ до пагубы? Не видимъ ли мы тому тысячи примѣровъ?

Не осуждаемъ ли мы ихъ въ другихъ людяхъ? Не вздыхаемъ ли сами, нося тяжкія ихъ оковы? и не всякой ли самъ въ томъ признается, что намъ необходимо ихъ побѣждать и себя изъ подъ ига и неволи ихъ освобождать надобно, и что истинная наша и многоразличная польза того требуетъ? Но скажитежъ, государи мои, для чего мы сего не дѣлаемъ? для чего остаемся при однихъ только жалобахъ? для чего не вздумаемъ никогда въ правду подумать о истинной своей пользѣ и объ освобожденіи себя изъ подъ ихъ жестокаго ига? для чего уже такъ слишкомъ малодушны, что боимся думать о томъ, а не только чтобъ приступить къ дѣлу? Или въ правду мы хуже старыхъ бабъ и не можемъ устоять и выдержать самомалѣйшіе ихъ удары? или не имѣемъ мы никакого противъ ихъ оружія? или оно такъ заржавѣло, что намъ его отчистить и изъ ноженъ вынуть не можно? или съ насъ взята клятва и присяга, чтобъ никогда и не помышлять о сопротивленіи про-

противъ оныхъ, но безсомнѣнно вѣрить, что нѣтъ уже никакой возможности освободить себя отъ сего ига и къ побѣжденію сихъ злѣйшихъ враговъ нашихъ? или осуждены мы уже на вѣкъ стенать въ ихъ неволѣ и носить на себѣ оковы ихъ? - - Ахъ государи мои! это все только ихъ ложныя увѣренія и хитрой обманъ, которымъ онѣ насъ проводить стараются. Невозможность сію мы болѣе уже затвердили, нежели какова она въ самомъ дѣлѣ есть, и мы отъ природы далеко не таковы малодушны и немощны, но имѣемъ врожденную въ себѣ способность къ храбрости и великодушію, которая только спитъ и не дѣйствуетъ, и дѣло въ томъ только состоитъ, чтобъ ихъ разбудить и захотѣть сдѣлаться героями и великодушно и смѣло пуститься на сей похвальной и намъ прямо полезной подвигъ. Героями, и что важнѣе, прямыми героями, можемъ мы въ семъ случаѣ сдѣлаться, естьли только пожелаемъ, и чрезъ то получить безчисленныя выгоды и пользы; ибо

ибо ничто намъ въ семъ случаѣ не мѣшаетъ: сердце наше отъ природы храбро, оружія мы имѣемъ столько, сколько надобно, и можемъ его сами себѣ дѣлать и доставать, и притомъ такое, противъ котораго устоять непріятели наши не могутъ. И такъ зависитъ отъ единаго нашего хотѣнія и предпріятія небольшихъ трудовъ и твердаго намѣренія. Но не стыдъ ли истинной намъ, что и такой бездѣлицы, или отваги, чтобъ того прямо похотѣть, мы имѣть не можемъ? Не думаете ли въ правду, что всѣ непріятели наши непобѣдимы? Нѣтъ ничего несправедливѣе сего мнѣнія. Коликоебъ множество ихъ въ сердцахъ нашихъ ни обитало, но большая часть изъ нихъ найдутся такихъ, которыя противъ насъ не устоятъ и единаго храбраго взора нашего устрашатся и спрячутся невѣдомо куда, какъ скоро примѣтятъ, что мы на нихъ ополчимся, а и съ самими сильнѣйшими, хотя не таково скоро, но сладить всегда можемъ, буде токмо того похотимъ и не поскучимъ

чимъ предпріятіемъ трудовъ, къ тому потребныхъ, и неоплошнымъ наблюденіемъ нужныхъ касающихся до того правилъ.

Знаю, что многіе, не смотря на все сіе, останутся при прежнихъ своихъ мысляхъ и невозможность и трудность преодолѣванія страстей до послѣдняго, такъ сказать, издыханія защищать станутъ. Но съ таковыми нечего мнѣ инаго дѣлать, какъ оставить ихъ съ покоемъ; потому что въ разсужденіи сихъ видно уже по всему, что они заклялись на вѣкъ быть рабами и невольниками своихъ бунтовщиковъ, и позабыли что они рождены сами ко владычеству надъ оными, и къ подлой раболѣпности слишкомъ привыкли и такъ себя унизили, что записались въ число собственныхъ своихъ злодѣевъ, оруженосцевъ и защитниковъ къ безчестію и къ поношенію всего человѣческаго рода. Съ таковыми, говорю, мнѣ нечего уже дѣлать; они на смѣхъ поднимутъ, чтобъ я и не вздумалъ о

томъ

томъ имъ говорить, и далеко удалены отъ того, чтобъ принять что нибудь во уваженіе. Чего ради оставлю сихъ господъ съ покоемъ, а обращуся къ другимъ, не столь много еще самихъ себя позабывшимъ. Въ разсужденіи сихъ желалъ бы я, чтобъ они заключеніями своими о невозможности и мнимой трудности при одолѣваніи страстей своихъ не такъ скоро спѣшили, но пожаловалибъ отвѣдали напередъ сами собою то въ практикѣ, и тогда бы уже говорили; а то извѣстно мнѣ, что многіе охотники въ семъ случаѣ невѣдомо какъ любомудрствовали, а сами никогда не отвѣдывали практикою сію страшную трудность извѣдать, и не отваживались на сей подвигъ, а разсуждали о томъ по заочности. Я увѣренъ, что они скоро перемѣнятъ свои мысли и будутъ судить о томъ выгоднѣе, какъ скоро возбудятъ въ себѣ героической духъ, и храбро противъ ихъ ополчившись, неустрашимое возмутъ намѣреніе, при первомъ и удобномъ случаѣ съ ними сцѣпиться

и

и изведать свою въ сраженіи съ ними силу. Коль желалъ бы я, чтобъ многіе сему совету последовали и предпріялибъ наконецъ отереть съ очей своихъ мракъ, дотоле ихъ ослепляющій, и воспалить въ сердцахъ своихъ огнь и рвеніе къ такому похвальному подвигу, то есть положилибъ однажды, свергнувъ съ себя оковы страстей, храбро къ сопротивленію ихъ ополчиться. Верно бы они после темъ сами были чрезвычайно довольны.

Ежели спросятъ меня теперь, въ чемъ же бы собственно сіе предпріятіе состояло, то скажу, что вся важность въ томъ состоитъ, чтобъ мы отважились къ собственному себя преодолеванію и къ великодушному презренію того увеселенія, чемъ обыкновенно страсти насъ прельщаютъ и до всего худаго доводятъ. Ибо я, изследывая причины помянутому и весьма обыкновенному нашему малодушію, другаго не нахожу, что насъ до требуемаго предпріятія наиболее не допускаетъ опасеніе, что намъ это будетъ

детъ трудно и скучно; что мы принуждены дѣлать въ семъ случаѣ себѣ великое и непріятное насиліе и жертвовать пріятнымъ и всѣ наши чувства плѣняющимъ увеселеніемъ, или забавою. И потому одно помышленіе о томъ въ состояніи прогонять изъ насъ къ тому охоту. Но отъ того самаго и происходитъ, что великодушное всего того презрѣніе и мужественная отвага и на самаго себя ополченіе именуется и есть дѣйствительнымъ и важнымъ, а притомъ такимъ подвигомъ, котораго требуетъ отъ насъ вопервыхъ самъ нашъ Создатель, вовторыхъ наша истинная польза; потому что самое сіе составитъ уже великую добродѣтель, богоугодное и такое дѣло, которое втунѣ не пропадетъ, но намъ принесетъ великія и въ сей и въ будущей жизни пользы. Что сей подвигъ далеко не таковъ труденъ, какимъ его себѣ многіе воображаютъ, въ томъ я уже упоминалъ выше. Правда, нельзя сказать чтобъ преодолѣваніе самихъ себя, то есть сраженіе съ

стра-

страстями, не сопряжено было съ трудомъ и отягощеніемъ; но какъ сіе неложно, такъ справедливо и то, что сія трудность бываетъ только въ началѣ и въ разсужденіи сильныхъ страстей только великовата, а чѣмъ далѣе, тѣмъ меньше; въ разсужденіи же не столь сильныхъ и совсѣмъ сносна и уваженія недостойна.

11.

Такимъ образомъ, положивъ однажды твердое намѣреніе въ случаѣ нечаяннаго нападенія отъ страстей съ ними драться, должно то и въ самомъ дѣлѣ исполнять, и поступая по примѣру храбрыхъ воиновъ, сражаться съ ними, такъ сказать, до послѣдней капли крови, то есть употребляя всѣ силы и возможности. Сіе составляло одиннатцатое обстоятельство войны нашей, изъ котораго проистекаетъ второенадесять правило слѣдующаго содержанія:

12. При всякомъ неизбѣжномъ случаѣ не поддавайся никогда страстямъ

безъ сопротивленія, но паче противоборствуй имъ мужественно и употребляй неослабно всѣ твои силы и возможности къ полученію всякой разъ надъ ними побѣды и споспѣшествуй къ тому всѣми удобовозможными средствами.

Легко можно усмотрѣть, что объясненіе сего правила должно содержать въ себѣ собственное руководство къ сей брани, или точное наставленіе, какимъ образомъ намъ съ непріятелями своими наиудобнѣе сражаться, и что притомъ въ особливости наблюдать надобно. Сіе я и не премину теперь учинить, тѣмъ паче, что сраженія съ оными должны производимы быть съ великимъ искусствомъ и проворностію, буде хотѣть, чтобъ побѣда склонялась на нашу сторону и мы ими скоро побѣждены не были. Однимъ словомъ, намъ надобно въ семъ случаѣ подражать искуснымъ полководцамъ, которые непріятелей своихъ стараются въ самомъ сраженіи побѣждать не столько

силою,

силою, сколько хитростію и умѣньемъ, и въ томъ всегда лучшій успѣхъ имѣютъ, нежели тѣ, которые дерутся просто и безъ затѣевъ. Сіе требую я болѣе для того, что мы имѣемъ предъ собою не столько храбрыхъ, сколько хитрыхъ и обманчивыхъ непріятелей, могущихъ насъ всякую минуту провесть и обмануть, и отъ коихъ не можно намъ имѣть довольно осторожностей.

И такъ прежде всего замѣчу я то обстоятельство, что сей бой не всегда бываетъ равенъ; ибо изъ нападающихъ на насъ непріятелей, какъ выше упомянуто, не всѣ равно бываютъ сильны и многочисленны, но иногда нападетъ на насъ какой нибудь сильной бунтовщикъ одинъ, или при подкрѣпленіи своихъ товарищей, то есть другихъ страстей, или мятежниковъ; а иногда одинъ, или нѣсколько слабыхъ и не гораздо важныхъ, такъ какъ и въ подлинныхъ войнахъ не всегда бываютъ большія баталіи цѣлыми арміями, но иногда неболь-

шія стычки съ малыми партіями и корпусами. И такъ о сихъ послѣднихъ не для чего много говорить; ибо естьли произволъ нашъ по предслѣдующему четвертому правилу хотя нѣсколько подкрѣпленъ и увеличенъ будетъ, то съ сими маленькими и безсильными непріятелями безъ дальнихъ хлопотъ сдѣлаться можно; ибо онъ ихъ тотчасъ въ состояніи будетъ одолѣть, какъ скоро они покажутся. Чего ради лучше скорѣе приступить къ дѣлу и описать порядокъ большаго и формальнаго сраженія съ сильными непріятелями; ибо изъ того не трудно будетъ уже усмотрѣть, какъ поступать и съ безсильными и слабыми.

Тутъ въ подлинныхъ баталіяхъ разумной полководецъ старается вопервыхъ поспѣшить захваченіемъ нужныхъ и выгодныхъ мѣстъ, дабы чрезъ то имѣть надъ непріятелемъ лучшія выгоды. Сему примѣру должно и намъ подражать и всѣми возможностьми поспѣшить и захватить театръ

атрѣ души какими нибудь мыслями, равно какъ войсками, и чрезъ то не допустить страсть овладѣть онымъ и наполнить своими войсками, то есть свойственными себѣ мыслями и на немъ укрѣпиться, тѣмъ паче, что отъ одержанія сего тѣснаго мѣста, на которомъ только и могутъ страсти съ нами сражаться, зависитъ наиболѣе вся побѣда. Какимъ образомъ сіе въ дѣйство произвести, о томъ не для чего мнѣ говорить, потому что впереди говорилъ я о томъ обстоятельно; и такъ присовокуплю только то, что захваченіемъ сего мѣста какъ возможно спѣшить, и не смотря на дѣлаемую непріятелями диверсію и не жалѣя ничего, усиливаться надобно. Ибо когда удастся сіе мѣсто заблаговременно захватить, то дѣло на половину выиграно, и часто въ семъ случаѣ и сильной непріятель, ничего не сдѣлавъ, принужденъ будетъ прочь отойти и насъ оставить съ покоемъ, а особливо когда мы, успѣвъ захватить себя на ономъ, не много поукрѣпимъ, пріумножимъ свои войска, хра-

бро первыя ударенія непріятелей и ядры онаго выдержимъ, и лѣзущія къ намъ въ глаза на валъ его войска, то есть тѣснящіяся въ голову намъ страстныя мысли, отъ себя отобьемъ и оттолкаемъ, что и учинить намъ не великаго труда будетъ стоить; потому что мы находиться уже будемъ въ выгодномъ предъ ними мѣстѣ, и равно какъ съ горы ихъ всѣхъ поражать и стремглавъ низвергать можемъ: по которой причинѣ и атака непріятельская въ семъ случаѣ не долго продолжается, но они побившись побившись и по неволѣ прочь отойдутъ.

Естьлижъ сего учинить по оплошности нашей, или по какому нибудь иному случаю не удастся, и мы допустимъ непріятеля прежде себя оное мѣсто захватить, тогда овладѣть онымъ намъ уже несравненно величайшаго труда будетъ стоить; потому что мы принуждены будемъ силою его оттуда сгонять, и проливая кровь, то есть претерпѣвая нѣкую

кую непріятную трудность и отягощеніе, оное мѣсто у него отнимать, слѣдовательно необходимо съ нимъ уже драться. Но и въ семъ случаѣ несравненно выгоднѣе предпринимать сію атаку какъ можно скорѣе, и не теряя ни часа времени, сдѣлать приступъ, дабы, пользуясь еще его неустройствомъ и не давъ времени усилиться и укрѣпиться сикурсными, или помощными войсками, можно было тѣмъ удобнѣе, и что важнѣе, безъ дальнихъ хлопотъ съ нимъ однимъ, то есть посредствомъ только одного произвола, сладить и тѣмъ все дѣло кончить. Въ противномъ случаѣ, ежели дадимъ время ему усилиться и возбудить другія страсти себѣ на вспоможеніе, тогда дѣло будетъ гораздо труднѣе и горячѣе. Легко можно заключить, что на первой сей приступъ надобно намъ итти, вооруживъ себя возможнѣйшею храбростію и отвагою: гнѣвъ, ярость и желаніе побѣды пылалобъ тогда изъ очей нашихъ, и чего не достаетъ намъ въ силахъ, то должно награждать храб-

ростію. Существо сего перваго приступа состоитъ въ томъ, чтобъ испытать, не можно ли намъ возбудившуюся и дѣйствующую въ душѣ нашей страсть одолѣть просто своимъ произволомъ, и не въ состояніи ли мы себя переломить. „Прочь! „ должно намъ тогда къ себѣ, или къ своимъ страстямъ, съ сердцемъ говорить: „долой съ мѣста! мнѣ оно надобно!... „не хочу... не слушаю вашихъ прелестей... не думайте меня побѣдить.„ И такъ далѣе. И въ самое то время въ самомъ дѣлѣ надобно силиться и выгонять изъ головы всѣ ненадобныя мысли. Естьли приступъ намъ сей удастся, и непріятель не такъ еще усилится, чтобъ учинить сего было намъ не можно, то хорошо; когда же насъ отобьютъ, то есть естьли мы, будучи переломить себя не въ силахъ, принуждены будемъ отойти, тогда не должно при томъ одномъ оставаться и отъ того приходить уже въ робость; ибо есть и другія средства, чѣмъ ихъ оттуда согнать можно, а именно:

ВЪ

ВЪ семЪ случаѣ, не упуская также времени, надобно сЪ одной стороны учинить на нихЪ равно какЪ канонаду, или бомбандированіе, бросая кЪ нимЪ самыя тѣ похищенныя у самихЪ ихЪ и напоенныя ядомЪ ядры, бомбы и карказы, о которыхЪ я выше вЪ изЪясненіи осьмаго правила говорилЪ, о чемЪ тамЪ справиться можно. КЪ тому надобно присовокуплять и свои, кои имЪ вредительны быть могутЪ, о коихЪ также вЪ предслѣдующихЪ правилахЪ было упоминаемо; *для которой* причины и надобно, чтобЪ всѣ такія ядры, или низлагательныя и противныя страстямЪ мысли, были вЪ готовности и тотчасЪ бы ихЪ вспомнить было можно. КЪ сему прежде предлагаемая мною карманная книжка моглабЪ служить великимЪ вспомоществованіемЪ; изЪ ней, равно какЪ изЪ магазеина, можно бы было брать оныя ядры, или противныя мысли, и поражать ими своихЪ злодѣевЪ. И какЪ все сіе произведетЪ великую между ими разстройку и замѣшательство, то, пользуясь онымЪ, надобно намЪ по-

вторить приступъ и не преставать ихъ оными и канонадою до тѣхъ поръ мучить, покуда они не одолѣются и съ мѣста баталіи, или той горы, сбиты не будутъ.

Но какъ между тѣмъ и они не поджавъ руки сидѣть будутъ, но имѣя таковыяжъ, или еще дѣйствительнѣйшія и намъ по прелести своей опаснѣйшія орудія и ядры, не преминутъ и съ своей стороны, намъ равномѣрно отвѣтствуя, стараться насъ отогнать и низложить нашу силу: то слѣдуетъ само собою, что ни въ которомъ случаѣ не надобна такъ для насъ бодрость и мужество для непоколебимаго выдерживанія всѣхъ ихъ пораженій, то есть великодушнаго презрѣнія всѣхъ побудительныхъ причинъ и прелестей, какъ въ семъ. Намъ надобно мужаться и помнить, гдѣ мы, и въ какомъ дѣлѣ находимся, и сколь много зависитъ отъ полученія и потерянія побѣды, и для всего того позабыть на часокъ свою нѣгу и не уважать, трудно ли то терпѣть будетъ,

детъ, или не трудно, но стоять храбро и неподвижно и помышлять только о пораженіи ихъ съ своей стороны. Однако чтобъ они меньше намъ вреда и безпокойства дѣлали, то надобно отдеташировать довольную партію для недопущенія къ нимъ привоза военныхъ ихъ снарядовъ, и стараться ихъ отхватить, то есть имѣть весьма примѣчательное о дѣйствіи ихъ око; и какъ скоро покажется въ головѣ какая нибудь новая имъ выгодная и насъ прельщающая мысль, то оную въ самомъ началѣ угнѣтать и прогонять въ защей; чрезъ сіе лишатся они своихъ снарядовъ и скорѣе нами побѣждены быть могутъ.

Равнымъ сему образомъ надобно примѣчательное око имѣть и о томъ, чтобъ не пришелъ къ непріятелямъ нашимъ сикурсъ, то есть чтобъ не возбудилась иная какая согласная съ ними страсть имъ на подмогу. Всѣмъ такимъ постороннимъ вспоможеніямъ надобно дѣлать преграду и не допускать ихъ какъ можно всходить на

те-

театръ и соединяться съ атакованнымъ непріятелемъ. Сіе недопущеніе состоитъ въ такомъ же заблаговременномъ отгоняніи отъ себя первыхъ мыслей, въ головѣ у насъ о томъ появляющихся; ибо когда въ началѣ не захватится, то соединятся они тотчасъ съ непріятелемъ, и мы и съ тѣмъ и съ нимъ принуждены будемъ драться. Какимъ образомъ сіе учинить, о томъ говорено было довольно выше.

Наконецъ естьли все сіе не поможетъ и непріятель столь силенъ, или на примѣръ полученнымъ сикурсомъ такъ подкрѣпился, что намъ не будетъ способа однимъ собственною своею силою и оными орудіями его одолѣть, тогда, или еще съ самаго начала, должно брать къ послѣднему и наидѣйствительнѣйшему средству прибѣжище, а именно: къ скорѣйшему призванію какого нибудь изъ тѣхъ сильныхъ помощниковъ и союзниковъ на помощь, о заготовленіи которыхъ упоминалъ я прежде въ изъясненіи шестаго пра-

правила, то есть возбудить какъ можно скорѣе находящуюся въ себѣ какую нибудь хорошую, но сильную склонность, или стремительство, и заставить ее дѣйствовать, и тѣмъ равно какъ принудить сражаться съ непріятелемъ. Какимъ образомъ сіе учинить, о томъ говорено прежде, и такъ нѣтъ нужды повторять, а скажу только, что ежели сей союзникъ сильнѣе непріятеля и прямо разбуженъ будетъ, то дѣло скоро кончится; ибо одно пришествіе его обратитъ уже непріятеля въ бѣгство и принудитъ очистить мѣсто баталіи, а особливо естьли случится выставленъ быть противъ его природной его соперникъ, котораго, какъ я выше упомянулъ, онъ ни коимъ образомъ терпѣть не можетъ. Естьлижъ не гораздо еще силенъ, то должны мы при помощи его учинить опять новой приступъ, или того лучше, возбудить и призвать какого нибудь другаго и третьяго, и къ силѣ ихъ приумножить свою собственную; тогда не можно уже будетъ ни коимъ образомъ устоять нашему

зло-

злодѣю, онъ принужденъ будетъ бѣжать и оставить намъ побѣду и мѣсто баталіи, гдѣ можемъ мы тогда закричать ура! и съ торжественнымъ тріумфомъ возвратиться въ свое отечество, то есть къ своимъ обыкновеннымъ дѣламъ и упражненіямъ.

12.

Вотъ порядокъ, которымъ должно намъ съ сильными страстями драться. Изъ сего означилось само собою, коль многихъ хлопотъ избавимся мы, естьли въ самомъ началѣ, не упустивъ времени, захватимъ театръ души иными мыслями и не допустимъ непріятеля онымъ овладѣть и усилиться. Но какъ самое сіе скорѣе всего упущено быть можетъ, да и во время сраженія по различію обстоятельствъ не всякой можетъ имѣть довольно терпѣнія и храбрости и неустрашимости, и легко могутъ сдѣланы быть разныя упущенія и погрѣшности, также и непріятель нашъ случится иногда слишкомъ предъ нами си-

силенъ и непреоборимъ: то натурально не можно тому быть, чтобъ всѣ такія сраженія оканчивались для насъ благополучно и мы одерживалибъ всегда надъ страстями нашими побѣду, но часто будетъ случаться, что и онѣ, не смотря на все наше сопротивленіе, насъ одолѣвать, то есть доводить станутъ до исполненія какого нибудь по стремительству своему худаго и негоднаго дѣла. Сіе послужитъ намъ хотя великимъ предосужденіемъ, однако намъ не должно отъ того приходить въ отчаяніе и давать себя тому такъ устрашить, чтобъ мы не осмѣлились уже впередъ съ ними драться, но намъ надобно напротивъ того побѣдою тою надѣяться впредь быть осторожнѣе, а претерпѣнному стыду надобно возбудить насъ впредь къ отмщенію имъ сей обиды и къ храбрѣйшему съ ними сраженію. Изъ сего проистекаетъ третьенадесять и весьма важное правило слѣдующаго содержанія:

13. Худыми первыми успѣхами при одолѣваніи страстей не приводи себя въ отчаяніе и не ослабѣвай духомъ, но паче тѣмъ болѣе побуждайся къ храбрѣйшему впредь сопротивленію онымъ, и учись изъ того искуснѣйшимъ образомъ одолѣвать ихъ.

Въ объясненіе сего важнаго правила долженъ я сказать, какимъ образомъ надобно намъ таковыя отъ страстей нашихъ бывающія пораженія обращать себѣ въ пользу и тѣмъ вредъ, могущій намъ отъ того воспослѣдовать, уничтожать; ибо естьли останемся мы при томъ одномъ, что насъ побѣдили, и далѣе не будемъ о томъ помышлять, то побѣдители наши не преминутъ побѣдою своею воспользоваться и надѣлать намъ множество вреда. Сіе-то самое надобно намъ стараться отвратить и тѣмъ подражать разумнымъ полководцамъ, которые какъ съ одной стороны сколько стараются побѣждать, столькожъ, или болѣе, побѣдами своими пользоваться, такъ съ другой, естъ-

естьли по нещастію побѣждены будутъ, по крайней мѣрѣ пекутся о томъ, какъ бы воспрепятствовать тому, чтобъ побѣдители ихъ не могли отъ полученной побѣды имѣть дальней пользы и выгоды, а доводить до того, чтобъ она не имъ, а самимъ намъ больше пользовала. Какія пользы отъ того проистекаютъ, и сколь похвально такое предпріятіе, то всему свѣту довольно извѣстно. Кто не знаетъ, что отъ самаго того тысячи кровопролитныхъ сраженій и полученныхъ побѣдъ остались тщетны и не принесли побѣдителямъ никакой пользы, кромѣ только того, что уменьшили собственныя ихъ войски нѣсколькими тысячами народа? и кому неизвѣстно, коль многіе побѣдители, научивъ драться побѣжденныхъ, сами потомъ принуждены были терпѣть отъ нихъ зло, и будучи учителями, отъ учениковъ своихъ побѣды? Не въ недавнія ли времена видѣли мы тому примѣры? А какъ вещественная война во многихъ обстоятельствахъ подобна духовной, о которой теперь

мы разсуждаемъ, такъ и сіе обстоятельство оной войны весьма удобно сравнено быть можетъ съ такимъ же обстоятельствомъ духовной. Я, разсматривая дальнѣйшія оной произшествія, нахожу все тоже самое; почему безъ дальняго труда могу извлечь нужныя къ тому правила, какимъ образомъ должно поступать, естьли случится на примѣръ какою нибудь страстью намъ побѣжденнымъ быть.

И такъ когда случится такая неудача, то совѣтовалъ бы я поступать слѣдующимъ образомъ:

Вопервыхъ, по претерпѣніи побѣды войти въ самихъ себя и устыдиться своей слабости и малодушія. Сей стыдъ стараться всѣми образами умножать и увеличивать изыскиваніемъ всякихъ словъ, могущихъ привесть насъ къ устыженію; для того что самое сіе будетъ намъ побужденіемъ впредь къ исправленію своей погрѣшности и къ отмщенію своей обиды

хра-

храбрѣйшимъ подвигомъ. Извинять же себя отнюдь и ни подъ какимъ видомъ и ничѣмъ не надобно, для того что сіе произведетъ худыя дѣйствія и насъ впредь сдѣлаетъ еще слабѣйшими. Чего ради надобно въ семъ случаѣ надъ собою быть весьма строгимъ судіею.

Вовторыхъ, надобно возбудить въ себѣ гнѣвъ и досаду на своего непріятеля, дабы чрезъ то поострить себя къ лучшему и храбрѣйшему впредь съ нимъ сраженію. Гнѣвъ въ семъ случаѣ будетъ не только невиненъ, но и хвалы достоинъ. И этотъ одинъ только случай, гдѣ мы его съ пользою употреблять можемъ. „Добро, быть тому такъ, надобно намъ „о своемъ непріятелѣ говорить. Теперь удалось тебѣ меня побѣдить, „но впредь уже я не такъ съ тобою „поступлю. — Уже не дамъ себя „провесть и обмануть, и посмотримъ, „кто у насъ кого переможетъ, ты „ли, или я.„ И такъ далѣе.

Втретьихъ, припомнить всѣ бывшія при сраженіи обстоятельства и наитончайшимъ образомъ примѣчать и разсматривать, что подало ему болѣе поводъ къ побѣдѣ надъ нами, чѣмъ въ особливости непріятель насъ болѣе прельщалъ, и чѣмъ наисильнѣе дѣйствовалъ, которое оружіе его, или прельщеніе, было для насъ язвительнѣе и жесточае, то есть мысль ли какая, предметъ ли какой, слова ли какія, или иное дѣйствіе котораго нибудь чувства? или что наиболѣе какъ ко всему тому нещастному сраженію, такъ и къ пораженію нашему случай подало, и какія иныя страсти той, съ которою мы сражались, вспомоществовали? Чрезъ таковыя и подобныя тому разсматриванія легко можемъ мы усмотрѣть и узнать хитрость нашего непріятеля и порядокъ, которой употреблять на сраженіяхъ имѣетъ онъ обыкновеніе. Что таковыя разсматриванія не инако, какъ крайнѣ полезны быть могутъ, о томъ не для чего мнѣ сказывать; ибо кто не можетъ самъ заключить, что примѣ-

мѣтивъ, что такое насъ наиболѣе убѣдило то дурное дѣло сдѣлать и дать себя побѣдить, впредь того наиболѣе можемъ уже остерегаться?

Вчетвертыхъ, равномѣрнымъ, или еще точнѣйшимъ и безпристрастнѣйшимъ образомъ надобно, напоминая все происходившее, разсматривать и всѣ собственные свои поступки и поведенія, и стараться усмотрѣть всѣ сдѣланныя нами при томъ упущенія и погрѣшности, а именно: всѣ ли нужныя и выше сего упомянутыя предосторожности мы употребили, такимъ ли порядкомъ дрались, какъ надобно, не сдѣлалиль какого проступка и не упустилиль чего нужнаго изъ оплошности и нераченія, не споспѣшествовалиль сами и чѣмъ именно къ полученію непріятелемъ надъ нами побѣды, недостатокъ ли нашей храбрости, или оскудѣніе въ снарядахъ, или непризваніе помощниковъ къ себѣ на вспоможеніе, подало болѣе къ тому поводъ, и что именно худаго при томъ мы сдѣлали и въ чемъ проступились?

Однимъ словомъ, намъ надобно всѣ свои дѣла наистрожайшимъ образомъ разсматривать, и открывъ свои погрѣшности, оныя замѣтивъ, затвердить въ памяти и положить впредь имѣть лучшую осторожность и употребить то, что теперь упущено было, на примѣръ: ежели недостатокъ былъ въ храбрости, то положить впредь драться мужественнѣе; ежели упущено время, такъ положить быть поспѣшнѣе и не дать непріятелю себя уже обмануть и захватить прежде себя мѣсто; ежели канонада худо дѣйствовала, то снабдить себя лучшими орудіями, то есть запастись лучшими низлагательными и побудительными мыслями; естьли непризваніе никакого помощника, то положить впредь неотмѣнно и заблаговременно призвать; ежели оной худо дѣйствовалъ и мало помогъ, такъ стало, что онъ еще малъ, либо худо нами возбужденъ былъ: въ такомъ случаѣ положить впредь его болѣе увеличить и возбуждать живѣе и лучше по предписаннымъ правиламъ, и такъ далѣе.

Есть-

Естьлижъ окажется, что никакихъ дальнихъ погрѣшностей дѣлано не было, но за недостаткомъ силъ не можно было надъ тѣмъ непріятелемъ усилиться: то сіе докажетъ, что онъ еще слишкомъ силенъ; а изъ того послѣдуетъ само собою, что съ такимъ непріятелемъ впредь надобно обходиться гораздо осторожнѣе и болѣе остерегаться, чтобъ ему чѣмъ нибудь не подать поводу къ приближенію. Напротивъ того къ продолженію его сна изыскивать всѣ способы, а между тѣмъ продолжать усильнѣе низлагать его политическимъ образомъ, по тѣмъ правиламъ, какія сообщилъ я прежде, а особливо вымышлять какъ можно болѣе низлагательныхъ и такихъ мыслей, которыя ему противны. Отъ сраженіяжъ возможнѣйшимъ образомъ удаляться и безъ самой необходимости въ оное не входить. Когдажъ велитъ необходимость, тогда усерднѣе уже мѣсто у него сначала захватить стараться и прогонять самыя его передовыя войска; а и въ схваткѣ не жалѣть уже своей

 силы,

силы, но драться до послѣдней возможности.

Вотъ чрезъ что можемъ мы уничтожить всѣ могущія происшечь намъ отъ побѣды надъ нами предосужденія, а непріятелямъ выгоды: но сіе вкупѣ сдѣлаетъ насъ нечувствительно способнѣйшими впредь къ сраженію и къ побѣжденію нашихъ непріятелей; а вторая схватка и докажетъ въ самомъ дѣлѣ всю могущую происшечь отъ того выгоду. Ибо какъ и однимъ хотя неудачнымъ для насъ сраженіемъ у непріятеля много пособьется спѣси и онъ далеко уже не такъ силенъ будетъ во второй разъ, то хотябъ мы и столько стали драться, какъ прежде, такъ уже легче побѣду получить можемъ. Ежели же получше осторожность во всемъ возьмемъ и проворнѣе поступимъ, то и гораздо способнѣе уже побѣдить можемъ. Въ третій же разъ побѣдить намъ его уже и гораздо легче будетъ, а въ четвертой и того легче, такъ какъ я уже прежде сіе говорилъ.

Симъ

Симъ образомъ, мало помалу сражаясь и одолѣвая наши главныя и сильнѣйшія страсти, можемъ мы наконецъ всѣ, или по крайней мѣрѣ большую часть изъ нихъ такъ низложить, что онѣ намъ далеко не будутъ уже столь вредительны. Когда же до того доведемъ, такъ не трудно уже будетъ и всѣ ихъ себѣ поработить и подвергнуть своему игу и повелительству, и сдѣлаться надъ самими собою господами. Тогда можно сказать, что мы возвратимъ законной престолъ нашему разуму и произволу, и блаженъ человѣкъ, кто до того себя довесть можетъ! Ибо такое состояніе уже такъ близко отъ истиннаго благополучія, что можетъ высокою степенью онаго почесться, и человѣку тому нужно только самому умѣть имъ пользоваться, и вошедъ въ храмъ онаго, онымъ наслаждаться.

Вотъ все описаніе душевной нашей войны и изъясненіе касающихся до оной обстоятельствъ, или тѣ способы къ безпосредственному одолѣва-

ванію страстей, которые мы съ своей стороны при исправленіи нашемъ употреблять должны и можемъ. Можно бы мнѣ еще гораздо больше о семъ пунктѣ говорить, но я знаю, что и такъ уже наскучилъ вамъ, дорогой читатель, своимъ пространствомъ. Теперь время мнѣ приближиться къ окончанію сего противъ чаянія моего увеличившагося разсужденія, и попросить васъ, чтобъ вы мнѣ сіе отпустили. Усердіе къ пользѣ моихъ сочеловѣковъ и любовь къ ближнему меня завела въ оное; она внушилабъ мнѣ и того больше, естьлибъ не вспомнилось мнѣ теперь, что сіе сочиненіе совсѣмъ не на тотъ конецъ, а на другой назначено, и что о семъ говорю я только вскользь и мимоходомъ.

И такъ надобно мнѣ поспѣшить къ главному моему предмету и говорить о средствахъ къ снисканію благополучія. Однако чтобъ отъ поспѣшности не сдѣлать сего разсужденія безъ окончанія и чрезъ то несовершеннымъ, то необходимость велитъ

мнѣ

мнѣ еще слова два, или три вамъ сказать.

Окончаніе мое состоитъ въ томъ, что мнѣ хочется теперь васъ, любезной читатель, спросить, какого бы вы объ описанной мною духовной войнѣ и о предложенныхъ мною способахъ къ исправленію нашему мнѣнія были?... Охотно бы хотѣлъ я отъ васъ сіе слышать. Но какъ сіе можетъ быть вамъ учинить не можно, то отвѣдаю, не отгадаю ли я вашихъ мыслей.

Мнѣ кажется, что вы, прочитавъ сіе, скажете:,, Да! нагорожено и ,, напутано довольно; есть много натуральнаго и похожаго на правду, ,,а много и такого, о чемъ Богъ знаетъ, ,, какъ судить. Правда, съ мыслей и ,, вр... пошлины не берутъ, а умствовать никому не запрещено. И такъ ,, говорить и растабарывать все можно, но дѣло ли, или не дѣло, что ,, до того нужды .... Да пускай ,,(скажете можетъ быть вы далѣе) ,, и сіе бы было дѣло и ничего бы пу-

,, ста-

„стаго въ томъ не находилось, но „есть ли, не только сама, но хотя „одинъ видъ возможности, чтобъ „человѣку всѣ такія затѣи и вздоры „въ дѣйство въ самомъ дѣлѣ произ„водить и всѣ предписанныя прави„ла въ точности наблюдать было „можно? Чего это будетъ стоить, „естьли во всѣ такія мѣлочи, какія „описаны, весь свой вѣкъ углубляться „и все то исполнять, что прочесть „иному на недѣлю будетъ? Нѣтъ, го„сударь мой (окончите вы), не мож„но сему быть, и изъ тысячи не най„дется одинъ, ктобъ такимъ героемъ „похотѣлъ дѣлаться, каковымъ вы „всякому быть совѣтуете. И вы не „пользу, а только то сдѣлали, что „многіе, однимъ чтеніемъ наскучивъ, „сей войны испугаются и бѣгать „какъ огня станутъ.„

Вотъ, что я о вашихъ мысляхъ думаю. Теперь не знаю, угадалъ ли я, или не угадалъ, и выгоднѣе ли, или еще хуже вы о трудѣ моемъ судить будете. Но какъ бы то ни было, но

въ

въ томъ я несомнителенъ, что вамъ многочисленность предписанныхъ правилъ, а того болѣе сопряженныя съ наблюденіемъ оныхъ безчисленныя хлопоты, также многоразличность обстоятельствъ сей войны, вѣрно не полюбятся, и вы можетъ быть хотѣлибъ, чтобъ средства къ исправленію нашему не таковы были трудны и не съ столь многими хлопотами сопряжены. Но что, государь мой, дѣлать, когда не въ состояніи нахожусь въ угожденіе вамъ перемѣнить состояніе натуры и исправить поврежденіе въ душѣ нашей, дабы чрезъ то облегчить вамъ средства къ исправленію. Не отъ меня уже душа наша такова, какова есть, и не я тому виноватъ, что столь много хлопотъ требуется, естьли мы хотимъ одни и сами собою себя исправить. Моя вина въ томъ развѣ состоитъ, что я говорилъ истинную правду и не хотѣлъ въ важнѣйшей для человѣковъ вещи схватить по примѣру прочихъ однѣ только верьхушки, но для пользы оныхъ, не взирая, угодно ли имъ то, или неуго-

угодно будетъ, изъяснить имъ все въ такой подробности, сколько мнѣ было можно, дабы чрезъ то объяснить имъ и доказать слѣдующія вещи:

Вопервыхъ, что исправлять себя и страсти преодолѣвать для человѣка есть дѣйствительная возможность, и что исправленіе зависитъ отъ собственнаго его хотѣнія, усердія и прилѣжности.

Вовторыхъ, какой путь и какіе способы показуетъ намъ къ тому собственно нашъ разумъ, то есть какимъ образомъ должно оно начинаемо и производимо быть съ нашей стороны.

Втретьихъ, съ сколь многими хлопотами сопряжено сіе исправленіе, то есть, сколь многія требуются къ тому особливости и такія вещи, о которыхъ множайшіе люди всего меньше знаютъ и помышляютъ.

Вче-

Вчетвертыхъ, что отъ самаго того и проистекаетъ, что большая часть людей живутъ весь свой вѣкъ въ порабощеніи у страстей и никогда не помышляютъ освободиться изъ подъ ихъ ига, и что и сотая изъ нихъ часть о томъ надлежащимъ образомъ не старается, а другіе хотя и стараются, но не имѣютъ въ томъ вожделѣннаго успѣха.

Впятыхъ, что сіе послѣднее происходитъ болѣе отъ того, что они, не смотря на все свое усердіе, принимаются за сіе дѣло и производятъ оное не такъ, какъ надобно, и воюютъ съ хитрыми своими непріятелями, то есть съ страстями, по просту безъ затѣй, и стараются только одолѣть ихъ своею силою; но отъ того во весь свой вѣкъ съ ними сладить и ихъ преодолѣть не могутъ. Но чему инако и быть не можно; потому что силы наши однѣ далеко къ тому недостаточны, чтобъ могли устоять противъ жестокости и наглости страстей нашихъ, которыя не столько

силою,

силою, сколько хитростью, уменьемъ и искусствомъ одолеваемы быть могутъ.

Вшестыхъ наконецъ, что не смотря на все знаніе потребныхъ къ тому способовъ, однихъ силъ нашихъ никогда не достанетъ къ наблюденію всехъ предписанныхъ правилъ и къ совершенному преодоленію всехъ страстей нашихъ; ибо какъ по нещастію страсти наши многочисленны и слишкомъ въ насъ усилились, а притомъ многія изъ нихъ такъ сокровенны, что мы ихъ никоимъ образомъ усмотреть и коварство ихъ проникнуть не можемъ, и чрезъ то злейшихъ своихъ непріятелей не инако, какъ вернейшими друзьями почитаемъ: то сіи станутъ во всякое время намъ мешать и стараться какъ не допустить насъ до помянутаго полезнаго подвига, такъ, хотябъ мы и предпріяли оной, предполагать намъ всякой часъ тайныя препоны и разрушать наилучшія наши намеренія; также не допускать до наблюденія всехъ нужныхъ

ныхъ къ тому правилъ и до достиженія до намѣреннаго конца. Почему сколькобъ мы ни трудились, но на всѣ свои труды не смотря, не великія выгоды получимъ надъ своими злодѣями; ибо они по хитрости своей не упустятъ во всякое время стараться не допустить до того, чтобъ мы полученными надъ ними побѣдами могли много пользоваться, и претерпя съ одной стороны вредъ, не преминутъ тотчасъ опять наградить тайнымъ вооруженіемъ другихъ и нами позабытыхъ страстей, и чрезъ помощь ихъ опять овладѣть нами. Изъ чего и проистекаетъ то досадное слѣдствіе, что корень сихъ враговъ не истребимъ, и намъ не можно имѣть довольно отъ нихъ предосторожностей не только во всякое, но и въ самое то время, когда намъ по щастію удастся овладѣть уже самими собою и взять верьхъ надъ всѣми страстями. Однимъ словомъ, намъ, и побѣдя оныхъ, еще больше надобно имѣть попеченія, чтобъ сохранить плоды, пріобрѣтенные толь многими трудами.

вЪ противномЪ случаѣ вЪ одинЪ мигЪ, и прежде нежели мы думаемЪ, можетЪ опровержено быть все наше владычество и мы низринуты опять вЪ неволю и рабство, такЪ какЪ я о томЪ уже прежде упомянулЪ.

ВотЪ что намѣренЪ былЪ я изобразить вЪ семЪ пространнымЪ моимЪ изЪясненіемЪ способовЪ кЪ исправленію, и вЪ томЪ собственно, а не вЪ иномЪ чемЪ состоитЪ вся вина моя, естьли то виною почесть можно.

Теперь, приближаясь кЪ окончанію, скажу, что когда находимся мы вЪ такихЪ обстоятельствахЪ; когда страсти наши слишкомЪ многочисленны и хитры; когда однихЪ собственныхЪ силЪ нашихЪ недостаточно кЪ совершенному одолѣнію оныхЪ; когда сіе одолѣваніе сопряжено сЪ столь многими затрудненіями и хлопотами, и когда во всемЪ томЪ не можно ожидать и надѣяться хорошаго успѣха, а исправленіе необходимо нужно и надо-

добно: то не слѣдуетъ ли изъ того само собою, что намъ необходимо надобно помышлять о какомъ нибудь себѣ вспоможеніи, посредствомъ котораго можнобъ намъ было какъ страсти свои и скорѣе одолѣвать, такъ и послѣ отъ нихъ быть въ безопаснѣйшемъ состояніи.

Естьли спросите теперь меня, гдѣжъ намъ такое вспоможеніе взять и есть ли способъ оное получить, то скажу, что конечно есть, и есть гдѣ не только взять, но никому оно не возбранено. Я не сомнѣваюсь, что вы уже догадываетесь, къ чему привожу я рѣчь и о какомъ вспоможеніи говорить хочу. Такъ, государь мой, вы не погрѣшаете въ мысляхъ, естьли думаете, что я хочу говорить о вспоможеніи Божескомъ. Объ немъ точно я теперь вскользь упомянуть хочу, и тѣмъ окончить сіе мое разсужденіе.

Сіе неоцѣненное вспоможеніе Божеское есть то, посредствомъ котораго мы всѣ помянутыя затрудненія

себѣ несказанно облегчить и страсти свои одолѣвать несравненно скорѣе и легче можемъ. Оно только въ состоянiи возвратить намъ наше господствiе и сдѣлать насъ побѣдителями страстей и скорѣе, нежели мы думать можемъ, а сверьхъ того и послѣ быть подпорою нашему владычеству. Тысячи хлопотъ избавимся мы, какъ скоро къ нему возьмемъ свое прибѣжище, и далеко не будемъ имѣть нужды толь въ многихъ сраженiяхъ, естьли имъ вооружимся. Оно непрiятелямъ нашимъ такъ страшно, что они и одного вида его боятся. Одна мысль о Богѣ въ состоянiи прогнать цѣлую толпу негодныхъ, или войскъ непрiятельскихъ, какъ скоро она заблаговременно употребится и прямо оживлена будетъ; и самой сильной злодѣй принужденъ стремглавъ бѣжать со всею своею армiею отъ малаго количества воиновъ, когда увидитъ ихъ облеченныхъ въ броню Божiю. Самая практика намъ сiе, а вкупѣ и то доказываетъ, коль сильно, чудесно, неоцѣненно и дѣйствительно

вспоможеніе Всевышняго; а изъ того и проистекаетъ четвертоенадесять и послѣднее, но всѣхъ прочихъ важнѣйшее правило слѣдующаго содержанія:

14. Какъ при началѣ своего исправленія, такъ и во время онаго, а особливо при самомъ одолѣваніи страстей, призывай всегда на помощь себѣ Творца своего и Бога, и безсомнѣнно вѣрь, что Онъ тебѣ поможетъ.

Правило сіе какъ ни удобопонятно, однако требуетъ необходимаго объясненія. Я сказалъ уже, что оно всѣхъ прочихъ важнѣе, а теперь, тоже повторивъ, скажу, что безъ сего всѣ прочія будутъ недѣйствительны, чему и причину изъяснилъ я уже выше. И такъ буде вамъ, дорогой читатель, мило ваше истинное благополучіе; буде не хотите вы лишиться блаженства, предуготовленнаго въ будущей жизни, а и въ нынѣшней наслаждаться предвкушеніемъ онаго, и буде для самаго того пожелаете приступить прямо къ своему исправле-

нію и похвальное намѣреніе и отвагу примете вооружиться противъ страстей и освободить себя наконецъ изъ подъ ига и рабства оныхъ, и сбросивъ оковы, сложить съ себя поносное имя ихъ раба и невольника: то не предпринимайте сего дѣла, не призвавъ Бога и Творца своего себѣ въ помощь, не отриньте въ семъ случаѣ вамъ истинной пользы желающаго и правду говорящаго человѣка, а того важнѣе повелѣнія и приглашенія къ тому васъ самаго онаго васъ любящаго и всегда защищать и помогать съ радостію вамъ хотящаго и помочь всего лучше могущаго Бога, не отвращайте вашего слуха отъ сихъ словъ, можетъ быть не по вкусу вашему писанныхъ, не ставьте то себѣ въ безчестіе, чтобъ читать и говорить о семъ Высочайшемъ Существѣ, и не думайте вправду тѣмъ себя опозорить, остыдить и обезчестить, что вы объ Немъ помнить, говорить и помышлять будете. Стыдъ ли то и безчестіе, что помышлять и усердствовать къ тому, кто насъ создалъ, и

и отъ котораго самое дыханіе зависитъ, и у коего въ безпредѣльной власти все наше злополучіе и благополучіе? Знаю, что времена наши уже таковы, что ничѣмъ такъ себя опозорить не можно, какъ симъ; но, государь мой, я спрошу только васъ, естьлибъ вошла такая мода, чтобъ люди стали для угожденія свѣту бѣгать въ рѣку и топиться, или себѣ глаза выкалывать, сочлиль бы вы себя обязанными подражать тому, и сталибъ ли вы тоже и только для того дѣлать, чтобъ вамъ люди не смѣялись? Естьли нѣтъ, и естьли смѣхъ ихъ въ семъ случаѣ былъ бы неваженъ, такъ не уважайтежъ его и въ давишнемъ случаѣ. — Естьли прямо разсудить, то господствующая нынѣ мода для угожденія свѣту погублять себя невозвратно и съ тѣломъ и душею гораздо еще хуже обѣихъ преждепомянутыхъ. Не правду ли я говорю, и не признаетесь ли вы въ томъ сами? Подумайте только безпристрастно. Естьли такъ, то разсудите, что важнѣе? Ничтожной ли и глупой

смѣхъ безразсудныхъ, самихъ себя позабывшихъ и ничѣмъ вамъ помочь не могущихъ людей, или собственная ваша и истинная польза, а того важнѣе похвала отъ самаго того, которой владѣетъ міромъ? И стоитъ ли того, чтобъ въ угодность тѣмъ позабыть совсѣмъ сего и не смѣть объ Немъ промолвить слова и подумать? — Ахъ, государь мой! изключите себя изъ числа людей, сему подобныхъ, и выслушайте безъ презрѣнія то, что я теперь о вспоможеніи Его говорить буду.

Божеское вспоможеніе при исправленіи нашемъ такъ намъ нужно и необходимо надобно, что я довольно того изобразить не могу. Но чтобъ вамъ можно было онымъ пользоваться, то надобно мнѣ хотя вскользь вамъ разсказать, въ чемъ оно собственно и наиболѣе состоитъ, и что съ нашей стороны къ тому требуется.

И такъ вѣдайте, что дѣлаемое намъ отъ Бога вспоможеніе есть многоразличное, и Всевышній по безконечной премудрости, власти и человѣколюбію

любію своему помогаетъ намъ исправлять себя разными и сколько намъ извѣстными, столько и неизвѣстными образами. Вообщежъ можно раздѣлить Его вспоможеніе на посредственное и безпосредственное. Первое, то есть посредственное, дѣлаетъ Онъ намъ и по нашей и безъ нашей прозьбы; и сіе составляетъ примѣчанія достойное Его о пользѣ человѣковъ попеченіе, и самое то, что мы говоримъ, что Онъ старается насъ возводить на истинной путь. Второежъ и безпосредственное низпосылаетъ Онъ намъ наиболѣе по нашей только прозьбѣ и подъ условіемъ послѣдованія Христіянскому закону. Но чтобъ вы могли лучше усмотрѣть, то надобно мнѣ объ обоихъ сихъ родахъ вспоможенія нѣсколько словъ въ особливости вамъ сказать.

И такъ, что касается до посредственнаго вспоможенія Божескаго, то оно состоитъ въ слѣдующемъ:

Вопервыхъ, старается Онъ намъ помогать въ исправленіи нашемъ, преподавая намъ непостижимыми своими путями и распоряженіями обстоятельствъ всякіе и совсѣмъ неожидаемые поводы и случаи къ слушанію и чтенію такихъ книгъ и матерій, также къ такимъ разговорамъ, которые насъ могутъ приводить въ чувство и въ самихъ себя, и побудить къ предпріятію самихъ себя исправить.

Вовторыхъ, старается Онъ намъ разными образами преподавать случаи къ производству добродѣтелей и Ему угодныхъ дѣлъ, и чрезъ то къ возбужденію и увеличиванію хорошихъ нашихъ склонностей, что, какъ изъ преждеупомянутаго мною видно, необходимо къ исправленію нашему надобно.

Втретьихъ, прислучающихся намъ случаяхъ къ производству худыхъ и противныхъ Ему дѣлъ возбуждаетъ иногда нашу совѣсть, и посредствомъ оной напоминаетъ намъ, что это худо

до и ненадобно, и тѣмъ побуждаетъ къ преодоленію оныхъ, и чтобъ мы остереглись и того не дѣлали. Разныя случающіяся намъ отъ другихъ людей увѣщеванія и совѣты можно причислить къ такимъ же тайнымъ Божескимъ и неисповѣдимымъ о насъ попеченіямъ.

Вчетвертыхъ и всего обыкновеннѣе, старается Онъ побудить насъ къ собственному самихъ себя исправленію разными отчасти ожидаемыми, отчасти неожидаемыми щастливыми длянасъ случаями и низпосланіемъ намъ въ сей жизни разныхъ благополучій и такъ называемаго щастія, какъ на примѣръ: неожидаемыми прибытками, честью, избавленіемъ отъ опасностей и прочимъ тому подобнымъ. Ибо какъ всякое добро единственно Его даяніемъ почесть можно, то хочетъ Онъ, чтобъ мы сіе помня, къ истинной къ Нему и не въ одніхъ словахъ состоящей и такой благодарности прилѣжали, о которой сердце ничего не знаетъ, и чтобъ чувствовали мы то въ своемъ

сердцѣ

сердцѣ и старались Ему ничѣмъ инымъ возблагодарить, какъ лучшимъ исполненіемъ Его воли, съ чемъ необходимо уже сопряжено самихъ себя исправленіе. Но чтобъ лучше можно было намъ сіе въ дѣйство произвесть, то сдѣлалъ Онъ и тому особливое предуготовленіе, состоящее въ томъ, что въ самое время, когда случаются такіе щастливые и радостные случаи, возбуждаются сами собою всѣ наши хорошія склонности и приходятъ на короткое время въ природную свою и надобную величину, такъ что разуму и произволу нашему стоитъ тогда только похотѣть вступить на свой престолъ, и онѣбъ могли свободнѣе занять и удержать оной, естьлибъ только мы похотѣли и не упускалибъ сего удобнаго случая; а напротивъ того сами опять, тотчасъ выложивъ все изъ головы, оныя хорошія склонности въ себѣ не угнѣтали, и не принудивъ ихъ заснуть, въ прежнее рабство страстямъ не поддавались, а иногда вмѣсто благодарности къ Богу еще хуждшими

и

и предъ прежнимъ злѣйшими ему ослушниками неделались; но чему уже не Онъ, а сами мы виноваты, и за то едва ли не будемъ отвѣтствовать.

Впятыхъ наконецъ, тѣхъ, въ разсужденіи которыхъ добро не успѣваетъ, старается Онъ доводить до того же конца иными уже и намъ непріятнѣйшими средствами, а именно: попущеніемъ разныхъ нещастій, бѣдъ, напастей и болѣзней. Въ семъ случаѣ сдѣлано также предуготовленіе, состоящее въ томъ, что сама натура наша такъ устроена, что всякая почти печаль низлагаетъ на время всю величину нашихъ пристрастій, приводитъ насъ въ чувство и въ самихъ себя, и дѣлаетъ насъ на нѣсколько времени способными къ начинанію съ хорошимъ успѣхомъ. Великое дѣло нашего исправленія! Но какъ о семъ я впереди въ послѣдствіи сей книги подробнѣе говорить буду, то теперь говорить о томъ оставляю.

Сіи

Сіи суть наиизвѣстнѣйшіе и обыкновеннѣйшіе роды Божескаго къ исправленію нашему поспѣшествованія. Но и кромѣ того есть безчисленные способы, которыми любящее насъ Всевысочайшее Существо изъ сожалѣнія и милосердія своего о нашемъ заблужденіи неисповѣдимыми своими судьбами намъ тайно помогать и насъ на истинной путь возводить и безъ прозьбы нашей старается.

Чтожъ касается до втораго рода, или до безпосредственнаго вспоможенія, дѣлаемаго намъ Богомъ, то оно состоитъ въ томъ, что Онъ тайнымъ, невидимымъ и для насъ непримѣтнымъ образомъ подкрѣпляетъ нашъ произволъ при одолѣваніи нашихъ страстей, и чрезъ то дѣлаетъ насъ способнѣйшими къ побѣжденію оныхъ. Какимъ образомъ сіе Онъ производитъ, до того мы разумомъ дойти не можемъ, но довольно, что Онъ сіе дѣлаетъ и мы о вспоможеніи Его не можемъ сомнѣваться, когда причину имѣемъ иногда сами себѣ дивиться и не понимать,

какимъ образомъ при призваніи Его на помощь въ состояніи мы бываемъ такъ скоро и удачно иныя страсти побѣдить, которыя прежде одолѣть не было никакого способа и возможности; и не можемъ инако, какъ приписывать то всемогущему Его вспоможенію. Священное писаніе и ученіе Христіянскаго закона открываетъ намъ нѣчто о семъ болѣе; но о томъ говорить не принадлежитъ до моей должности, а довольно, когда скажу, что сіе вспоможеніе предполагаетъ не только уже нашу о томъ прозьбу, но и послѣдованіе Христіянскому закону.

Изъ всего вышеписаннаго означается уже само собою, что Богъ хотя исправленію нашему съ своей стороны и много спосиѣшествуетъ, да и дѣйствительно помогаетъ, однако не дѣлаетъ намъ притомъ ни малѣйшаго насилія, но все свое вспоможеніе распоряжаетъ такъ, чтобъ произволъ нашъ остался при полномъ своемъ дѣйствіи, и чтобъ польза, могущая произойти отъ Его вспоможенія, зависѣла

отъ

отъ насъ и отъ употребленія нашего произвола, то есть похотимъ ли мы, или не похотимъ принять и пользоваться онымъ, какъ на примѣръ въ разсужденіи первыхъ: похотимъ ли мы преподаваемые намъ случаи къ слышанію, или чтенію приводящихъ насъ въ чувство матерій, употребить въ пользу, или мимо ушей пустимъ? Не упустимъ ли встрѣчающихся съ нами случаевъ къ добродѣтельнымъ дѣламъ втунѣ, и исполнимъ ли притомъ то, что Богу надобно, или уничтожимъ Его желаніе пропущеніемъ оныхъ? а въ случаяхъ къ исполненію худыхъ дѣлъ уважимъ ли напоминанія нашей совѣсти, или въ ничто сіе поставимъ? также при низпосылаемыхъ намъ отъ Бога всякихъ благополучныхъ случаяхъ; равно какъ при случающихся нещастіяхъ, сдѣлаемъ ли то, что надобно, и примемъ ли оныя за благо и употребимъ ли ихъ въ пользу, а не во вредъ? Когда учинимъ мы въ сихъ случаяхъ то, что надобно, и не пропустимъ сихъ посредственныхъ Божескихъ къ исправленію нашему поспѣшествованій тщетно,

тщетно, то Ему сіе будетъ мило и пріятно, и Онъ не преминетъ намъ далѣе помогать какъ преподаваніемъ впредь такихъ же, но удобнѣйшихъ и намъ пріятнѣйшихъ случаевъ, такъ и безпосредственнымъ вспоможеніемъ, естьли мы о томъ Его надлежащимъ образомъ просить будемъ, а сверьхъ того насъ за то еще и наградитъ. Когда же мы того не учинимъ, то натурально не можемъ уже тѣмъ пользоваться, но сіе послужитъ въ вящшее потомъ намъ обвиненіе, и произведетъ то, что мы не можемъ никоимъ образомъ оправдаться; ибо въ семъ случаѣ скажутъ намъ, что мы и имѣли вожделѣнный случай, поводы и всѣ возможности, но не хотѣли того и единственно для своенравія своего дѣлать. Насильно же Богу насъ исправить и къ добру принудить безъ особливыхъ и важныхъ причинъ никакъ не можно; потому что въ семъ случаѣ не можно бы было уже насъ за то ему наградить; ибо добрыя наши дѣла былибъ уже принужденныя и не отъ насъ происходящія.

Но когда и въ разсужденіи посредственнаго поспѣшествованія требуетъ Онъ неотмѣнно нашего хотѣнія и дѣйствіе произвола, то кольми паче не можетъ Онъ учинить безпосредственнаго вспоможенія, естьли мы сами о томъ стараться и онаго искать не станемъ. Къ сему требуется двоякое уже употребленіе нашего произвола: вопервыхъ, чтобъ мы Его о томъ просили и молили; вовторыхъ, чтобъ мы сами учинили не только начало, но и послѣ по мѣрѣ силъ своихъ съ своей стороны дѣлали тому поспѣшествованіе, и не на одного Его въ семъ случаѣ надѣялись, но трудились бы и сами неоплошно, а довольствовались бы только тѣмъ, что Онъ труды наши благословитъ и силы наши невидимымъ вспоможеніемъ такъ подкрѣплять будетъ, что мы съ сею сильною помощію скорѣе и легче страсти свои побѣдить и хорошія склонности въ себѣ возбудить и увеличить можемъ, и къ тому далеко столь много трудовъ предпринимать

не будемъ имѣть нужды, какіе бы въ противномъ случаѣ были надобны.

Вотъ все, что надобно знать объ обстоятельствахъ, сопряженныхъ съ симъ Божескимъ вспоможеніемъ. Въ сходствіе чего буде хотите себѣ пользы, то исполняйте всегда, любезной читатель, помянутыя весьма важныя условія, то есть примите прямое и усердное прибѣжище къ своему Создателю и Богу, просите Его, чтобъ Онъ васъ научилъ и помогъ самъ вамъ самихъ себя исправить и побѣдить господствующія въ васъ страсти, и употребилъ бы къ тому такія средства, какія угодны будутъ Его святой волѣ; признавайтесь въ своей слабости и ожидайте отъ Него единаго себѣ вспоможенія. Таковая ваша молитва и ожиданіе не останется никогда втунѣ и не пропадетъ тщетно. Таковыя прозьбы Ему пріятнѣе всѣхъ прочихъ; Онъ никогда ихъ не позабудетъ, но напомнитъ и не преминетъ исполнить оныя, естьли вы сами опять вспоможеніе Его

отъ себя не отринете и не уничтожите, то есть, естьли вы при одной сей прозьбѣ останетесь и сами къ дѣлу приступить и начало учинить не похотите.

И такъ для самаго вашего благополучія не упускайте никакихъ случаевъ ни къ чтенію, ни къ слушанію, ни къ разговорамъ о нравоучительныхъ, важныхъ и такихъ матеріяхъ, которыя васъ въ чувство привесть могутъ. Ловите сіи минуты, и сочтя ихъ низпосланными отъ Бога и первыми начатками Его вспоможенія, примите ихъ съ благодарностію и употребите въ пользу, то есть не забывайте ихъ скоро, но принудьте себя къ дальнѣйшему объ нихъ и о собственномъ своемъ состояніи безпристрастному размышленію. Симъ сдѣлаете вы уже исправленію своему начало и на блаженной путь вступите ногою. Помогающему Богу будетъ сіе чрезвычайно пріятно; а естьли хотите Ему еще болѣе сдѣлать удовольствія, то, призвавъ Его въ помощь, от-

отвѣдайте, не можно ли вамъ въ самое то удобное время приступить къ помянутому прежде мною твердому и великому предпріятію, къ сопротивленію впредь всѣмъ страстямъ своимъ, или къ объявленію войны имъ, и начать по предписаннымъ правиламъ нѣкоторыя къ тому пріуготовленія. Всякая минута, препровожденная въ такихъ упражненіяхъ, будетъ Ему приносить новое удовольствіе, а вамъ готовить новую пользу и выгоду.

Случится же вамъ когда нечаянной и удобной случай къ производству какой нибудь добродѣтели, или окказія къ содѣланію какого нибудь хорошаго и угоднаго Богу дѣла, на примѣръ: къ вспоможенію бѣдному человѣку въ нуждѣ, къ прощенію кому нибудь сдѣланной вамъ обиды и озлобленія, и къ прочему тому подобному: то о коль пріятно будетъ Богу, естьли вы и сего не пропустите, но напомнивъ, что и этотъ случай низпосланъ вамъ отъ Бога, и оной съ благодареніемъ принявъ, и

попросивЪ Его, чтобЪ ОнЪ помогЪ сіе хорошее дѣло сдѣлать великодушно, на сей пріятной Ему подвигЪ отважитесь, и угнѣтя отвращающую васЪ отЪ того тайную страсть, себя принудите и то дѣло исполните! Всевидящій и вЪ самое то время присутствующій и васЪ видящій и на все произшествіе зрящій вашЪ Создатель крайнѣ будетЪ тѣмЪ доволенЪ и не преминетЪ вамЪ пособить и привесть то пріятное Ему и вами начатое дѣло кЪ окончанію, и вЪ начальное награжденіе за то того же часа напоитЪ душу вашу чистѣйшимЪ увеселеніемЪ, а для награжденія впредь достойнымЪ образомЪ и болѣе, нежели вы думаете, запишется сіе ваше дѣло вЪ животную книгу и никогда не забудется. Но хотябЪ и сего не было, такЪ не великая ли и не пріятная ли для васЪ и та будетЪ выгода, что вы удостоитесь сдѣлать чрезЪ то пріятное дѣло Тому, которой надЪ тѣломЪ вашимЪ и душею и надЪ всемЪ міромЪ совершенной властитель? Одно сіе можетЪ васЪ невѣ-

вѣдомо какъ преклонять къ хорошему и укрѣплять вашу силу. Отвѣдайте только сіе, вы сами то узнаете изъ собственнаго опыта. А такимъ производствомъ хорошаго дѣла сдѣлаете вы уже прекрасное подвигу своему начало и въ предпринимаемой съ страстьми войнѣ великую выгоду уже надъ непріятелемъ получите.

Случится же когда вамъ какой нибудь поводъ и удобной случай къ производству какого нибудь худаго дѣла и вдругъ почувствуете вы прежде исполненія онаго, что совѣсть вамъ равно какъ на ухо шепчетъ и поминаетъ, что это худо, что не надобно бы этого дѣлать: ахъ! не затыкайте слуха вашего отъ сего неоцѣненнаго гласа, но внушайте себѣ оной. Это гласъ самаго вашего присутствующаго подлѣ васъ и по прежней вашей прозьбѣ о васъ старающагося и отвести васъ отъ того хотящаго Бога и Создателя. Онъ, а не иной кто, напоминаетъ вамъ сіе посредствомъ совѣсти, и нетерпѣливо ждетъ,

чтобъ вы призвали Его на вспоможеніе и храбро на выдержаніе дѣлаемой въ самое то время отъ страстей атаки и нападенія, отважились и при помощи Его на прогнаніе сихъ атакующихъ васъ злодѣевъ пустились. Однимъ словомъ, вы встрѣтились тогда съ непріятелемъ, и онъ васъ уже атакуетъ и пускаетъ на васъ бомбы и ядры, а всесильный вашъ Помощникъ стоитъ подлѣ васъ и ожидаетъ только, чтобъ вы сраженіе съ нимъ зачали и Его на вспоможеніе пригласили, а не сдѣлались бы негоднымъ трусомъ и бѣглецомъ и тѣмъ сами надъ собою побѣды непріятелю не даровали. И коль пріятно будетъ Ему, естьли вы сего перваго случая безъ испытанія по крайней мѣрѣ своихъ силъ не пропустите, но какъ съ своей стороны всевозможныя и прежде предписанныя средства употребите, такъ и Его какъ при началѣ, такъ особливо во время сраженія и въ самое то время, когда примѣтите, что силъ вашихъ уже не достаетъ, усердное къ Нему возьмете прибѣжище и Его о вспоможеніи

женіи попросите. Ни въ которомъ случаѣ не любитъ Онъ такъ охотно и сильно помогать, какъ тогда, когда нѣтъ уже никакой надежды на иную постороннюю помощь. Вы не повѣрите и не прежде въ томъ удостовѣритесь, какъ узнавъ изъ собственнаго опыта, что въ такихъ случаяхъ одна мысль и одно почти слово въ состояніи невѣдомо какъ подкрѣпить наши силы и разсѣять, какъ вихремъ прахъ, всѣ непріятельскія войски, или прельщающія насъ и въ голову къ намъ тѣснящіяся негодныя мысли. Нужно только вамъ живо въ ту минуту вообразить, что Творецъ вашъ подлѣ васъ и васъ видитъ, и простеръ уже десницу вамъ помочь, буде только вы хотите. Нужно вамъ только вспомнить, что вамъ должно и можно теперь наипріятнѣйшее Ему дѣло сдѣлать, и что Ему крайнѣ будетъ мило, естьли вы великодушно прельщающее васъ увеселеніе презрите, помощь Его примете и съ нею храбро на непріятеля пуститесь; а напротивъ того крайнѣ будетъ неугод-

 но,

но, естьли вы ослабнете, оплошаете и обратитесь въ поносное бѣгство. Нужно вамъ, говорю, сіе и сему подобное тогда и какъ можно живѣе вообразить, какъ почувствуете въ себѣ тотчасъ равно какъ нѣкое одушевленіе: тогда не упускайте сего святаго душевнаго чувствія. Встрепенитесь, такъ сказать, духомъ и пуститесь храбро на непріятеля, сами въ себѣ закричавъ: „Прочь негодныя мисли! не хочу васъ слушать. Творецъ мой и воля Его „мнѣ всего дороже, а гнѣвъ Его страшнѣе! — Сдѣлаю Ему угодное и „пріятное дѣло, пересилю себя, „не хочу прогнѣвать Того, который мнѣ всякой часъ надобенъ." Потомъ обратитесь къ Нему и скажите: „Помоги Ты самъ, великій Боже! и награди недостатки силъ моихъ своею „всесильною помощію.„ И такъ далѣе. — Какую пользу вамъ все сіе принесетъ, о томъ узнаете вы, какъ скоро симъ образомъ поступить отвѣдаете. Довольно, когда скажу, что вы въ одинъ мигъ побѣду надъ непріятелемъ своимъ

имъ одержите и всѣ прельщающія васъ мысли разсыпать и сами собою овладѣть можете, естьли только не сдѣлаете опять тотчасъ какой погрѣшности и прогнаннымъ непріятелямъ по оплошности дадите время опять возвратиться и себя одолѣть. А какія выгоды вамъ отъ такой побѣды проистекутъ, о томъ не для чего мнѣ повторять; ибо я говорилъ о томъ прежде. Симъ средствомъ въ состояніи вы будете всякой разъ скоро съ непріятелями своими сдѣлываться и чрезъ то нечувствительно и гораздо прежде, нежели вы думали, знатною степенью себя исправите. Но не забывайте только за всякую такую одержанную надъ непріятелемъ побѣду приносить Помощнику своему должнаго благодаренія и приписывать Ему одному то въ честь и славу.

Случится ли же когда съ вами какое нечаянное щастливое произшествіе, то не пропускайте сего случая тщетно и безъ употребленія его въ пользу. Вспомните, что оно отъ Бога;

га; а сія мысль возбудитъ въ васъ къ Нему благодарность. Благодарите Его не одними словами, но и дѣломъ, то есть охотнѣйшимъ впредь усердіемъ о исполненіи Его воли и къ дѣланію угодныхъ Ему дѣлъ. Сіе благодареніе будетъ Ему пріятнѣе словесныхъ; однако и сихъ не надобно упускать. А чтобъ они могли дѣйствительнѣе быть, то напоминайте всѣ прежнія Его къ себѣ благодѣянія, и поступите притомъ по тому правилу, какое я послѣ во второй части сей книги въ разсужденіи сихъ случаевъ сообщу, и всемъ тѣмъ побудитесь болѣе къ своему исправленію и къ побѣжденію извѣстныхъ вамъ страстей, которымъ вы наиболѣе подвержены. Польза отъ того произойдетъ вамъ несказанная; ибо кромѣ прочаго побудите вы такими похвальными поступками и самаго Творца и Бога своего къ награжденію васъ впредь множайшими милостьми; ибо Онъ несказанно охотнѣе старается доводить людей до исправленія милостьми, нежели наказаніями, и хочетъ толь-

только того, чтобъ мы ихъ чувствовали и принимали съ истиннымъ благодареніемъ, а не презирали скорымъ забвеніемъ, или, того хуже, приписываніемъ всего щастія своего своимъ дарованіямъ, проискамъ и стараніямъ, позабывъ, что всѣ дарованія свои мы отъ Него получили; а происки и старанія наши моглибъ всегда уничтожены быть, естьлибъ только Онъ захотѣлъ.

Естьлижъ по неисповѣдимымъ Его судьбамъ угодно Ему будетъ наслать на васъ какую болѣзнь, или какое нещастное приключеніе, то бойтесь, и бойтесь всего болѣе въ семъ случаѣ роптать на вашего Создателя и досадовать, но паче знайте, что въ большой части случающихся съ нами нещастныхъ приключеній скрыты бываютъ неисповѣдимыя нами Божескія премудрыя и всего чаще къ пользѣ нашей клонящіяся намѣренія; и для того не съ ропщаніемъ, но съ благодареніемъ оныя принимайте и извлекайте изъ нихъ себѣ пользу. Какимъ

кимъ образомъ вамъ въ подробности въ такихъ случаяхъ поступать, о томъ не для чего мнѣ теперь говорить; потому что о семъ, какъ весьма много съ исканіемъ благополучія нашего сопряженномъ дѣлѣ буду я говорить довольно въ послѣдствіи сей книги.

Вотъ все, что хотѣлъ, любезной читатель, сказать о послѣднемъ и важнѣйшемъ изъ всѣхъ прочихъ правилъ. Теперь не знаю, угожу ли я вамъ, или нѣтъ, однимъ предпріятіемъ, а именно собраніемъ всѣхъ разбросанныхъ въ семъ разсужденіи правилъ вмѣстѣ и представленіемъ оныхъ въ сокращеннѣйшемъ видѣ вашему зрѣнію. Я сдѣлалъ сіе для того, чтобъ вы однимъ взглядомъ оныя обозрѣть и тѣмъ лучше оныя напомнить были въ состояніи. И такъ естьли хотите вы себя исправить, то

1. Старайтесь прежде всего узнать, какія въ васъ худыя склонности,

страсти и привычки есть и болѣе надъ вами господствуютъ.

2. Узнайте натуру и свойства страстей и всѣ ихъ выгоды и слабости.

3. Примите твердое намѣреніе освободить разумъ и произволъ вашъ изъ подъ ига и повелительства страстей.

4. Укрѣпите произволъ приличными ему упражненіями.

5. Запаситесь мыслями, способными противоборствовать страстямъ и уничтожать ихъ дѣйствія.

6. Увеличьте какъ можно болѣе хорошихъ склонностей, а особливо противныхъ вашимъ страстямъ.

7. Не возбуждайте въ себѣ сами худыхъ стремительствъ.

8. Разсматривайте основаніе и предметы всякаго худаго желанія и склонности безпристрастно.

9. Пользуйтесь слабостями страстей, а особливо продолжайте сонъ ихъ убѣганіемъ случаевъ, къ возбужденію оныхъ способныхъ.

10. Ловите первыя минуты, когда страсти возбуждаются, и пользуйтесь оными.

11. Примите однажды прямое намѣреніе противиться страстямъ.

12. Не поддавайтесь имъ при искушеніяхъ и противьтесь до послѣднихъ силъ.

13. Отъ худыхъ успѣховъ не ослабѣвайте.

14. Призывайте Бога себѣ на вспоможеніе и безъ Него не начинайте своего исправленія.

Симъ

Симъ окончу я сіе мое длинное, но послѣднее уже побочное разсужденіе. Естьли я наскучилъ онымъ вамъ, дорогой читатель, то отпустите мнѣ сіе; естьли не нашли вы въ немъ ничего полезнаго, такъ оставьте то другимъ, которые можетъ быть найдутъ что нибудь себѣ на пользу. Я по крайней мѣрѣ знаю и удостовѣренъ въ томъ, что пунктъ, касающійся до способовъ къ исправленію нашему, весьма важенъ и достоинъ уже вниманія тѣмъ паче, что мало такихъ книгъ, гдѣбъ говорено было о томъ въ подробности, но болѣе только твердится, что дѣлать и чего не дѣлать надобно; а какъ то дѣлать и какъ не дѣлать, о томъ мало упоминается, хотя сіе всего бы нужнѣе было. Сей недостатокъ старался я по мѣрѣ силъ моихъ и сколько мнѣ дозволяло мѣсто наградить тѣмъ паче, что сіе необходимо къ дальнѣйшему послѣдствію сей книги надобно. И какъ теперь сіе я уже исполнилъ и разсказалъ все, что вкратцѣ упомянуть какъ о возбужденіи хорошихъ,

такъ и о угнѣтеніи худыхъ нашихъ склонностей, находилъ за нужное, то приступлю къ главному моему предмету, или сообщенію подробныхъ средствъ и способовъ къ пріобрѣтенію благополучія. Вторая часть сей книги будетъ содержать оные; и какъ уповаю, удовольствуетъ любопытство читателя.

РАЗ-

РАЗСУЖДЕНІЕ XIII,

Содержащее въ себѣ предварительное увѣдомленіе о способахъ къ пріобрѣтенію благополучія и правилахъ, къ тому принадлежащихъ, вообще.

Предпринимая теперь говорить о способахъ къ пріобрѣтенію истиннаго въ сей жизни благополучія, долженъ я напередъ оговориться, что мнѣ къ собственному предложенію оныхъ средствъ не такъ скоро приступить можно, какъ желалъ бы того можетъ быть читатель. Существо толь важной вещи, каково для всѣхъ насъ благополучіе есть, не дозволяетъ мнѣ спѣшить въ семъ случаѣ, но требуетъ того, чтобъ я прежде приступленія къ собственному моему намѣренію напередъ изслѣдовалъ и позналъ, на чемъ собственно помянутые способы, или средства,

имѣть будутъ свое основаніе, и въ чемъ генерально они состоять могутъ, дабы чрезъ то всякой о дѣйствительности оныхъ тѣмъ лучше могъ быть увѣренъ.

Въ сходствіе чего долженъ я прежде всего замѣтить, что за основаніе всѣмъ нижеслѣдующимъ средствамъ ничто иное я беру, какъ слѣдующія три вещи: вопервыхъ, существо самаго благополучія, какъ искомаго предмета; вовторыхъ, существо и свойства душевныхъ нашихъ силъ, которыя при исканіи онаго наиболѣе должны будутъ дѣйствовать; вдретьихъ, нынѣшнее и общее души нашей состояніе и содержаніе, въ какомъ нынѣ оныя силы другъ противъ друга находятся, и отъ перемѣны котораго собственно благополучіе происходить будетъ должно. Ибо со всѣми сими вещами надобно помянутымъ средствамъ согласоваться, буде быть имъ не ложными, но дѣйствительно къ пріобрѣтенію благополучія удобными.

Для

Для лучшаго объясненія сего, надобно мнѣ мимоходомъ коснуться всѣхъ сихъ вещей и въ возможной сокращенности упомянуть, для чего бы собственно согласіе оныхъ средствъ съ сими вещами было потребно и въ чемъ бы оно состоять долженствовало. Слѣдующее, надѣюсь, въ состояніи уже будетъ сдѣлать тому желаемое объясненіе, а именно:

1. Когда по всѣмъ въ первой части сей книги учиненнымъ изслѣдованіямъ благополучіе не въ постороннихъ и наружныхъ вещахъ, а во внутренности нашей души искано быть долженствуетъ, и существо онаго ни въ чемъ иномъ состоитъ, какъ въ позволенномъ и добродѣтели, какъ главному концу нашей жизни, непротивномъ веселіи, или собственно въ такой жизни, которая бы сколько можно болѣе множайшими увеселеніями и удовольствіями была преисполнена и колико можно освобождена отъ всякихъ неудовольствій, печалей и другихъ душевныхъ прискорбій: то слѣ-

дуетъ само собою, что и средствамъ надобно быть такимъ, чрезъ которыя мы въ состоянiибъ были потребныя къ благополучiю веселiя снискивать и чрезъ то достигать до желаемаго предмета.

2. Когда веселiямъ и неудовольствiямъ начальною причиною суть нѣкоторыя изъ описанныхъ въ первой части свойствъ всѣхъ обитающихъ въ душѣ нашей различныхъ желанiй, а именно вопервыхъ то, что они могутъ быть удовлетворяемы, или насыщаемы, и отъ того въ душѣ нашей то состоянiе происходитъ, которое мы удовольствiемъ и веселiемъ называемъ; вовторыхъ то, что они могутъ, такъ сказать, оскорбляемы, раздражаемы, или неисполняемы быть, и отъ того въ душѣ нашей происходитъ нѣкоторой родъ страданiя и прискорбiя, которое мы неудовольствiями, а разныя степени онаго другими подобными сему званiями называемъ; втретьихъ то, что они могутъ въ бездѣйствiе приводимы, или усми-

усмиряемы и укрощаемы быть, и отъ того въ душѣ нашей происходитъ среднее между веселіемъ и неудовольствіемъ состояніе, которое мы спокойствіемъ, или безприскорбностію называемъ; и изъ всего того натуральнымъ послѣдствіемъ выходитъ то, что и благополучію нашему когда въ нынѣшней жизни не можно быть въ такомъ состояніи, чтобъ всѣ наши желанія были удовольствованы, то по крайней мѣрѣ надобно состоять въ такомъ, въ которомъ бы хотя нѣкоторая часть желаній нашихъ была исполняема, а большая часть прочихъ находилась въ состояніи спокойствія, раздражаемажъ былабъ колико можно малѣйшая часть оныхъ: то слѣдуетъ само собою, что и помянутымъ средствамъ надобно быть такимъ, чрезъ которыя бы въ состояніи мы были желанія свои какъ до исполненія доводить, такъ и усмиряя оныя, приводить въ состояніе спокойствія.

3. Когда большая часть нашихъ неудовольствій, горестей, досадъ, печалей и другихъ непріятныхъ чувствій, происходитъ отъ поврежденнаго внутренняго души нашей состоянія и отъ того, что безчисленныя желанія находятся въ ней не въ надлежащемъ порядкѣ и другъ у друга повиновеніи, но въ превеликомъ безпорядкѣ и замѣшательствѣ, и болѣе дѣйствуютъ и господствуютъ надъ нами такія, которыхъ исполненіе либо съ великимъ трудомъ и неудобностію сопряжено, *либо* кратковременное отъ того происходящее увеселеніе подаетъ потомъ поводъ къ множайшимъ еще непріятнымъ чувствіямъ, и все сіе наиболѣе благополучію нашему мѣшаетъ и уменьшаетъ онаго несовершенство: то натурально слѣдуетъ изъ того, что и средствамъ къ пріобрѣтенію благополучія надобно быть такимъ, чрезъ которыябъ въ состояніи мы были препятствовать, чтобъ прискорбіе и неудовольствіе въ насъ не столь часто происходило, какъ-то нынѣ бываетъ, и уменьшать тѣ, коихъ намъ убѣжать не можно. Вотъ

Вотъ въ чемъ состоитъ требуемое средствъ согласіе; а посему не трудно уже будетъ намъ добраться и до того, къ какимъ главнымъ предметамъ должны они быть направляемы. Всякому легко будетъ заключить, что и помянутымъ средствамъ трояваго рода быть надобно, а именно: однимъ касаться до пріумноженія нашихъ веселій, другимъ до споспѣшествованія нашему спокойствію, а третьимъ до уменьшенія нашихъ прискорбій и неудовольствій.

Что касается до того, въ чемъ вообще состоять могутъ сіи средства, то на сіе коротко отвѣтствовать можно, что они ни въ чемъ иномъ состоятъ, какъ въ немногихъ правилахъ, извлеченныхъ разумомъ изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ вещей, какъ-то изъ существа самаго благополучія и изъ свойствъ и нынѣшняго состоянія нашихъ желаній, которыхъ правилъ надлежащее и рачительное наблюденіе во всемъ оныхъ пространствѣ будетъ созидать наше благополучіе.

ВотЪ почти все, что за нужное находилЪ я предпослать напередЪ прочимЪ моимЪ вЪ сей части находящимся разсужденiямЪ. Теперь слѣдовало бы приступить мнѣ кЪ собственному намѣренiю, или сообщенiю оныхЪ правилЪ, однако не излишнее еще будетЪ упомянуть нѣсколько о порядкѣ, которой я при томЪ наблюдать буду, и прiобщить нѣсколько другихЪ примѣчанiй, касающихся до сего предмета. Я буду слѣдовать при семЪ тому же порядку, а именно: сперва сообщу тѣ, которыя до прiумноженiя веселiй касаются, потомЪ тѣ, которыя кЪ споспѣшествованiю спокойствiя принадлежатЪ, а послѣ того тѣ, которыя намЪ кЪ уменьшенiю нашихЪ душевныхЪ прискорбностей и неудовольствiй, также горестей и печалей, руководствовать могутЪ; а наконецЪ, какЪ всѣ оныя вещи, или короче, все наше временное благополучiе не инако, какЪ сЪ однимЪ великимЪ и весьма важнымЪ условiемЪ искано быть долженствуетЪ, то есть чтобЪ мы потолику только его

его искали, поколику то безъ предосужденія добродѣтели, яко главнаго конца, на которой жизнь наша назначена, быть можетъ, для того что собственное веселіе есть только побочной конецъ, а первымъ и главнымъ мы не себя собственно и не свое благополучіе, а единственно добродѣтель почитать должны, а изъ всего того и въ разсужденіи веселія, спокойствія и прискорбія нашего проистекаютъ нѣкоторыя особливыя должности: то послѣднимъ дѣломъ моимъ изъясненіе сихъ необходимыхъ должностей будетъ.

Можетъ быть подумаютъ теперь нѣкоторые, что всѣхъ оныхъ правилъ не инако быть можетъ, какъ знатное количество: важность самой вещи натурально можетъ побудить каждаго къ такому мнѣнію; однако они въ томъ обманутся: ихъ очень немного, и всѣ наши старанія, касающіяся до пріобрѣтенія благополучія, могутъ вмѣщены быть въ малое самое количество генеральныхъ, или общихъ

щихъ правилъ. Многіе удивятся, когда скажу, что ихъ всѣхъ только четырнатцать, изъ которыхъ пять до умноженія веселій, четыре до споспѣшествованія спокойствію, а пять до уменьшенія прискорбностей, неудовольствій и печалей принадлежатъ.

Однако не думайже никто, чтобъ малое сіе число приносило съ собою столь же легкое и наблюденіе оныхъ. Число ихъ правда не велико, и всѣ правила въ немногихъ только словахъ состоятъ, но значеніе сихъ словъ великаго пространства, а наблюденіе оныхъ на всю нашу жизнь довольно работы намъ произвесть можетъ; со всѣмъ тѣмъ не должно же и сему давать себя опечаливать. Правда, благополучіе наше не можетъ намъ доставаться даромъ: мы должны трудиться, и такъ сказать, въ потѣ лица своего оное пріобрѣтать. Одно сіе, что мы всю натуру свою, такъ сказать, передѣлывать должны, буде хотимъ прямо благополучными быть, можетъ уже довольно всякому до-

доказать, что съ исканіемъ онаго многіе труды сопряжены. Но это уже натуральное послѣдствіе отъ описаннаго въ первой части поврежденія, произшедшаго въ душѣ нашей, и необходимо; ибо когдабъ сего нещастнаго поврежденія не произошло, то не было бы намъ никакой нужды не только въ трудахъ, но и въ исканіи благополучія, но былибъ мы и безъ того благополучны, потому что къ тому созданы. Однако все сіе не долженствуетъ приводить насъ въ отчаяніе: труды наши по крайней мѣрѣ не пропадутъ тщетно, такъ какъ при нынѣшнемъ обыкновенномъ исканіи ложнаго благополучія всего чаще бываетъ, когда мы въ исканіи онаго вѣкъ свой мучимся, трудимся и препровождаемъ, и наконецъ ничего не находимъ и вмѣстѣ съ Соломономъ восклицать принуждены: суета суетъ и всяческая суета! Но мы безсомнѣнно достигнемъ ими до желаемаго предмета и прежде нежели мы думали, а сверьхъ того сопряжены съ ними неоцѣненныя для насъ и слѣдующія выгоды: Во-

Вопервыхъ, посредствомъ ихъ пріобрѣтемъ себѣ не только нынѣ благополучную, веселую и спокойную жизнь, но они вкупѣ будутъ созидать намъ и будущее, вѣчное и совершенное благополучіе послѣ смерти, которое несравненно еще нужнѣе нынѣшняго.

Вовторыхъ, употребляя оные, не принуждены мы будемъ ожидать долгое время конца своихъ намѣреній и ласкать себя неизвѣстною надеждою, но съ первымъ предпріятымъ трудомъ будемъ вкушать и плодъ онаго и начало благополучія своего. А и впредь никогда они намъ наскучить не могутъ; потому что по мѣрѣ оныхъ будетъ ежеминутно умножаться и степень благополучія нашего и насъ къ продолженію такихъ трудовъ отчасу болѣе побуждать и заохочивать.

Втретьихъ наконецъ, съ каковыми трудами исканіе благополучія ни сопряжено, но труды сіи далеко не таковы велики, какіе мы иногда къ умноженію нещастія своего, или къ иска-

исканію ложнаго благополучія и самой суетности употребляемъ; потому что щуть все не отъ постороннихъ и не въ нашей власти состоящихъ вещей и обстоятельствъ, но болѣе отъ самихъ насъ и отъ нашего хотѣнія и произволенія зависитъ. Не надобны намъ къ тому будутъ ни знатные чины, ни великость имѣнія и достатка, ни иныя дарованія щастія, но во всякомъ родѣ жизни и во всякомъ состояніи мы оное находить и имъ пользоваться можемъ. Все зависитъ только отъ того, чтобъ мы, очистивъ умъ свой отъ мрака предразсудковъ, твердое и прямое намѣреніе приняли оное искать и за дѣло принимались такъ, какъ надобно и какъ удобнѣе быть можетъ.

Послѣднее сіе обстоятельство требовало бы по справедливости отъ меня того, чтобъ я не только предложилъ общія правила, слѣдующія къ наблюденію, но показалъ бы и самые первые слѣды и пріемы къ дѣйствительному и удобнѣйшему наблюденію оныхъ.

оныхъ. Знаю, что сіе всего бы было полезнѣе и обстоятельство то мнѣ довольно свѣдомо, что большая часть нравоучительныхъ книгъ тѣмъ самимъ толь мало бываютъ дѣйствительны и не много пользы приносятъ, что въ нихъ предписывается только, что дѣлать и чего не дѣлать надобно, но какимъ образомъ то дѣлать и какъ въ самомъ началѣ и удобнѣе за то приниматься, о томъ ни слова не упоминается. Я желалъ бы усердно освободить себя отъ такого же нареканія. Но какъ сіе съ великимъ пространствомъ сопряжено, то сколько ни помышлялъ, однако за сущую невозможность почиталъ вмѣстить всѣ подробныя руководства въ предѣлы сего сочиненія, и другаго не оставалось, кромѣ того, чтобъ къ генеральнымъ правиламъ пріобщить, только съ возможною ясностію, всѣ нужныя каждому объясненія и доказательства, а руководство къ каждому предложить только общее и такое, какое безъ дальняго увеличиванія книги мнѣ умѣстить было можно, чѣмъ

прошу

прошу читателей моихъ по нуждѣ уже довольствоваться, тѣмъ паче, что я первую часть сей книги такъ расположилъ, что изъ ней можете вы уже сами безъ дальняго труда извлекать подробнѣйшее ко всему руководство. Что касается до меня, то я принужденъ былъ оставить предпріятіе мое, услужить вамъ въ томъ, до другаго случая и назначить къ тому иной и такой родъ разсужденій, въ которыхъ каждое бы изъ предложенныхъ здѣсь правилъ было по одиначкѣ предпринимаемо и предложенобъ было каждому подробнѣйшее руководство и показаніе, какъ наиудобнѣе каждое наблюдаемо и сему дѣлу первое начало чинимо быть могло, что можетъ быть нѣкогда и воспослѣдуетъ, естьли Всевышнему угодно будетъ продлить мою жизнь и не лишить потребнаго къ употребленію малаго моего таланта въ пользу любезныхъ моихъ согражданъ времени и способности.

Теперь ничего уже мнѣ не остается, какъ приступить къ предложенію

 оныхъ

оныхъ правилъ; чего ради окончу сіе разсужденіе, сказавъ, что послѣдующія четыре разсужденія оныя въ себѣ вмѣщать будутъ.

РАЗ-

РАЗСУЖДЕНІЕ XIV,

Содержащее въ себѣ собственныя правила и руководство къ умноженію веселія, какъ существительной части благополучія нашего.

Итакъ дошелъ я теперь до главнаго и важнѣйшаго предмета всего сего сочиненія, и хочу вамъ, любезной читатель, предлагать правила и средства къ пріобрѣтенію благополучія, или лучше сказать, показывать стезю и путь, по которому вамъ итти надобно, естьли вы до храма благополучія достигнуть хотите. Выслушайте меня съ терпѣніемъ и не отвращайте слуха вашего отъ совѣтовъ, основанныхъ на единомъ чистосердечіи и прямую вашу пользу цѣлью себѣ имѣющихъ. Правила, которыхъ къ сообщенію приступаю, достойны великаго уваженія; не лишитежъ и вы ихъ

своего вниманія и возьмите трудъ прочесть какъ ихъ, такъ и пріобщенныя къ нимъ объясненія и доказательства. Не поскучьте темными мѣстами, находящимися въ оныхъ, и не подосадуйте, естьли что придетъ не по вкусу вашему и покажется либо излишнимъ, либо слишкомъ тонкимъ и умозрительнымъ. Вещи, отъ которыхъ благоденствіе нашей жизни зависитъ, требовали доказательствъ и доказательствъ такихъ, которыя бы были неоспоримы и очевидны. Но первое учинить мнѣ не было возможности, не входя иногда въ небольшія философическія тонкости. Не пугайтесь сихъ скучныхъ, можетъ быть, вамъ доказательствъ и не оставляйте для того продолжать чтеніе: ихъ немного. Я старался сокращать ихъ возможнѣйшимъ образомъ, а сверхъ того за ними найдете вы простѣйшія и такія, которыя можетъ быть для васъ не таковы скучны и удобопонятнѣе будутъ; ибо я старался, сколько могъ, темноту первыхъ наградить ясностію вторыхъ. Но всѣ они для

васъ будутъ небезполезны, естьли вы удостоите ихъ своимъ примѣчаніемъ. Всякой доказанной вещи вѣримъ мы гораздо лучше, нежели такой, которая не имѣетъ никакихъ доказательствъ; а чѣмъ доказательствъ болѣе и чѣмъ они яснѣе, тѣмъ скорѣе можемъ и мы въ нихъ удостовѣриться. Сіе сказалъ я для того, что предвижу напередъ, что нѣкоторымъ изъ предлагаемыхъ правилъ едва ли вы повѣрите, когдабъ оставить безъ всякихъ доказательствъ и не объяснить надлежащимъ образомъ.

Но я задержалъ уже васъ, дорогой читатель, и наскучилъ можетъ быть, заговорившись о постороннемъ почти дѣлѣ. Кушанье уже поспѣло, время подавать на столъ и вамъ кушать. Въ теперешній разъ представлю вамъ пять соусовъ, каковы-то они вамъ покажутся и угодныль-то будутъ. Что касается до меня, то я боюсь, чтобъ вамъ и самое первое блюдо не было противно. Дай Богъ, чтобъ вы нашли въ немъ лучшій вкусъ, не-

жели какой многіе другіе найти въ немъ въ состояніи, и чтобъ вы не принадлежали къ тѣмъ людямъ, которымъ таковыя пищи не по вкусу!

Въ предслѣдующемъ разсужденіи, говоря вообще о средствахъ къ снисканію благополучія, упомянулъ я, что средства оныя суть троякаго рода, и что къ первому роду принадлежатъ тѣ, чрезъ которыя можно намъ пріумножать наши увеселенія. Станемъ же теперь о сихъ средствахъ говорить, и посмотримъ, какимибъ способами и чрезъ наблюденіе какихъ правилъ можно бы намъ было пріумножать наши веселія и чрезъ то существительную часть благополучія нашего сыскивать.

I.

Первое и наизнатнѣйшее, а притомъ такое правило, которое всему нашему благополучію основаніемъ почесться можетъ, есть слѣдующее:

Уве-

Увеличь въ себѣ прямо любовь къ Богу и къ другимъ человѣкамъ.

Вотъ первое средство къ снисканію благополучія и правило, о которомъ напередъ знаю, что оно уже многимъ, а можетъ быть и самимъ вамъ, дорогой читатель, не полюбится. Нѣкоторые люди, не ожидая ни мало такого правила, остановятся на семъ пунктѣ и не только встревожатся мыслями, но найдутся и такіе, которые усмѣхнувшись не захотятъ читать далѣе, но по увышеннымъ своимъ мыслямъ и мнимой великости духа, сочтя сіе уже самымъ враньемъ, возмнятъ, что кромѣ вранья и впереди ничего не будетъ. Но сіи господа да соблаговолятъ себѣ такъ думать, какъ имъ угодно. Не для нихъ я сіе пишу и не съ ними имѣть хочу дѣло, но съ тѣми, кои не дошли еще до того, чтобъ почитать себя особыми и предъ прочими человѣками далеко превосходными созданіями, но не отпираются еще отъ того, что они подобные всѣмъ прочимъ человѣ-

ки, что равномѣрнымъ съ ними слабостямъ подвержены, и что такуюжъ поврежденную имѣютъ душу, какъ и они, и помня сіе, не дошли еще до того, чтобъ бѣлое хотѣть насильно дѣлать черным ъ, или въ треугольникѣ находить не три, а четыре угла, то есть о всѣхъ распорядкахъ, учрежденныхъ въ теченіи всѣхъ вещей на свѣтѣ его Создателемъ, не такъ разсуждать, каковы они въ самомъ дѣлѣ, но такъ, какъ суетное и заблуждать могущее наше воображеніе намъ представляетъ; а остерегаясь сего, не такое отвращеніе еще имѣютъ отъ истинны, какъ иные многіе, но вездѣ ее найдутъ. Съ сими любезными моими сотоварищами хочу я говорить и имъ сказать, что какъ бы мы ни думали, какъ бы ни разсуждали, и какъ бы мыслями своими съ одного предмета на другой не перебѣгали, или, короче сказать, какъ бы ни вертѣлись, но то была и останется всегда непреоборимою истинною, что любовь къ Богу и къ другимъ человѣкамъ есть наиглавнѣйшимъ орудіемъ, которымъ

мы

мы зданіе нынѣшняго и будущаго благополучія созидать можемъ. Не всуе и вѣрно не по пустому, но для самой сей причины дана намъ и Зиждителемъ нашимъ заповѣдь извѣстная: возлюбиши Господа Бога твоего всемъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею, и ближняго своего, яко самъ себя. Не всуе и Спаситель міра, на извѣстной вопросъ отвѣтствуя, подтвердилъ, что въ сей заповѣди всѣ Пророки и весь законъ состоитъ. Не всуе и Павелъ, сей великой учитель міра, любовь толь великими похвалами превозноситъ и толь важною и необходимо надобною вещію почитаетъ. Не всуе, говорю, все сіе конечно было. Великій Зиждитель, производя самъ существо наше, получше нашего зналъ натуру нашу, и потому знать что видѣлъ, что безъ сего благополучіе наше быть никакъ не можетъ.

Однако знаю, что все сіе не можетъ еще служить доказательствомъ моему предложенію. Многіе найдутся, которымъ будетъ удивительно и не-

непонятно, какимъ образомъ отъ любви къ Богу и къ другимъ человѣкамъ можетъ происходить въ насъ веселіе, о умноженіи котораго здѣсь говорится. Симъ въ отвѣтъ я скажу, что сомнѣніе ихъ происходитъ отъ того, что они можетъ быть въ существо и свойство того врожденнаго стремленія, которое любви есть основаніемъ, не имѣютъ полнаго и достаточнаго вникновенія, и потому не могутъ заключить, что сіе натуральнымъ слѣдствіемъ быть можетъ. И такъ, въ доказательство того скажу, что какъ все то, что любимому нами пріятно, по существу и самой натурѣ любви вкупѣ и въ насъ прямое увеселеніе производитъ, то и въ то время, когда мы будемъ прямо любить Бога и другихъ человѣковъ, какъ всякое исполненіе воли Божеской, такъ и всякое добро, случающееся другимъ человѣкамъ, будетъ вкупѣ и насъ увеселять; напротивъ того упрямство, своенравіе и ненависть не инако человѣка должна, какъ мучить.

Вотъ

Вотъ краткое философическое доказательство моему предложенію. Теперь было бы слишкомъ пространно, естьлибъ хотѣлъ я доказывать и изъяснять сіе далѣе въ самой подробности. Однако какъ и безъ всякаго изъясненія оставить не можно, то скажу слѣдующее: я уже имѣлъ довольно случаевъ упоминать, что всякое веселіе дѣлается въ насъ отъ того, когда удовольствуется, или исполнено и насыщено будетъ какое нибудь въ душѣ нашей находящееся желаніе. Теперь надобножъ знать, что по философическимъ изслѣдованіямъ свойствъ и дѣйствъ души нашей примѣчено, что душа наша имѣетъ въ себѣ врожденное желаніе и стремительство къ духовному соединенію съ такими предметами, въ которыхъ мы примѣчаемъ совершенства безъ всякаго притомъ намѣренія о себѣ и о своей пользѣ, и что сіе стремленіе одно изъ наиглавнѣйшихъ, и что изъ него какъ знатною отраслью происходитъ другое великое стремленіе, называемое духовною любовію, со-

стоя-

стоящее въ стремлении къ духовному соединению съ разумными существами безъ дальнихъ о себѣ намѣреній и единственно для примѣченныхъ въ нихъ совершенствъ, то есть желание такого состоянія, въ которомъ любящіе другъ друга обоюдныя намѣренія и желанія взаимно и безъ всякаго дальняго въ разсужденіи себя намѣренія почитаютъ равно своими собственными, въ чемъ точно и состоитъ помянутое духовное соединеніе; а отъ всего того и проистекаютъ всѣ тѣ свойства и слѣдствія любви, которыя мы примѣчаемъ изъ опытовъ между связанныхъ прямою дружескою любовію человѣковъ. То натурально, когда будемъ любить прямо всѣхъ человѣковъ, ежедневно будутъ случаться многіе случаи, могущіе насыщать сіе врожденное стремительство и производить чрезъ то намъ истинное увеселеніе. Примѣръ сіе лучше изъяснить и доказать можетъ: представимъ себѣ двухъ человѣковъ, любящихъ себя прямою дружескою, или духовною любовію: не

не производитъ ли благополучіе одного другому такой же радости и такогожъ увеселенія, какое другъ его самъ отъ того чувствуетъ? Не радуемся ли мы, когда какому хорошему нашему пріятелю и любимому человѣку какое щастіе и благополучіе случится и исполнится то, чего желалъ онъ силою? и не такимъ же ли образомъ и насъ любящій человѣкъ веселится и радуется, когда намъ что хорошее по нашему желанію воспослѣдуетъ? Не доказываетъ ли сіе веселіе, что въ немъ желаніе было и оно удовольствовано, и что сіе желаніе клонилось единственно къ исполненію желанія друга его? Напротивъ того нещастіе и всякое зло, случившееся другу его, не производитъ ли и въ немъ прискорбія, сожалѣнія и печали? Не подтверждаетъ ли сіе предложеніе мое и не доказываетъ ли, что какъ въ томъ печаль и неудовольствіе отъ того произошло, что желаніямъ, бывшимъ въ немъ, противное учинилось, такъ печаль и сего изъявляетъ, что и въ немъ было къ

тому

тому предмету стремящееся желаніе и оному воспослѣдовало оскорбленіе?

Все сіе предполагая, не натуральнымъ ли слѣдствіемъ будетъ то, что естьлибъ мы могли всѣхъ человѣковъ такъ любить, какъ любимъ лучшихъ своихъ пріятелей, то всякое бы добро, случающееся другимъ, въ состояніи было въ насъ такоежъ удовольствіе производить, какое сами они отъ того чувствуютъ? и коль часто моглибъ мы имѣть поводъ къ такимъ же чистѣйшимъ увеселеніямъ!

А что я теперь о любви къ человѣкамъ говорилъ, то все тоже и о любви къ Богу сказать долженъ. Стремленіе любовное въ насъ одно, слѣдовательно съ такимижъ обстоятельствами сопряжено и не иныя какія, но такіяжъ и дѣйствія производитъ, да и доказать мнѣ сіе не трудно. Я употреблю тотъ же самой примѣръ: представимъ себѣ, чтобъ мы Бога нашего такъ точно любили,

какъ

какъ любимъ лучшаго своего какого нибудь друга, милостивца и благодѣтеля, и чтобъ любовь была точно такая, какую иногда между любящихъ тѣсно другъ друга человѣковъ примѣчаемъ: то не будетъ ли любовь сія производить точно такія же послѣдствія, какъ бываемая между человѣковъ? Не такимъ же ли образомъ будетъ намъ пріятно всякое исполненіе хотѣнія и желанія Божескаго, какъ пріятно исполненіе желанія нашего друга? Не будемъ ли мы отъ того наслаждаться съ стороны пріятнѣйшимъ увеселеніемъ, и не всего ли чаще имѣть случай и поводъ къ такимъ увеселеніямъ, когда, не смотря на все зло, господствующее въ свѣтѣ, многіе еще люди есть, которые исполняютъ въ жизни многія дѣла, согласныя съ волею Божескою; а не ходя вдаль, не можемъ ли мы въ самихъ себѣ искать сего утѣшенія, и исполняя желанія Божескія, вкупѣ и Ему и себѣ чистѣйшее увеселеніе производить?

А чтобъ освободить сіе отъ всякаго сомнительства и лучше увѣрить, что все сіе дѣйствительно основано на самой истиннѣ и о воспослѣдованіи того никакого сомнѣнія имѣть не можно: то въ доказательство приведу собственное чувствіе тѣхъ, которые въ жизнь свою въ блаженномъ искусствѣ дѣлать людей благополучными, или производить великія добродѣтели, имѣли многажды случай упражняться. Васъ, драгоцѣнныя украшенія рода человѣческаго, васъ я спрошу, не чувствовали ли вы тогда какихъ нибудь въ благодарной душѣ вашей произшествій, когда бѣдныхъ обогащали, нещастныхъ изъ нещастія извлекали, лишеннымъ помощи помогали, и другія сему подобныя великія, добродѣтельныя, великодушныя и Богу и людямъ угодныя дѣла производили? Подтвердите вы предлагаемую мною истинну своимъ безпристрастнымъ признаніемъ и скажите, не чувствовалиль вы сами тогда нѣкоторую душевную роскошь и чистѣйшее увеселеніе? Не надымалось

ли

ли сердце ваше? Не приходилъ ли самъ великой духъ вашъ въ наиприятнѣйшій восторгъ отъ того? Не наливались ли очи ваши тогда нектаромъ неизреченной сладости, когда ощастливленные вами плакали предъ вами, благодареніе вамъ принося? Но отъ чегожъ бы въ васъ такое пріятное чувствіе тогда происходило? Отъ чего веселились вы благополучіемъ, содѣяннымъ вами другимъ человѣкамъ? Для чего сорадовались съ ними и вы вмѣстѣ, когда при дѣланіи того никакой собственной пользы предметомъ не имѣли, но паче то съ нѣкоторымъ еще для васъ убыткомъ сопряжено было, а и дѣлали вы то не изъ тщеславія? Не принуждены ли вы будете признаться, что сами не знали, отъ чего сіе въ васъ происходило?

Предслѣдующее мое примѣчаніе изъяснитъ вамъ сіе, драгіе благодѣтели человѣковъ. Въ васъ удовольствовалось тогда сокровенное въ душѣ вашей и вами безъ вѣдѣнія вашего час-

тымъ повтореніемъ добродѣтельныхъ дѣлъ увеличенное врожденное желаніе, стремящееся къ исполненію воли Божеской и къ любви къ человѣкамъ; и отъ того-то происходило то увеселеніе. А что оно было велико, то инако и быть не могло; потому что насыщеніе сіе было двоякое и съ одной стороны восхищала васъ насыщенная любовь къ Богу, а съ другой любовь къ своему ближнему.

Но не одно сіе намъ справедливость моего предложенія доказать можетъ: я могу сослаться и на собственное чувствіе всѣхъ человѣковъ: не чувствуемъ ли всѣ мы не только при великихъ добродѣтельныхъ дѣлахъ, но и во всякомъ случаѣ, когда мы что нибудь доброе сдѣлаемъ, нѣкое пріятное въ душѣ нашей ощущаніе? Не бываемъ ли тогда сами собою чрезвычайно довольны, и не такое ли сіе удовольствіе, котораго изобразить не можно? Одно сіе общее всѣхъ чувствіе можетъ уже доказать, что во всѣхъ насъ стремительство къ любви Божіей

ей есть, но только не въ одномъ градусѣ дѣйствуетъ, и потому одинъ болѣе и чаще симъ увеселеніемъ наслаждается, нежели другой и такой, въ которомъ оно другими страстями болѣе угнѣтено. Ибо добрыя наши дѣла и всѣ вообще добродѣтели не иное что суть, какъ вещи, желаемыя Богомъ; почему и называемъ мы ихъ волею Божескою, и какъ, производя оныя, исполняемъ мы Божеское хотѣніе, то по натурѣ *любовнаго* къ Богу стремленія насыщается чрезъ то и въ насъ оное. А что сіе исполненіе воли Божеской тому причиною, то доказываетъ намъ далѣе то, что мы отъ исполненія воли Божеской не только въ то время удовольствіе чувствуемъ, когда сами оное въ дѣйство производимъ, но и въ то время, когда другіе ее исполняютъ. Я сошлюсь въ семъ случаѣ также на собственное наше чувствіе и спрошу всѣхъ, не чувствуемъ ли мы въ душѣ нашей пріятнаго чувствія? не радуемся ли и не веселимся ли и тогда, когда кто и посторонній при насъ какое

знаменитое и богоугодное дѣло сдѣлаетъ, и не только при насъ, но когда мы о комъ сіе и услышимъ? Отъ чегожъ бы инаго сіе происходило, и какую иную причину можно тому предъявить, кромѣ той, которую я изобразилъ выше?

Всего вышеупомянутаго, надѣюсь, уже довольно будетъ въ доказательство, что отъ любви къ Богу и къ человѣкамъ веселіе въ насъ происходить можетъ; а посему не трудно уже всякому заключить, коль полезно и выгодно для насъ будетъ увеличиваніе оной; ибо натурально, чѣмъ болѣе она въ насъ будетъ, тѣмъ болѣе будетъ и увеселеніе, и чѣмъ чаще будемъ мы въ согласныхъ съ нею дѣлахъ упражняться, тѣмъ чаще наслаждаться и увеселеніемъ оныхъ. А къ чему иному имѣемъ мы столь частые случаи, какъ къ оказанію любви своей къ Богу и другимъ человѣкамъ? Мѣшаетъ ли что намъ сіе дѣлать, и отъ постороннихъ ли вещей и не отъ насъ ли самихъ все притомъ зависитъ?

Но

Но сего къ побужденію насъ къ тому еще не довольно, но есть и другія пользы, могущія служить еще болѣе побудительными къ тому причинами; ибо увеличиваніе любви къ Богу и къ другимъ человѣкамъ и частое по ней дѣйствіе не только будетъ производить знатную часть нашего временнаго и истиннаго благополучія, но будетъ намъ пріуготовлять и въ будущей жизни вѣнецъ славы и вѣчнаго блаженства, а сверьхъ того сдѣлаетъ насъ любезными Богу и всѣмъ людямъ. Самые непріятели и злодѣи наши престанутъ насъ ненавидѣть, когда увидятъ, что мы имъ мстимъ любовію, умалчивая о прочихъ пользахъ и выгодахъ, могущихъ произойти намъ отъ того въ общежитіи, о которыхъ не для чего мнѣ пространно изъясняться: всѣмъ онѣ довольно извѣстны. Чего ради, не распространяя о томъ словъ, скажу только, что отъ увеличиванія любви къ Богу и людямъ, кромѣ всего вышеписаннаго, произойдетъ для насъ сама собою великая и благополучію

нашему поспѣшествующая выгода; ибо когда мы, любя одну вещь натурально, не можемъ въ самое то время ее и ненавидѣть, то чѣмъ болѣе будетъ умножаться любовь наша къ человѣкамъ, тѣмъ меньше становится пагубная и въ глубинѣ сердецъ нашихъ гнѣздящаяся сокровенная склонность къ ненавидѣнію ихъ. А сіе мало помалу истребитъ въ насъ и тотъ гнусной порокъ, которой извѣстенъ подъ именемъ зависти; а сколь многихъ внутреннихъ досадъ и мученій мы чрезъ то вдругъ избавимся, о томъ почти нѣтъ нужды изъясняться. Кому не извѣстно, коль мучительна для насъ проклятая зависть, коль много мѣшаетъ спокойствію нашему, и какія вредныя и худыя послѣдствія за собою приноситъ? А можемъ ли мы уже тогда кому въ чемъ нибудь завидовать, когда любовь побуждать насъ будетъ благополучія каждаго посторонняго человѣка желать и имъ веселиться? Не обратится ли прежняя мучительная досада въ пріятное для насъ удовольствіе?

И

И такЪ когда вамЪ, дорогой читатель, мило ваше благополучіе и вы оное вЪ правду, а не шутя, искать намѣрены, то начинайте сіе великое дѣло увеличиваніемЪ вЪ себѣ любви кЪ Богу и человѣкамЪ. ВотЪ первая стезя, ведущая васЪ прямою дорогою кЪ жилищу благополучія! Ступайте ею смѣло и не давайте никому себя сбить и свести сЪ сего вѣрнѣйшаго пути. Многіе найдутся, которые стараться будутЪ васЪ сманивать сЪ оной и завести вЪ дебри и пустыни. Не слушайте пожалуйте ихЪ, не давайтеся вЪ обманЪ, но затыкая уши отЪ ихЪ льстивыхЪ совѣтовЪ и убѣжденій, держитеся сей тропы и шествуйте ею. Знаю, что первой видЪ оной вамЪ не полюбится. Она отЪ малой ходьбы по оной едва примѣтна, и по видимому такЪ заросла терніемЪ и колкимЪ кустарникомЪ, что сЪ нуждою по ней пройти можно; но, ахЪ! не пугайтесь сего перваго и обманнаго вида и знайте, что внутренніе наши злодѣи и тайные непріятели оную симЪ образомЪ изга-

гадили и нарочно входъ на нее такъ тѣсенъ и непроходимъ сдѣлали, чтобъ всякой однимъ наружнымъ видомъ оной пугался и терялъ охоту ею шествовать, но заключая, что шествіе по сей стезѣ не инако, какъ съ крайнимъ трудомъ и скукою сопряжено, бѣгалъ бы оной и выбиралъ бы лучшую, гладкую и широкую дорогу, которыя они приготовили и на которыя входы разчистили, размели, усыпали пескомъ и усадили цвѣтами изпещренными. Не вѣрьте сему ложному виду, это одинъ только обманъ, устроенной для того, чтобъ васъ заманить въ оной, а въ самомъ дѣлѣ сіи прелестные, гладкіе и украшенные пути и дорожки заведутъ васъ въ безводныя степи, непроходимыя топи и болота, въ дремучіе лѣса и въ такія пропасти, гдѣ вы много нужды претерпите, тысячи бѣдствіямъ подвержены будете и не только благополучія всего меньше найти, но всего скорѣе и съ тѣломъ и душею погибнуть можете. Нѣтъ, любезной читатель, нѣтъ, не ходите пожалуйте

те туда, куда призываютъ васъ сіи прельщающіе виды и по коимъ итти убѣждаютъ васъ многія наружныя причины, а паче всего не прельщайтесь тѣмъ, что видите многихъ другихъ людей по нимъ идущихъ. Это правда, что въ товарищахъ недостатку не будетъ, но что утѣхи въ томъ, что и они и вы вмѣстѣ съ ними только лишь заблуждаться и изъ одной опасности въ другую входить и вмѣстѣ потомъ нужду и горе терпѣть и погибать будете? Во время нужды они вамъ ни на волосъ не помогутъ, да и помочь будутъ не въ состояніи; потому что имъ тогда не до васъ, а до самихъ себя довольно будетъ дѣла. И такъ что вамъ въ такихъ товарищахъ, кои въ семъ случаѣ столь же не знающи, какъ и вы, и вамъ безполезны? Бѣгайте ихъ, буде добра себѣ хотите, и ступайте лучше одни помянутою зарослою тропинкою, не устрашаясь ни мало терніевъ и негладкости оной. Не скучайте первыми самыми трудностьми и не думайте, чтобъ весь

сей путь вЪ самомЪ дѣлѣ былЪ таковЪ скученЪ и труденЪ, каковымЪ вамЪ сЪ перваго вида представляется; но увѣряю васЪ, что вы скоро и весьма скоро противное тому найдете и увидите. Не успѣете вы нѣсколько симЪ узкимЪ путемЪ поотойти, какЪ онЪ часЪ отчасу уже шире, глаже и веселѣе будетЪ становиться и наконецЪ вЪ пріятной, веселой и такой путь обратится, по которому идучи, вы радоваться и веселиться будете; скуки же и раскаянія никогда имѣть не станете: повсюду найдете вы мѣста пріятныя, прохладныя, снабдѣнныя всѣми надобностями и могущія укрыть васЪ отЪ всѣхЪ суровостей непогоды, стужи и зноя, а сколь многихЪ бѣдЪ, напастей и опасностей вы избѣжите, когда симЪ путемЪ слѣдовать будете, о томЪ и упоминать не для чего. Путеводителемъ и охранителемЪ вамЪ будетЪ самЪ тотЪ, которой всѣмЪ вещамЪ начало учинилЪ, и которой самЪ учредитель благополучія нашего; а подЪ Его охраненіемЪ и руководствомЪ вы

ни

ни съ пути сбиться, ни въ пропасть и бездну попасть не можете. Однимъ словомъ, сей путеводитель будетъ вамъ гораздо полезнѣе тысячи прежнихъ и немощныхъ товарищей.

Я льщусь, что вы, дорогой читатель, не потребуете отъ меня объясненія сей аллегоріи, и что сами догадаться можете, о какихъ товарищахъ я теперь съ вами говорилъ. Не трудно вамъ усмотрѣть и мнѣ не для чего сказывать, что я разумѣю подъ тѣмъ такихъ людей, которые благополучія своего совсѣмъ развратнымъ образомъ и такъ ищутъ, гдѣ его никогда не бывало, и коихъ я въ первомъ моемъ разсужденіи сравнивалъ съ скитающимся по свѣту и тщетно столицу Государя своего ищущимъ безразсуднымъ путешественникомъ, и каковыми людьми весь свѣтъ почти наполненъ. Естьлижъ хотите, чтобъ я вамъ яснѣе сказалъ, то знайте, что я разумѣю подъ тѣмъ такихъ людей, кои благополучія своего въ чести, богатствѣ, знатныхъ достоинствахъ и

въ

вЪ другихЪ подобныхЪ сему суетностяхЪ и благихЪ сего міра и такими путями ищутЪ, какими многіе другіе обыкновенно до того достигаютЪ; о прямой же любви кЪ своему Создателю и Богу, равно какЪ и о истинной любви кЪ своимЪ сочеловѣкамЪ всего меньше вЪ жизни своей помышляютЪ, и не только оную увеличивать, но и вЪ нѣкоторомЪ хотя градусѣ имѣть не стараются, но паче и находящіяся вЪ нихЪ малыя частички оной часЪ отчасу уменьшаютЪ, равно такЪ, какЪ бы она была вещь совсѣмЪ ненадобная и кЪ благополучію ихЪ непотребная. Но о коль много обманываются они вЪ томЪ, и сколь сильно погрѣшите вы и послѣ, но уже поздно раскаяваться будете, естьли ихЪ примѣру вЪ семЪ случаѣ послѣдуете и по той же дорогѣ пойдете, по которой они шествуютЪ! Она гладка, вЪ томЪ не хочу спорить, и вамЪ весьма пріятна и весела кажется, но о! когда бы напередЪ вблизи ее разсмотрѣли и вЪ тонкость всѣ издали васЪ прельщаю-

щающія вещи изслѣдовали и безпрестанно поговорили съ тѣми, которые всю жизнь свою по ней прободили и промучились, вѣрно бы вы другое мнѣніе объ ней возъимѣли и можетъ бы ихъ увѣреніямъ лучше, нежели моимъ словамъ, повѣрили, что вся видимая пріятность сего пути вблизи далеко не такова велика, каковою она издали кажется, но что гладка и широка она только отъ того, что очень много по ней путешественниковъ ходитъ, а красива отъ того, что тайные наши внутренніе злодѣи, то есть страсти, представляютъ глазамъ нашимъ ее сквозь уменьшительное и волшебное стекло, въ которомъ всѣ худобы ея кажутся малы и непримѣтны; напротивъ того нѣкоторыя ложныя и обманныя украшенія представляются очамъ нашимъ слишкомъ великими и прелестными; въ самомъ же дѣлѣ она такъ хлибка и вдали преисполнена толь многими топкими, непроходимыми и опасными мѣстами и переправами, что по ней съ нуждою и въ то время

мя пройти можно, когда сіяетъ солнце и стоитъ сухая погода, то есть когда идетъ все по нашимъ желаніямъ и никакихъ онымъ препонъ не дѣлается. Въ случаѣжъ небольшаго ненастья и непогоды, то есть во время случающихся съ нами нещастныхъ и противныхъ случаевъ, дѣлается она топкою и столь непроходимою, что всякую минуту должно опасаться, чтобъ не погрязнуть въ тинѣ и не слетѣть стремглавъ съ скользкихъ и опасныхъ стремнинъ, коими сія дорога преисполнена. Всѣ ходившіе ею удостовѣряютъ въ томъ единогласно и признаются, что они кромѣ трудовъ, безпокойствъ, досадъ и раскаянія ничего почти не нашли, путешествуя оною, и что за получаемыя иногда на ней увеселенія принуждены были платить весьма дорогую цѣну, и наконецъ, что желаемаго не нашедъ, принуждены были возвратиться назадъ и искать щастія иною и самою тою дорогою, которая здѣсь предписывается и которою всѣ благоразумные люди шествуютъ и до

же-

желаній своихъ благополучно достигаютъ. Спросите вы ихъ, буде мнѣ не повѣрите; а естьли и ихъ увѣренія и признанія вамъ подозрительны покажутся, такъ прочтите ту книгу, которой всѣми Христіянами отдается болѣе всѣхъ почтеніе и которая почитается за святѣйшую. Въ ней найдете вы тому многократныя подтвержденія и вкупѣ увидите то, сколько любовь важна и сколь она необходимо надобна.

Однимъ словомъ, любезной читатель, истинная любовь къ Богу и къ человѣкамъ есть необходимѣйшая вещь для насъ въ нынѣшней маловременной жизни и вѣрнѣйшее средство, чрезъ которое намъ благополучіе наше пріобрѣтать можно. Не будетъ когда оной, не можно быть и ничему хорошему. Она должна украшать всѣ наши качества и добродѣтели, она должна придавать имъ надлежащую цѣну и безъ ней ни которая изъ нихъ не годится. Послушайте, что объ ней священное писаніе говоритъ, послушайте, каковою

вою почитаетъ ее тотъ, которой нѣкогда восхищенъ былъ до третьяго небеси и непосредственно Богомъ избранъ былъ учителемъ міра и толкователемъ воли Господни: „Хотябъ я, говоритъ онъ, всѣми языками и не только „человѣческими, но и Ангельскими говорилъ, но любви бы не имѣлъ, такъ буду „только мѣдь звѣнящая и бряцало „звучащее. Хотябъ я имѣлъ даръ про„рочествія, зналъ бы всѣ таинства, „всѣ науки, и имѣлъ бы наивеличай„шую и такую вѣру, что могъ бы „ею горы преставлять, но любви во „мнѣ не будетъ, такъ все то ничто. „Хотябъ я всѣ имѣніе мое роздалъ „на содержаніе бѣдныхъ, и хотя бы „самаго себя предалъ и тѣло бы свое „на сожженіе отдалъ, но любви во мнѣ „не будетъ, такъ ничто мнѣ поль„зовать не будетъ.„ Вотъ что объ ней говоритъ священное писаніе! вотъ что свидѣтельствуетъ Духъ Святый устами Апостола! Внемлите важныя слова сіи и не отвращайте слуха вашего отъ толь Божественныхъ свидѣтельствъ; не думайте, чтобъ они

были

были несправедливы. Нѣтъ тутъ ничего ложнаго и несправедливаго. Сама натура намъ самое тоже вопіетъ и повелѣваетъ, чтобъ мы любили Бога и любили человѣковъ, и доказываетъ, что сіе необходимо надобно и намъ крайнѣ полезно и выгодно. Послѣдуйтежъ обоюдному сему гласу и держитеся любви!

Но я наскучилъ можетъ быть уже вамъ моими убѣжденіями: отпустите мнѣ сіе, дорогой читатель. Усердіе о истинной пользѣ вашей меня завело въ сію посторонность. Коль желалъ бы я, чтобъ для васъ такія убѣжденія были совсѣмъ не надобны и чтобъ вы и безъ того въ сей великой и святѣйшей истиннѣ были удостовѣрены и любовь обиталабъ уже въ вашемъ сердцѣ! Но ахъ, любезный читатель! я опасаюсь, чтобъ вы въ семъ случаѣ по примѣру нѣкоторыхъ и къ великому своему предосужденію не погрѣшили и рановременнобъ о себѣ не заключили, что въ васъ толь важная и надобная любовь

къ Богу и человѣкамъ уже обитаетъ и находится въ довольномъ степени. Берегитесь спѣшить таковыми заключеніями! Ни въ чемъ мы такъ скоро погрѣшить не можемъ, какъ въ семъ пунктѣ, и ничто намъ такъ невредительно, какъ такое о самихъ себѣ мнѣніе, въ случаѣ, естьли оно будетъ неосновательно. Иногда думаемъ мы, что уже любимъ Бога и человѣковъ наисовершеннѣйшимъ образомъ, но вмѣсто того въ самомъ дѣлѣ еще очень далеко отъ того удалены бываемъ и любить никогда еще не начинали. Коль много людей подвержены бываютъ сему заблужденію, и коль легко статься можетъ, что и вы къ числу ихъ принадлежите! Есть люди, кои ежедневно твердятъ, что любить Бога и любить ближнихъ своихъ намъ надобно, но сами любить не только никогда не начинали, но и прямаго понятія объ ней не имѣютъ. Есть другіе, которые мнятъ, что они о сей любви дѣйствительно стараются, но въ самомъ дѣлѣ не знаютъ и того, въ чемъ именно любовь

къ

кЪ Богу и любовь кЪ ближнему состоитЪ и каковою она быть долженствуетЪ. Но таковыя рановременныя и неосновательныя мнѣнія всего болѣе ихЪ отЪ прямой любви кЪ Богу и человѣкамЪ отводятЪ. Для сей-то самой причины и надобно намЪ вЪ семЪ случаѣ имѣть кЪ себѣ всегда недовѣрку и не скоро мнить о себѣ, что мы уже Бога и ближнихЪ своихЪ любимЪ, но напередЪ самихЪ себя изслѣдовать и не прежде заключать, какЪ по зрѣломЪ и здравомЪ разсужденіи и по прилѣжномЪ разсмотреніи всего того, что до существа и свойствЪ сей важной любви касается.

Не думайте, чтобЪ дѣло сіе было маловажное и недостойное такихЪ изслѣдованій. НѣтЪ, любезный читатель, оно велико и такЪ важно, что я довольно того изобразить не вЪ состояніи, и могу сказать, что тѣ очень много погрѣшаютЪ, которые обЪ ней заключаютЪ легкомысленно. Любви сей надобно быть чистой и совершенной и далеко не такой, каковою ее многіе почитаютЪ, и не вЪ

томъ состоять, въ чемъ многіе ее полагаютъ. Есть люди, которые полагаютъ ее въ нѣкоторыхъ только наружныхъ добродѣтеляхъ, какъ на примѣръ въ наружномъ богопочтеніи, въ великомъ богомоліи, подаяніи милостыни, въ неоставленіи бѣдныхъ и прочихъ тому подобныхъ добродѣтеляхъ, что все хотя хорошо, похвально и необходимо надобно, однако, не смотря на то, истинная любовь далеко еще не состоитъ въ однихъ сихъ наружностяхъ. Приведенныя мною слова священнаго писанія ясно доказываютъ, что можно раздать все имѣніе свое нищимъ, и самое тѣло свое отдать на сожженіе, но со всѣмъ тѣмъ любви не имѣть. Что иное сіе значитъ, какъ не то, что любовь не состоитъ еще въ подаяніи милостыни и тому подобныхъ и тѣхъ добродѣтеляхъ, какія у насъ обыкновенно любовію къ Богу почитаются? Нѣтъ, любезной читатель! Всевышній не такой любви отъ насъ требуетъ, но гораздо лучшей и совершеннѣйшей.

Ежели

Ежели спросите меня теперь, въ чемъ же бы собственно состояла истинная и та любовь къ Богу и человѣкамъ, какая потребна къ нашему намѣренію и какую имѣть намъ повелѣвается, то на сіе не могу вамъ по желанію вашему отвѣтствовать. Предѣлы сего сочиненія не дозволятъ мнѣ входить въ разсужденіи сего пункта въ самую подробность, которая не инако, какъ завела бы меня въ великое пространство; ибо въ семъ случаѣ принужденобъ мнѣ было входить во всю связь философическаго и богословскаго нравоученія и говорить очень много; чего ради принужденъ я вамъ сказать, что естьли хотите сіе знать, такъ прочтите въ священномъ писаніи книги Новаго Завѣта. Въ нихъ найдете вы точное и многократное существа и свойствъ онаго описаніе и можете тому послѣдовать.

Однако какъ и безъ всякаго удовольствія васъ оставить мнѣ не хочется, то скажу вамъ, любезной читатель,

татель, что БогЪ требуетЪ отЪ насЪ какЪ кЪ себѢ, такЪ и кЪ другимЪ людямЪ такой любви, которая бы не изЪ однихЪ устЪ, но вкупѢ и изЪ глубины нашихЪ сердецЪ проистекала и была бы истинная, наивеличайшая и не вЪ однихЪ словахЪ, но и вЪ самыхЪ дѢлахЪ состоящая. ОднимЪ словомЪ, чтобЪ любило Его наше сердце и любило прямо, всего болѢе и такЪ, какЪ любить бы намЪ надлежало своего Отца, Господа, милостивца и благодѢтеля, а прочихЪ людей ничѢмЪ не меньше, какЪ самихЪ себя. ВотЪ слова, которыя могутЪ уже вамЪ служить ниткою, по которой, буде хотите, можете вы добраться сами до клубка, то есть, разсматривая точное содержаніе оныхЪ, можете безЪ труда усмотрѢть, вЪ чемЪ должна состоять сія любовь и какія должна имѢть дѢйствія. Сама натура можетЪ уже вамЪ вЪ семЪ случаѢ руководствовать и показать то, что вамЪ дѢлать надлежитЪ, естьли вы Бога и человѢковЪ прямо любить хотите.

Ежели

Ежели хотите дальнѣйшаго объясненія и желаете, чтобъ я въ семъ случаѣ сдѣлалъ вамъ хотя небольшое вспоможеніе, то съ охотою моею готовъ согласиться на ваше требованіе. Ничто для меня такъ не мило, какъ таковое любопытство, и ничто такъ не пріятно, какъ оказывать услуги мои въ такихъ важныхъ случаяхъ моимъ сочеловѣкамъ. Послѣдуемъ же сей стези и разберемъ напередъ, въ чемъ бы должна состоять любовь къ Богу, а потомъ коснемся и до любви къ своему ближнему.

Для усмотренія существа и свойствъ любви къ Богу нужно намъ только себѣ представить, чтобъ имѣли мы у себя на земли въ какомъ нибудь великомъ и знатномъ господинѣ, или Государѣ, великаго себѣ и такого милостивца и благодѣтеля, которой бы любилъ насъ не инако, какъ отецъ, снабжалъ насъ всѣми потребностями, и у котораго жилибъ мы подъ покровительствомъ, и котораго бы и съ своей стороны не инако, какъ отца

ца и вѣрнѣйшаго друга любили и почитали; намъ нужно, говорю, представить себѣ только такого друга и разсмотрѣть, какимъ бы образомъ стали мы съ нимъ обходиться, какъ увидимъ уже отчасти, что должно намъ дѣлать и въ разсужденіи любви къ Богу, а именно:

Вопервыхъ спрошу я, не сталабъ ли любовь наша побуждать насъ угождать всѣми образами и во всемъ помянутому нашему милостивцу и благодѣтелю, и охотно дѣлать все то, чего бы онъ отъ насъ требовать, желать и намъ приказывать и повелѣвать сталъ? Не извѣстно ли, что мы симъ образомъ друзьямъ, милостивцамъ и благодѣтелямъ своимъ и угождаемъ и для угожденія имъ предпринимаемъ охотно иногда самыя претрудныя дѣла, не поставляя оныя себѣ ни въ трудъ, ни въ отягощеніе? однимъ словомъ, не готовы ли бываемъ мы кровь свою пролить, чтобъ только тѣмъ угодить такому милостивцу, котораго мы любимъ и почита-

читаемъ, и въ которомъ самимъ намъ великая нужда? Не съ радостію ли принимаемъ его повелѣнія и не всѣми ли силами и возможностьми своими стараемся оныя не только исполнить, но еще предупредить и превзойти его желанія, дабы тѣмъ только доказать ему любовь свою и усердіе? Вотъ первое и наиважнѣйшее свойство истинной любви, а точно такоежъ свойство должна имѣть и любовь наша къ Богу. Въ Немъ имѣемъ всѣ мы несравненно величайшаго, знатнѣйшаго, сильнѣйшаго и лучшаго милостивца, благодѣтеля и покровителя, нежели въ лучшемъ какомъ земномъ владыкѣ и Государѣ; ибо кого можемъ мы сравнить съ Онымъ? Слѣдовательно когда хотимъ Его истинно любить, то неотмѣнно должно и Ему такимъ же образомъ во всемъ и всѣми возможностями угождать стараться, и все то, что Онъ хочетъ и отъ насъ требуетъ, безпрекословно, непринужденно, не почитая за отягощеніе, безъ вздоховъ, но охотно и съ радостію изъ единой внутренней склонности и

любви къ нему въ дѣйство производить и для угожденія Ему жертвовать всѣми отводящими насъ отъ того прихотьми своими и желаніями. Таковаго точно поступка и требуетъ отъ насъ великій Создатель и въ самомъ томъ наиглавнѣйшее существо любви нашей къ себѣ полагаетъ.

Вовторыхъ, когда имѣемъ мы у себя такого любимаго нами земнаго благодѣтеля начальникомъ и повелителемъ, о которомъ довольно увѣрены, что онъ насъ истинно любитъ, никогда не позабываетъ, о пользѣ и щастіи нашемъ всегда бдитъ и печется, то скажите, не бываемъ ли мы уже довольны всемъ тѣмъ, что сему благодѣтелю и повелителю нашему ни вздумается съ нами сдѣлать и предпріять? Не почитаемъ ли его хотѣнія равно какъ своими собственными, и не безъ досады ли сносимъ, хотя бы что случилось и не по нашимъ мыслямъ? Не стараемся ли самымъ тѣмъ ему доказать, что мы его любимъ? Въ сходствіе чего когда хо-

хотимъ имѣть любовь къ Богу, то должны во всякое время и Его святою волею, судьбами и всемъ тѣмъ быть довольны, что Онъ ни будетъ устроять съ нами. Вотъ второе свойство и опытъ истинной любви, и оказанія такихъ опытовъ желаетъ отъ насъ и Создатель, которому мы ихъ тѣмъ паче и оказывать обязаны, что Онъ не только нашъ милостивецъ и благодѣтель, но вкупѣ совершеннѣйшій и такой повелитель, у котораго не только все наше щастіе и благополучіе, но самая жизнь, тѣло и душа наша въ безпредѣльной находится власти, и о которомъ наконецъ мы довольно увѣрены, что Онъ наипремудрѣйшее, благоутробнѣйшее, милостивѣйшее, правосуднѣйшее и такое Существо, которое ничего по пустому, безъ святыхъ своихъ причинъ и напрасно не чинитъ и не устрояетъ; а потому не самая ли натура велитъ намъ всѣми судьбами Его и правленіемъ быть довольными?

Втреть-

Втретьихъ, имѣя на земли у себя присутственнаго хорошаго и любимаго нами друга, не стараемся ли мы быть съ нимъ какъ можно чаще вмѣстѣ и препровождать время свое въ пріятномъ съ нимъ обхожденіи и въ повѣренныхъ разговорахъ? А ежели отсутственъ, то не стараемся ли по крайней мѣрѣ имѣть съ нимъ частую переписку, и чрезъ то, равно какъ нѣкое духовное свиданіе и заочные разговоры? Сіе составляетъ третіе свойство любви, изъ котораго проистекаетъ таковаяжъ почти должность и въ разсужденіи любви къ Богу, состоящая въ томъ, чтобъ мы, предпринимая любить Бога, между прочимъ старались какъ можно чаще Его напоминать, представлять себѣ Его вездѣ присутствіе и съ Нимъ, какъ съ милостивцомъ, благодѣтелемъ и наилучшимъ своимъ другомъ, втайнѣ и въявь разговаривать и бесѣдовать, и повторять сіе какъ можно чаще. Таковые разговоры, а особливо тайные и сокровенные, не меньшее, но несравненно лучшее увеселеніе могутъ намъ при-

приноситъ, нежели свиданія съ какимъ лучшимъ своимъ другомъ и любимцомъ. Нужно только къ сему привыкнуть и вселить прямую любовь въ сердце. Но съ симъ сопряжена еще одна важная должность, а именно: какъ Бога можно почесть хотя присутственнымъ, однако невидимымъ, неслышимымъ и такимъ милостивцомъ и благодѣтелемъ, которой по непостижимымъ своимъ и безконечнымъ свойствамъ и совершенствамъ намъ коротко неизвѣстенъ: то необходимость уже велитъ намъ стараться часъ отчасу Его болѣе познавать, и какъ симъ познаніемъ, такъ и всемъ тѣмъ, что оному поспѣшествуетъ, увеселяться; ибо безъ достаточнаго познанія всѣхъ божественныхъ Его свойствъ и совершенствъ не можно натурально намъ никогда Его прямо и такъ, какъ надобно, любить.

Вчетвертыхъ, какъ любовь наша къ земнымъ друзьямъ и наилучшимъ своимъ пріятелямъ приноситъ съ собою уже то слѣдствіе, что мы стара-

раемся во всемъ, въ чемъ можно, а особливо въ нравѣ, уподобляться своимъ прiятелямъ и перенимать у нихъ всѣ хорошiе поступки и поведенiя: такъ равно и любовь къ Богу должна имѣть такоежъ дѣйствiе и побуждать насъ во всемъ томъ уподобляться Богу, въ чемъ безъ нарушенiя Его святой воли уподобляться намъ можно, и въ чемъ уподобляться Ему Онъ самъ намъ повелѣваетъ. Сiе составляетъ четвертое и великаго примѣчанiя достойное свойство любви нашей къ Богу.

Впятыхъ, любовь къ нашимъ друзьямъ и милостивцамъ приноситъ то слѣдствiе, что мы получаемыя отъ нихъ себѣ милости, благодѣянiя и одолженiя стараемся какъ можно не позабыть, но чувствуя къ нимъ достойную за то благодарность, стараемся искать всякихъ случаевъ къ возблагодаренiю имъ за то взаимными какими нибудь услугами. Таковое точно слѣдствiе должна имѣть и любовь наша къ Богу. Она должна побѣждать насъ во всякое время помнить и не

не забывать всѣ оказанныя Богомъ намъ благодѣянiя и милости, и какъ всякое добро имѣемъ мы отъ Бога и Его даянiю оное приписывать должны, то обязуетъ насъ любовь къ Богу имѣть къ Нему достойную благодарность и стараться съ своей стороны о взаимномъ возмездiи. Но какъ Богу ничѣмъ мы за оныя отслужить не можемъ, то сiе возмездiе должно состоять единственно въ томъ, чтобъ мы полученное отъ Него добро употребляли во благо и на то, что наиболѣе согласуется съ Его святою волею, а не во зло и на противное Его хотѣнiю; ибо симъ однимъ можемъ мы Ему возблагодарить за оныя, да и Онъ сего одного отъ насъ за то требуетъ. Вотъ пятое свойство любви нашей къ Богу, которое столь же примѣчанiя достойно, какъ и прочiя.

Сiи суть свойства любви къ Богу, до которыхъ мы по единому сравненiю оной съ любовiю къ нашимъ прiятелямъ безъ труда добраться можемъ. Теперь пойдемъ далѣе и посмотримъ,

какiя

какія другія свойства показываетъ намъ сама натура.

И такъ вшестыхъ, когда всякое истинное добро отъ Бога начало и происхожденіе свое имѣетъ, то слѣдуетъ, чтобъ и желанія и требованія наши истинныхъ благъ къ Богу, какъ къ единому истинному подателю, были устремляемы. Сіе составляетъ шестое, слѣдующее само собою изъ любви и такое свойство оной, которое вкупѣ и дальнѣйшимъ средствомъ къ сохраненію и умноженію сей любви служитъ. Таковыя желанія и требованія называются въ пространномъ знаменованіи молитвою и моленіемъ, къ чему принадлежитъ хвала и прославленіе Бога, изустныя благодаренія за Его милости, благодѣянія и щедроты, и наконецъ самыя прошенія о нужныхъ и такихъ вещахъ, которыя бы согласовались съ Его святою волею, равно такъ, какъ мы и земныхъ нашихъ милостивцовъ и благодѣтелей во всякое время и повсюду хвалимъ, прославляемъ, благода-

дарим въ лице и заочно за ихъ милости, и во всякихъ нуждахъ первое къ нимъ беремъ свое прибѣжище и о чемъ надобно, ихъ просимъ. Таковыя моленія къ Создателю своему повелѣваетъ намъ какъ можно чаще имѣть сама натура и таковыхъ требуетъ отъ насъ и самъ нашъ Производитель. Пунктъ сей великаго примѣчанія достоинъ. Богъ, будучи всѣхъ благъ податель, и самой тотъ, отъ котораго мы все, что ни имѣемъ, получили и впредь получить можемъ, хощетъ того, чтобъ мы о томъ единаго Его просили и отъ Него всего ожидали, и ревнуетъ, естьли мы того не исполнимъ и на самихъ себя болѣе надѣяться станемъ: равно такъ, какъ и земному нашему благодѣтелю не инако, какъ досадно быть можетъ, естьли мы, будучи увѣрены, что онъ намъ помочь можетъ, находясь въ нуждѣ, не къ нему, а къ чему нибудь иному и такому, что намъ пособить не можетъ, возъимѣемъ прибѣжище, или на себя слишкомъ уже много надѣяться станемъ.

Таковая надежда на помощь и неоставленіе Всемогущаго Бога составляетъ седьмое свойство любви, извѣстное подъ именемъ упованія на Бога; но которое однако легко можетъ быть неосновательно и суетно, а имянно въ таковомъ случаѣ, естьли мы будемъ просить и ожидать отъ Бога такихъ вещей, которыя не согласны съ добродѣтелію и не составляютъ для насъ истинныхъ благихъ; или когда мы будемъ безсомнѣнно ожидать того, о чемъ подлинно не знаемъ, составляетъ ли оно истинное благо и произведетъ ли существительную намъ пользу? Такимъ образомъ молитва неотмѣнно должна сопрягаема быть съ упованіемъ на Бога и добродѣтельною жизнію.

Въ осьмыхъ, какъ Богъ безконечно правосуденъ и существа своего перемѣнить не можетъ, слѣдовательно учиненныя нами предъ Нимъ преступленія неотмѣнно наказать долженъ: то когда мы Его любимъ, то напоминаніе и помышленіе о семъ долженствуетъ

ствуетЪ насЪ побуждать кЪ великой осторожности, чтобЪ намЪ Его ничѣмЪ не прогнѣвлять и чрезЪ то не принуждать милостиваго и благоутробнаго, но притомЪ всесовершеннѣйшаго Бога себя наказывать: равно такЪ, какЪ и вЪ разсужденіи земныхЪ нашихЪ милостивцевЪ, друзей и благодѣтелей самая любовь наша кЪ нимЪ побуждаетЪ насЪ всего того бѣгать, опасаться и не дѣлать, о чемЪ мы знаемЪ, что то будетЪ имЪ противно и неугодно и за что по должности и чину своему они насЪ неотмѣнно наказать должны. Сіе прогнѣвленіе Бога ни вЪ чемЪ иномЪ состоитЪ, какЪ вЪ неисполненіи того, чего ОнЪ по праву отЪ насЪ требовать можетЪ и кЪ исполненію чего обязаны мы должностію. Таковая изЪ любви проистекающая осторожность и опасеніе Его прогнѣвлять и называется дѣтскою боязнію и страхомЪ; потому что намЪ Его не инако, какЪ дѣтямЪ отца бояться надобно, которая боязнь весьма отмѣнна отЪ такЪ называемаго рабскаго страха, состоящаго вЪ

такомъ душевномъ состояніи, когда бы мы охотнѣе хотѣли, чтобъ не было намъ никакого дѣла до Бога. Но какъ сего не можно, то, почитая волю Его неизбѣжимымъ для себя худомъ, только для того оную исполняемъ, чтобъ избѣжать чрезъ то наказанія. Почему таковой страхъ не инако, какъ величайшимъ порокомъ почесться можетъ, и Всемогущему нашему Богу крайнѣ противенъ; потому что Онъ хочетъ, чтобъ мы все требуемое Имъ изъ любви и охотнаго послушанія, а не изъ подъ неволи, и такъ сказать, не изъ подъ палки дѣлали.

Девятое свойство любви къ Богу состоитъ въ томъ, чтобъ мы Ему воздавали должное почтеніе и почитали Его выше всего на свѣтѣ, чего Онъ, будучи всѣхъ тварей безконечно превосходнѣйшее существо и источникъ всѣхъ совершенствъ, по справедливости и достоинъ, и къ чему обязаны мы наивеличайшею должностію. Впрочемъ изъ сего почтенія долженствуетъ

ствуетъ проистекать истинное подобострастіе къ Богу, то есть изъ почтенія и познанія нашей отъ Него зависимости проистекающее отвращеніе отъ всѣхъ такихъ дѣлъ, которыя несогласны съ Его святыми совершенствами, и въ разсужденіи содержанія нашего противъ такого великаго Бога намъ не приличествуютъ.

Наконецъ десятое свойство и опытъ любви нашей къ Богу долженъ состоять въ томъ, чтобъ мы къ великому своему Богу оказывали наивеличайшую покорность и уничиженіе и всего меньше предъ Нимъ превозносились, но паче признавались бы предъ Нимъ въ своей ничтожности, помнилибъ, что Онъ безконечно предъ нами превозвышенъ и мы предъ Нимъ прахъ и ничто, и потому приписывали бы все Его милости и подвергали бы себя безъ всякаго изъятія и прекословія всѣмъ Его повелѣніямъ и правленію, и охотнобъ принимали все то, что Онъ съ нами по святымъ своимъ и неисповѣдимымъ судьбамъ учинить ни соблаговолитъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ существо, и вотъ какія свойства истинной и такой любви къ Богу, какой Онъ отъ насъ требуетъ. Теперь судите сами, любезной читатель, сколь отмѣнна отъ сей любви та, какую многіе имѣть въ себѣ думаютъ, и сколь далеко сія предъ тою преимуществуетъ. Сравните сію съ оною и скажите: любовь ли то къ Богу, когда мы ежедневно говоримъ, что любимъ, любимъ Бога, а ни малѣйшаго почти угоднаго Ему дѣла сдѣлать не хотимъ, но всю свою жизнь, всѣ дни и часы въ такихъ дѣлахъ препровождаемъ, которыя ему крайнѣ неугодны и противны; всѣ же повелѣнія и увѣщеванія Его въ ничто поставляя, объ нихъ и мыслить не предпринимаемъ. Походитъ ли то на любовь, что мы не хотимъ для угожденія Ему ни малѣйшаго труда предпріять, ни малѣйшею склонностію Ему жертвовать, ни малѣйшей страсти преодолѣть и въ угодность Ему малѣйшее себѣ насиліе и принужденіе сдѣлать? А когда что хорошее и предпринимаемъ, такъ и

то не для единаго угожденія Ему, но для иныхъ какихъ нибудь себѣ пользъ и выгодъ. Изрядная любовь и изрядные оной опыты! Ахъ! нѣтъ, любезной читатель, нѣтъ! скройтесь съ такою любовію: такая любовь не можетъ и тѣнью любви назваться. И естьли мы только такую любовь имѣть будемъ, то отъ истинной еще такъ далеко отдалены будемъ, какъ небо отъ земли, и всѣ наши повторенія сего святаго слова составлять будутъ пустой только звукъ, и по словамъ Апостола, мѣдь звѣнящую и бряцало звучащее. Нѣтъ, въ такой любви немного проку, и такой имѣть я бы вамъ не совѣтовалъ. А естьли хотите любить Бога, то любите получше и любите дѣломъ, а не одними словами. Старайтесь обратить сердце свое къ Нему, сдѣлайте его Ему совсѣмъ преданнымъ и пріучите оное любить Его такъ, какъ сталобъ оно любить, естьлибъ имѣли вы у себя на землѣ великаго какого нибудь милостивца и благодѣтеля, или какъ хотѣлибъ вы сами любимы быть, естьлибъ были

на мѣстѣ онаго и имѣли у себя такого немощнаго и вами взысканнаго, хранимаго, защищаемаго, питаемаго и благодѣяніями вашими осыпаннаго раба и подданнаго. Но что я говорю? вамъ должно любить Его еще несравненно болѣе и любить такъ, чтобъ вамъ для угожденія Ему не тяжело было ничто предпріять и сдѣлать, и чтобъ вы для Него охотно могли разстаться съ любимѣйшими своими пристрастіями и безсмущенно жертвовать всемъ, что имѣете у себя любезнаго, и что отъ Него получили, какъ скоро Онъ того отъ васъ потребуетъ, и единственно только для того, чтобъ тѣмъ только Ему угожденіе сдѣлать. Вотъ какая любовь мила будетъ вашему Производителю! И таковая-то въ состояніи будетъ принесть вамъ тысячи пользъ и выгодъ, умножить ваши увеселенія и сдѣлать васъ благополучными; ибо въ семъ случаѣ, при всякомъ произведенномъ вами хорошемъ и богоугодномъ дѣлѣ, одно слово, что вы чрезъ то угодность сдѣлали безконечному своему

ему

ему Благодѣтелю, Творцу и Милостивцу, и одна мысль о семъ въ состояніи уже будетъ наполнять духъ вашъ сладчайшимъ и пріятнѣйшимъ увеселеніемъ.

Но сего еще не довольно: пойдемъ далѣе по сей стезѣ, любезной читатель, и станемъ такимъ же образомъ и прочія свойства истинной любви сравнивать съ свойствами любви ложной и мечтательной. Не излишнее сіе будетъ дѣло, но полезное и намъ крайнѣ надобное; почему и уповаю я, что вы тѣмъ не поскучите и мнѣ охотно отпустите, что я задержу васъ еще на минуту. — Я спрошу опять васъ, любезной читатель, любовь ли то къ Богу и походитъ ли то на истинную любовь, когда мы языкомъ говоримъ, что Его любимъ, и устами исповѣдуемъ, что Онъ всемогущій и премудрый Вседержитель и Обладатель всего міра, безъ коего власти и соизволенія ничто на свѣтѣ быть не можетъ, и когда не споримъ и утверждаемъ, что проис-

ходящее съ нами не инако, какъ по Его воли и соизволенію бываетъ, и что Онъ объ насъ во всякое время старается, печется и насъ любитъ, а въ самомъ дѣлѣ не хотимъ ни малѣйшаго противнаго случая перенесть охотно и безъ роптанія, и быть довольными всѣми Его судьбами и промыслами, но начинаемъ тотчасъ жаловаться, роптать, досадовать и печалиться, какъ скоро что нибудь не по нашимъ желаніямъ и не такъ, какъ бы намъ хотѣлось, сдѣлается, или происходить станетъ, равно такъ, какъ бы происходило то совсѣмъ безъ Его соизволенія, и въ свѣтѣ ни провидѣнія, ни промысла Господняго не было, но все по слѣпому случаю дѣлалось? Походитъ ли сіе, говорю, на истинную любовь, и какъ можно сообразить съ симъ ежедневно повторяемыя нами слова: да будетъ воля Твоя яко на небеси и на земли? Не выдетъ ли изъ того сущее лицемѣрство, когда мы устами то, а сердцемъ иное говорить будемъ? и можетъ ли тутъ уже прямая любовь къ тому быть,

когда

когда изъявляемъ на кого всегдашнее неудовольствіе, приносимъ жалобы, ропщемъ и негодуемъ? Нѣтъ, любезной читатель, не знакъ любви, а знакъ ненависти мы чрезъ сіе оказываемъ; ибо истинной любви сіе далеко не совмѣстно, и она не можетъ производить такого дѣйствія. Но кто прямо кого любитъ, и кто прямо удостовѣренъ, что Творецъ объ немъ печется и промышляетъ, тотъ охотно и безъ малѣйшаго роптанія сноситъ уже все то, что сему великому Господу ни угодно съ нимъ учинить; ибо вѣдаетъ и не сомнѣвается въ томъ, что Онъ по любви своей къ нему ничего злаго и существительно вреднаго надъ нимъ не учинитъ и произойти не попуститъ. Вотъ прямой опытъ и свидѣтельство истинной любви нашей къ Богу! и коль щастливы былибъ мы, и коль великаябъ польза намъ произошла, естьлибъ мы почаще сей опытъ любви своей Ему оказывали и охотно подвергались во всемъ Его воли! Какихъ бы горестей и количихъ досадъ и прискорбій мы чрезъ то избавились,

и сколь много поспѣшествовалибъ чрезъ то благополучію нашему, умалчивая о томъ, что мы, въ семъ случаѣ снося все съ терпѣніемъ, самыя горести и печали въ увеселеніе себѣ превращали! Ибо тогда самая та мысль, что мы чрезъ то дѣлаемъ Богу угодное и пріятное дѣло, могла бы духъ нашъ наполнять великимъ и неописаннымъ удовольствіемъ.

Такимъ же образомъ спрошу я васъ, дорогой читатель, можетъ ли то съ истинною любовію къ Богу хоть мало согласоваться, когда многіе хотя всякой день и всякой почти часъ твердятъ святое имя Господне и изъ устъ оное почти не выпускаютъ, но сердца ихъ ни малѣйшаго при томъ не ощущаютъ чувствія, равно такъ, какъ бы у нихъ тогда Бога совсѣмъ и на умѣ не было, и они только по привычкѣ одинъ церемоніялъ и пустой звукъ устами своими произносили? А другіе еще того хуже, цѣлой вѣкъ препровождаютъ, моляся и напоминая всякой день Бога и показывая видъ, что они

они Его любятъ и Ему усердствуютъ, но о семъ своемъ Богѣ толь малое понятіе имѣютъ, что когда объ Немъ у нихъ спросить, то либо ничего сказать не могутъ и въ незнаніи своемъ признаться принуждены, либо предъявить, но такія мысли, которыя очевидно величайшее ихъ въ семъ случаѣ невѣжество изъявляютъ, умалчивая о томъ, что многіе совсѣмъ странное и такому великому Существу далеко непристойное понятіе объ Немъ имѣютъ, а о святыхъ Его и безконечныхъ свойствахъ и совершенствахъ ничего не вѣдаютъ, или, еще того хуже, дѣлаютъ развратные и такіе толки и разсужденія, коихъ безъ ужаса слышать не можно. Можно ли, говорю, такія обстоятельства согласовать какимъ нибудь образомъ съ истинною любовію къ Богу? Можно ли намъ того прямо любить, о комъ не хотимъ мы никогда прямо помыслить? Можно ли того любить, кого мы очень мало, или вовсе не знаемъ? и можно ли, чтобъ въ насъ любовь къ Нему уже была, когда мы и позна-

познавать Его никогда еще не предпринимали, да и нынѣ никогда предпріять того не хотимъ? Можно ли, говорю, любить, когда мы никогда о великихъ Его свойствахъ и совершенствахъ живо не помышляли и оныя себѣ прямо не воображали? Можно ли любить, когда мы никогда съ Нимъ прямо и отъ сердца своего и такъ, какъ съ присутствующимъ подлѣ себя Господемъ, не говаривали, да и о разговорахъ такихъ не слыхивали, да и понятія не имѣемъ? Нѣтъ, любезной читатель, любовь наша въ семъ случаѣ будетъ весьма еще недостаточна. Ей не можно и начала своего до того возъимѣть, покуда не узнаемъ мы Бога нѣсколько поближе, и не доведемъ себя до того, чтобъ помышленія о Его свойствахъ и совершенствахъ и воображеніе оныхъ насъ въ трепетъ и содроганіе приводили. Тогда только, а не прежде, можемъ мы прямо любить Его начинать и съ Нимъ, такъ какъ надобно съ Богомъ, говорить и разговорами такими неописаннымъ образомъ увеселяться. О!

какого благополучія лишаются тѣ, кои о семъ никакого понятія не имѣютъ и никогда въ жизнь свою сего не испытывали и сего сладчайшаго увеселенія не ощущали! Коль желалъ бы я, чтобъ вы, дорогой читатель, къ числу сихъ не принадлежали, и мнѣ не былобъ нужды предпринимать невозможное почти дѣло, то есть увѣрять васъ въ томъ, чему вы, не испытавъ опытомъ своимъ, никогда не повѣрите, а имянно, что нѣтъ ничего пріятнѣе, нѣтъ ничего сладчае тѣхъ разговоровъ, которые мы можемъ всякой часъ втайнѣ имѣть съ нашимъ вездѣ присутствующимъ и такимъ Создателемъ, котораго мы любимъ и почитаемъ себѣ милостивцомъ, благодѣтелемъ, защитникомъ и покровителемъ, и о любви котораго къ себѣ не сомнѣваемся, и что таковые сладчайшие и съ слезами радости соединенные разговоры наивеличайшую часть благополучія нашего составлять могутъ!

Тако-

Таковоежъ несогласіе найдемъ мы, естьли и прочія упомянутыя мною свойства любви разсматривать и ихъ съ обыкновенною и несовершенною любовію сравнивать станемъ, какъ на примѣръ: когда истинная любовь должна необходимо имѣть то свойство, чтобъ мы любимой нами особѣ во всемъ старались уподобляться, то скажите, дѣлаютъ ли сіе въ свѣтѣ, кои говорятъ, что они любятъ Бога? Стараются ли они Ему уподобляться, и перенимаютъ ли у Него что нибудь хотя малое? Ахъ! сей важной пунктъ, не смотря, что онъ намъ въ особливости подтвержденъ, у насъ вовсе въ забвеніи и мы объ немъ всего меньше помышляемъ. Ежели спросите меня, въ чемъ же намъ должно уподобляться Богу, на сіе отвѣтствую, что уподобляться намъ должно Богу въ томъ, въ чемъ Онъ самъ намъ повелѣваетъ. Напомните, что о семъ Спаситель нашъ нѣкогда сказалъ: будите убо совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть; будите убо милосерды, якоже и Отецъ вашъ милосердъ

сердъ есть. Что иное сіе значитъ, какъ не то, чтобъ мы въ нравственномъ нашемъ состояніи уподоблялись нашему небесному Отцу и Богу, или чтобъ святыя свойства Его воли были образцомъ, по которому и мыбъ свою волю устрояли, то есть: какъ Отецъ нашъ небесный святъ и не любитъ всякое зло и неправду, а любитъ истинну, такъ надобно, чтобъ и мы въ томъ же Ему уподоблялись и не любили зло и неправду, а любили истинну. Какъ великій нашъ Создатель любитъ всѣхъ человѣковъ безъ изъятія, такъ надобно, чтобъ и мы также всѣхъ и самихъ нашихъ непріятелей любили. Какъ безконечный Производитель нашъ милостивъ, милосердъ, благоутробенъ, праведенъ и долготерпѣливъ, такъ хочетъ, чтобъ и мы таковымижъ были, и такъ далѣе. Однимъ словомъ, намъ должно перенимать и за правило себѣ поставлять всѣ Его нравственныя свойства и совершенства, и въ томъ состоитъ требуемое Имъ Ему уподобленіе.

Ежели спросите меня, къ чему бы сіе надобно было, то скажу, что надобно сіе для трехъ причинъ: вопервыхъ для того, чтобъ чрезъ то возвратить намъ себѣ тотъ образъ и подобіе Божеское, по которому мы сначала созданы и коего чрезъ паденіе Адамле мы лишились. Вовторыхъ, чтобъ чрезъ такое уподобленіе нравъ нашъ часъ отчасу болѣе согласовался съ нравомъ Божескимъ, которое согласіе къ любви необходимо надобно, и безъ коего она быть не можетъ, какъ то мы и въ примѣрахъ любви нашей къ друзьямъ видимъ и довольно знаемъ, что безъ согласія нравовъ не можетъ быть никогда истинной любви. Втретьихъ, что такое уподобленіе будетъ служить намъ въ великую пользу и сдѣлаетъ насъ добродѣтельными и любезными Богу, и чрезъ самое то и въ нынѣшней и въ будущей жизни благополучными. Вотъ къ чему требуется и надобно все сіе! Теперь подумайте, не достойно ли сіе великаго вниманія, и сколь много мы еще удалены отъ того,

го, чтобъ въ семъ случаѣ исполнить Божеское хотѣніе?

Что касается до пятаго свойства, или достойной благодарности Богу за оказуемыя Имъ къ намъ безчисленныя милости и благодѣянія, то что мнѣ и о семъ пунктѣ сказать? Не извѣстно ли и не довольно ли извѣстно, что и въ семъ случаѣ мы далеко не исполняемъ того, что намъ исполнять бы надлежало? Ежели разсудимъ безпристрастно о нашихъ Богу благодареніяхъ, то едва ли не найдемъ, что они въ единыхъ только словахъ, и то въ немногихъ, пустыхъ и такихъ словахъ состоятъ, о которыхъ сердце наше ничего не вѣдаетъ и не знаетъ; о возмездіи же Ему того всего меньше помышляемъ. Мы хотимъ только, чтобъ Богъ намъ ежедневно добро дѣлалъ и оказывалъ милости свои и благодѣянія, и требуемъ того такъ, какъ бы Онъ къ тому нѣкакимъ долгомъ былъ обязанъ и долженствовалъ намъ неотмѣнно добро дѣлать и исполнять наши прихоти и желанія; сами же о томъ и помыслить не хотимъ, есть

ли за что намъ сіе добро дѣлать, достойны ли мы того, чтобъ намъ оказуемы были всякія милости и благодѣянія, принимаемъ ли мы оныя такъ, какъ надобно, и стараемся ли Ему заточѣмъ нибудь отслужить? Ахъ! сей послѣдній пунктъ у насъ всего меньше на умѣ бываетъ. Но чтожъ выходитъ изъ сего? Не сущая ли неблагодарность къ нашему Милостивцу и Благодѣтелю? Не то ли, что мы за милости Его хотя словами и сквозь зубы благодаримъ, но въ самомъ дѣлѣ ни мало оныя не уважаемъ, или, того еще хуже, употребляя во зло, попираемъ ихъ ногами своими? Изрядное благодареніе и изящное любви нашей къ Нему доказательство! Ахъ! скрылись бы мы лучше съ такою любовію и стыдились бы и говорить, что мы Бога любимъ и за милости Его благодаримъ. Нѣтъ поистиннѣ въ насъ и тѣни истинной и такой благодарности, какой Онъ отъ насъ желаетъ. Онъ хочетъ, чтобъ мы оныя чувствовали и чтобъ милости Его не пропадали тщетно, но мыбъ оныя старались

лисѣ отслуживать, такѣ какѣ стараемся отслуживать и земнымѣ своимѣ милостивцамѣ и благодѣтелямѣ, и тѣмѣ любовь свою кѣ Нему доказывали. Но вѣ чемѣ же бы должно состоять сіе отслуживаніе? Ни вѣ чемѣ иномѣ, какѣ вѣ употребленіи во благо Имѣ низпосылаемыхѣ намѣ милостей и щедротѣ, то есть чтобѣ мы оныя употребляли на то, на что Онѣ намѣ оныя даетѣ и на что болѣе хощетѣ, чтобѣ мы ихѣ употребили. Не на то ли обогащаетѣ Онѣ насѣ избытками, умножаетѣ наше имѣніе, снабжаетѣ всѣми надобностями, чтобѣ мы избытками сими снабжали другихѣ и помогали паки тѣмѣ изѣ своихѣ сочеловѣковѣ, которые вѣ томѣ имѣютѣ великую надобность и терпятѣ великую нужду? . . . Но на то ли употребляемѣ мы оныя? Не совсѣмѣ ли на противное тому? Не на пріумноженіе ли нашихѣ роскошей, нашего мотовства, щегольства, великолѣпія и другихѣ подобныхѣ сему безпутствѣ и суетностей, или не дѣлаемся ли чрезѣ то только сребролюбивѣе, кѣ снисканію

 богат-

богатства алчнѣе и къ пріумноженію еще болѣе имѣнія и достатка своего жаднѣе и ненасытнѣе? Не позабываемъ ли совсѣмъ тотъ конецъ, на которой оныя намъ даются, и Божеское при даяніи оныхъ намъ хотѣніе? Помышляемъ ли мы тогда о снабдѣніи бѣдныхъ, о вспоможеніи нужнымъ, о избавленіи нещастныхъ изъ бѣдъ и напастей, ими претерпѣваемыхъ? Не всего ли меньше мы о томъ помышляемъ и помнимъ, и бываетъ ли намъ досужно думать тогда о такихъ пустошахъ? Но напротивъ того не препровождаемъ ли мы все свое время, не препровождаемъ ли дни и ночи въ вымыслахъ и помышленіяхъ только о томъ, какъ бы намъ распространить еще далѣе свои земли и пріумножить еще болѣе рабовъ, какъ бы одѣть себя и ихъ великолѣпнѣе, какъ бы построить домы огромнѣе и великолѣпнѣе, завесть заводы многоразличные, умножить экипажи и другія подобныя тому суетности сдѣлать и въ дѣйство произвесть? Не пріумножаются ли съ пріумноженіемъ имѣ-

нія

нія нашего и расходы наши? Не дѣлаемся ли мы еще бѣднѣе? Не получаемъ ли еще болѣе нужды въ деньгахъ и не жалѣемъ ли мы еще болѣе тратить ихъ на таковые ненадобные расходы, каковыхъ требуетъ Божеское хотѣніе, когда и на затѣи наши денегъ самимъ намъ не достаетъ и мы денно и ночно помышляемъ о томъ, гдѣ бы ихъ и на чемъ достать и себя ими снабдить было можно? Не правду ли я говорю, и не бываетъ ли всего того съ нами? Но сего еще не довольно; поступимъ далѣе и посмотримъ, какимъ образомъ и во что употребляемъ мы другія Божескія намъ дарованія. Не на то ли Богъ одаряетъ насъ природнымъ разумомъ и хорошимъ разсудкомъ, не на то ли низпосылаетъ случай къ исправленію и просвѣщенію нашего разума, чтобъ мы оной на лучшее познаніе Его и Божественныхъ Его свойствъ, воли и правленія, и на способнѣйшее самихъ себя исправленіе и на взаимное просвѣщеніе и исправленіе другихъ своихъ собратій, имѣющихъ въ томъ оскудѣ-

 ніе,

ніе, и другія сему подобныя святыя и до употребленія разума касающіяся должности употребляли? Но на то ли употребляемъ мы оныя дарованія? Не всего ли меньше мы о томъ заботимся и помышляемъ? Не позабываемъ ли паче, что мы то отъ Бога получили? Не присвояемъ ли то самимъ себѣ, и не употребляемъ ли все отмѣнное искусство и способность нашего разума на разныя только выдумки къ способнѣйшему пріумноженію имѣнія, чести и роскошей своихъ, также на діявольскіе обманы, *хитрости*, происки, злословія и лукавства, на выдумываніе удобнѣйшихъ средствъ къ удовольствованію страстей своихъ, и какъ бы намъ что нибудь сколько правдою, а вдвое того не правдою себѣ присвоить и съ предосужденіемъ ближняго своего себѣ получить, и другія тому подобныя злоупотребленія разума? А ежели далѣе разсмотрѣть, то не найдемъ ли, что многіе еще на гораздо хуждшее помянутыя способности своего разума употребляютъ, и вмѣсто того, чтобъ оной на лучшее

шее познаніе своего Бога и на выдумываніе удобнѣйшихъ средствъ къ исправленію своего сердца и къ умноженію любви своей къ Подателю своего разума употреблять, оной позабывъ, самихъ себя противъ самаго Его ополчаютъ и на выдумываніе проклятыхъ сомнительствъ, нечестивѣйшихъ злословій, хулы на самаго своего Производителя, Милостивца и Благодѣтеля и изыскиваніе хитросплетенныхъ и ядомъ преисполненныхъ возраженій противъ святыхъ Его откровенныхъ истиннъ для уловленія тѣмъ не знающихъ и безразсудныхъ и къ привлеченію невинныхъ и легковѣрныхъ въ такуюжъ бездну погибели употребляютъ, въ какой сами находятся. Великій Боже! коль велико долготерпѣніе, и коль непостижимы судьбы Твои, коими Ты терпишь такихъ немощныхъ, ничтожныхъ и неблагодарныхъ тварей, отваживающихся итти противъ Тебя и дерзающихъ Тебя злословить, причиняя тѣмъ великой вредъ между прочими Твоими созданіями!

Я надѣюсь, что вы, дорогой читатель, мнѣ въ томъ не поспорите, что таковые забывшіе самихъ себя люди дѣйствительно есть и по нещастію въ нынѣшнія времена въ довольномъ множествѣ. Но оставимъ ихъ, и пожалѣвъ только о ихъ заблужденіи, обратимся къ другимъ предметамъ и пойдемъ далѣе. Скажите мнѣ, не на то ли Всевышній низпосылаетъ намъ разные чины и достоинства, не на то ли превозноситъ насъ предъ многими другими и украшаетъ насъ честію, снабжаетъ властью и могуществомъ надъ прочими нашими собратіями и такимижъ своими созданіями, каковы и сами мы, и предъ коими сами отъ себя не имѣемъ мы ни малѣйшихъ преимуществъ; не на то ли поручаетъ во власть нашу многія сотни, многія тысячи народа, и заставливаетъ ихъ намъ служить, повиноваться и трудами своими насъ кормить, поить, одѣвать, согрѣвать, увеселять и снабжать всѣми другими потребностьми жизни, чтобъ мы сіе, за особливой знакъ Его къ себѣ любви

ви почитая, помнили, благодѣянія Его чувствовали, и соотвѣтствуя онымъ, нижшихъ себя и подчиненныхъ Имъ во власть нашу людей болѣе любили и ими съ такою благостію управляли, съ какою управляетъ Онъ міромъ, и тѣмъ бы были въ правленіи Его почти какъ помощниками и святыхъ Его намѣреній производителями. Но на то ли мы сіи незаслуженныя нами дарованія употребляемъ? Не совсѣмъ ли на противное тому? Не превозносимся ли чинами и достоинствами своими? Не служатъ ли они намъ наиболѣе только къ тому, что мы впадаемъ отъ нихъ въ гордость, надмѣніе и пышность, начинаемъ другихъ людей презирать, надъ ними превозноситься, забирать себѣ въ голову, что мы лучшія и предъ ними превосходнѣйшія созданія, и что прочіе люди для насъ созданы и сотворены? Надъ подчиненными своими не тиранствуемъ ли иногда совершенно и не поступаемъ ли такъ, какъ бы въ насъ никакого человѣчества,

сожа-

сожалѣнія, милосердія, любви и совѣсти не было и въ сердцахъ нашихъ не обитало, и какъ бы иногда съ самыми скотами поступать не годилось? Но къ чему мнѣ далѣе изображать всѣ злоупотребленія чиновъ и достоинствъ? Кому оныя не извѣстны и кто оныхъ не вѣдаетъ? Я то только повторю, что симъ ли и таковыми ли поступками надлежало намъ свидѣтельствовать Богу нашу благодарность за Его къ намъ толь особливыя милости? Ахъ! коль далеко удалена таковая благодарность отъ благодарности истинной и такой, какой Богъ отъ насъ требуетъ, и коль недѣйствительны будутъ въ такомъ случаѣ всѣ наши изустныя Ему благодаренія, сколькобъ мы оныхъ Ему ни приносили!

Тоже самое найдемъ мы, когда и о прочихъ милостяхъ и благодѣяніяхъ Божескихъ къ намъ разсудимъ и сравнимъ съ оными свои поступки. На то ли, на примѣръ, благословляетъ Онъ хорошими успѣхами всѣ дѣла наши, чтобъ

чтобЪ мы за то Ему благодарили забытіемЪ Его и вящшимЪ ожесточеніемЪ сердца нашего противЪ Его повелѣній? На то ли избавляетЪ ОнЪ насЪ отЪ бѣдЪ, напастей и болѣзней, чтобЪ мы того вовсе не чувствовали и благодарили Его ввергніемЪ себя еще вЪ распустнѣйшую предЪ прежнею жизнь и погрязали еще болѣе вЪ порокахЪ и беззаконіяхЪ? На то ли благословляетЪ ОнЪ насЪ здоровьемЪ, чтобЪ мы оное ни мало не берегли, но кЪ поврежденію онаго всѣ удобовозможныя мѣры снискивали и употребляли? На то ли одаряетЪ насЪ особыми способностьми кЪ наукамЪ и художествамЪ, чтобЪ мы оныя во зло и сочеловѣкамЪ своимЪ во вредЪ употребляли? АхЪ! нѣтЪ, не того ОнЪ отЪ насЪ, но совсѣмЪ инаго и противнаго тому всѣми сими и безчисленными другими благодѣяніями своими ищетЪ, и не до того насЪ доводить старается, чтобЪ мы чрезЪ то еще хуждшими сдѣлались, но ОнЪ хочетЪ, чтобЪ мы сдѣлались лучшими, все оное чувствовали и благодарили Его употреблені-

бленіемъ не во зло, а въ благо всѣхъ сихъ Его милостей.

Такимъ образомъ видите вы, что и благодарность наша далеко еще несовершенна и ни мало не согласуется съ истинною и такою любовію къ Богу, какую имѣть надобно. О коль великаго достоинъ сей пунктъ примѣчанія! Я могъ бы объ немъ еще болѣе съ вами говорить, естьлибъ не опасался, что сіе заведетъ меня въ великое пространство; чего ради прекратя, скажу только то, что чрезъ таковые неблагодарные поступки лишаемся мы весьма знатной части нашего благополучія и теряемъ произвольно тысячи увеселеній, какими бы въ противномъ случаѣ могли ежедневно наслаждаться. Примѣчаете ли, къ чему я сіе говорю и къ какой цѣли направляю свои мысли? Ежели нѣтъ, то въ объясненіе скажу, что естьлибъ мы старались Бога за всѣ Его милости въ доказательство любви нашей къ Нему выше изъясненнымъ образомъ и какъ надобно благодарить, то

то моглибъ получать очень часто наисладчайшія увеселенія, а имянно: тогдабъ всякая милость, оказанная нами въ семъ намѣреніи бѣднымъ, всякая услуга, одолженіе и неоставленіе нужнымъ, производили намъ внутреннее утѣшеніе, такъ какъ я о семъ прежде уже упоминалъ и доказывалъ собственными нашими чувствіями. А сколь многія утѣшенія можетъ производить употребленіе разума нашего во благо и на познаніе Бога, міра и самихъ себя, и съ какою пріятностію сопряжены дѣлаемыя нами собратіямъ своимъ въ семъ случаѣ вспоможенія, то довольно извѣстно тѣмъ, кои въ жизнь свою въ семъ блаженномъ искусствѣ упражнялись. А такимъ же образомъ и прочія всѣ изъ благодарности и любви къ Богу проистекающія дѣла не инако, какъ пріятность и внутреннее душевное удовольствіе въ насъ производить и веселить неотмѣнно будутъ, естьли только будемъ дѣлать ихъ въ семъ намѣреніи, а не для иныхъ какихъ причинъ, и пріучимъ себя извлекать изъ нихъ сіи увеселенія,

нія, такъ какъ о томъ ниже упомяну.

Что касается до шестаго свойства истинной любви къ Богу, состоящей въ приношеніи Ему нашихъ прошеній и молитвъ, то естьли разсмотримъ и сей пунктъ, то и въ немъ въ разсужденіи многихъ найдемъ мы великое несовершенство. Не большая ли часть людей наблюдаетъ въ семъ случаѣ наружной только церемоніялъ и молятся только либо для сотоварищества съ другими, либо для наблюденія древнихъ обрядовъ и обыкновеній, или для того, чтобъ не быть отъ людей зазираемыми? Но походитъ ли то на прошеніе и молитву къ такому великому Господу и всѣхъ благъ Подателю, каковъ нашъ Создатель есть, когда мы иногда и видъ только едва хотимъ дѣлать, что молимся, сердца же наши о томъ ни малѣйшаго знанія не имѣютъ? Но что я говорю? когда самыя мысли при томъ находятся въ отсутствіи и совсѣмъ другими предметами и вещами заня-

заняты. Достойна ли таковая молитва молитвою назваться, хотя бы она нѣсколько часовъ сряду продолжалась, и не сущее ли сіе и самое то Фарисейство, о которомъ священное писаніе говоритъ, и не лучше ли всего того одинъ усердной вздохъ и восклицаніе будетъ, естьли только отъ сердца происходить и прямо къ Богу устремленъ будетъ, такъ какъ о томъ тамъ же упоминается? Нѣтъ, любезной читатель, такая молитва и тѣни той *молитвы* не имѣетъ, какой хочетъ отъ насъ нашъ Производитель. Не таковаго многоглаголанія и не такого наружнаго церемоніяла Онъ одного отъ насъ требуетъ: Онъ хощетъ, чтобъ съ устами и сердце наше дѣйствовало, и чтобъ мы молились и просили Его не принужденно, безъ отягощенія, но изъ любви и не инако, какъ Отца и своего Благодѣтеля и такъ, какъ бы мы съ Нимъ съ лица на лице находились и дѣйствительно предъ Нимъ стояли, открывали Ему свои нужды и просили, какъ Отца, о Его вспоможеніи. И какъ таковую

прямо усердную молитву въявѣ предъ людьми не всегда отправлять можно, то для самаго того и хощетъ, чтобъ мы сколько въявѣ, а болѣе того втайнѣ такія моленія къ Нему имѣли и какъ можно чаще повторяли. Но коль мало такихъ, которые въ жизнь свою къ такой блаженной привычкѣ себя пріобучили, чтобъ повергать себя всюду и всюду и всякой часъ втайнѣ предъ Творцемъ и Создателемъ своимъ съ пылающимъ любовію сердцемъ и находить въ моленіи къ Нему и разговорахъ съ Нимъ наисладчайшее утѣшеніе, а проливая слезы восхищенія, чувствовать неописанное увеселеніе! Не большая ли часть такихъ, которые о таковыхъ Богу наипріятнѣйшихъ и для насъ блаженнѣйшихъ молитвахъ и свѣдѣнія не имѣютъ и ни однажды бываемаго при томъ утѣшенія не вкушали и сладости онаго не знаютъ?

Ежели разсмотрѣть далѣе и самое содержаніе нашихъ молитвъ, то и въ оном найдемъ великое несовершенство.

ство. Изъ прошеній и моленій нашихъ къ Богу только тѣ могутъ быть пріятны, кои приносимъ мы Ему о важнѣйшихъ и о такихъ вещахъ, которыя намъ существительно нужны и кои непротивны Его волѣ и добродѣтели; а мы напротивъ того заглушаемъ Его безчисленными и неотступными прозьбами о самыхъ иногда бездѣлицахъ, совсѣмъ неважныхъ, и о такихъ вещахъ, которыя Ему, какъ любящему насъ и погибели нашей не желающему Господу, никоимъ образомъ для собственной нашей пользы услышать и исполнить не можно, и послѣ негодуемъ, что молитвы наши не услышаны и прозьбы не исполнены. Какое безуміе и какая неосторожность! Мы разсуждаемъ о Богѣ по себѣ, и думаемъ, что и Онъ о всѣхъ вещахъ также думаетъ, какъ мы, и столь же надобными ихъ для насъ почитаетъ, сколь надобными онѣ намъ по наущенію страстей нашихъ кажутся, и хотимъ иногда, чтобъ Онъ грѣхамъ нашимъ былъ соучастникъ, помогалъ бы намъ

во злѣ, и исполняя наши негодныя прихоти, поспѣшествовалъ бы нашей погибели, и сами себя позабывъ, пѣняемъ, естьли того не исполнитъ, и жалуемся, что молитвы наши къ Нему недоходны, а малѣйшій противной случай всего скорѣе устами наказаніемъ Его именуемъ, а сердцемъ жестокостію, оказанною намъ отъ Него, почитаемъ и на то ропщемъ, позабывъ, что многія изъ сихъ, весьма рановременно нами иногда наказаніями почитаемыхъ бѣдствій, собственную для насъ пользу потомъ производятъ и произошли отъ единой Его любви и милосердія къ намъ. А что уже мнѣ о хвалѣ, прославленіи и изустномъ и публичномъ благодареніи Бога сказать, которое часть нашихъ истинныхъ молитвъ составлять долженствуетъ, когда нынѣ до того дошло, что многіе и упоминать имя Божеское въ компаніяхъ и бесѣдахъ опасаются, и для того только, чтобъ ихъ на смѣхъ не подняли и не освистали, а не только чтобъ хвалить и прославлять Его святое имя и свидѣтель-

тельствовать предъ всѣми чувствуемую къ Нему за милости Его благодарность. Однимъ словомъ, со всѣхъ сторонъ поступки наши въ разсужденіи сего пункта требуютъ великаго и весьма надобнаго исправленія.

Тоже самое можно сказать и о уповании нашемъ на Бога, какъ седьмомъ и весьма важномъ свойствѣ истинной любви къ Оному. Такъ ли мы на Него надѣемся, такъ ли уповаемъ, какъ на такого всемогущаго, насъ всегда любящаго и безсомнѣнно о нашей пользѣ всегда пекущагося, погубить насъ не желающаго, и такого Бога, Отца, Господа, Покровителя и Защитника надѣяться и уповать надобно, которому ничего невозможнаго нѣтъ и которой тысячу опытовъ любви, милости и неоставленія своего намъ въ жизнь нашу уже оказалъ и впредь и завсегда тоже дѣлать обѣщаетъ, и въ исполненіи обѣщанія, о чемъ мы сомнѣваться не можемъ? Согласуются ли въ семъ случаѣ слова наши съ дѣломъ, и

сіи послѣднія не доказываютъ ли совсѣмъ противное тому, и не явно ли свидѣтельствуютъ, что мы ни малѣйшаго почти истиннаго упованія на Него не имѣемъ? Въ словахъ ли однихъ должно состоять наше упованіе, и въ томъ ли въ одномъ, чтобъ мы устами ежедневно только твердили, что мы уповаемъ на Бога и во всемъ на Него полагаемся и вручаемъ все Его воли, а не успѣетъ малое что не по нашимъ желаніямъ и прихотямъ произойти, какъ приходимъ въ малодушіе, ввергаемся въ сѣтованіе и печаль и позабываемъ совсѣмъ то, что прежде говорили, и поступаемъ такъ, какъ бы мы не имѣли никакого у себя помощника, защитника и покровителя, и какъ бы то безъ воли и попущенія Божескаго сдѣлалось и Онъ бы не въ состояніи былъ то отвратить, естьлибъ Ему то учинить было угодно? Ахъ! скрылись бы мы лучше съ такимъ упованіемъ и стыдилися бы лучше и говорить, что мы на Него надѣемся и уповаемъ. Не упованіе то, а единое только пустословіе,

словіе, и пустословіе, Богу противное, а истиннаго упованія въ томъ и тѣни не бывало. Но что о семъ много говорить? кому несовершенство нашего упованія несвѣдомо и кто сему пороку не причастенъ? Я сожалѣю только, что неисполненіемъ того теряемъ мы наилучшее сокровище въ жизни, которымъ бы намъ владѣть и наслаждаться было можно, то есть великую часть нашего временнаго благополучія, множество наисладчайшихъ увеселеній и въ горестяхъ нашихъ наилучшихъ подпоръ и утѣшеній, такъ какъ о томъ я впереди въ своемъ мѣстѣ подробнѣе упомяну.

Не меньшее же несовершенство окажется, естьли мы сравнимъ и нашъ страхъ и боязнь Бога съ тѣмъ, какой страхъ и боязнь намъ имѣть надлежало, и которой, какъ выше упомянуто, долженъ составлять осьмое свойство любви нашей къ Богу. Въ томъ ли долженъ состоять истинной страхъ Божій, чтобъ только устами говорить и твердить, что мы боимся Бога, а въ самомъ

момъ дѣлѣ ни малѣйшаго вида страха и боязни къ Нему не оказывать? Я выше сего уже изобразилъ, въ чемъ состоитъ существо истиннаго страха и боязни къ Богу, а именно въ томъ, чтобъ мы, будучи удостовѣрены и памятуя, что Онъ хотя милостивѣйшее, благоутробнѣйшее, однако притомъ святѣйшее, правосуднѣйшее, всесовершеннѣйшее и такое Существо, которое никакого зла и преступленія безъ наказанія оставить не можетъ, старалися всѣми образами остерегаться отъ того, чтобъ Его худыми нашими дѣлами и поступками не прогнѣвлять и чрезъ то не принуждать себя противъ хотѣнія своего насъ наказывать, и чтобъ мы къ тому не такимъ страхомъ, какъ рабы къ господину своему, но такою боязнію, какъ благонравныя дѣти къ такому отцу своему, котораго любятъ и изъ любви прогнѣвлять опасаются, побуждались. Но такъ ли мы Господа своего боимся и такой ли страхъ въ себѣ имѣемъ? Вѣрно солжемъ и всклеплемъ на себя небылицу,

естьли

естьли сіе утверждать вздумаемъ. За вѣрное можно сказать, что и сотой человѣкъ не имѣетъ въ себѣ истиннаго страха дѣтскаго; а естьли отчасти и боится Бога, такъ боится такъ, какъ рабъ и невольникъ жестокаго своего господина, и естьли что изъ страха Божія и дѣлаетъ и предпринимаетъ, такъ дѣлаетъ только избѣгая и устрашаясь наказанія и гнѣва, а не съ тѣмъ, чтобъ дѣлалъ сіе изъ любви и нехотѣнія на гнѣвъ привесть своего Создателя и Его ослушаться. Не первое ли у всѣхъ насъ бываетъ то и слово, что мы за грѣхи свои мучиться будемъ, и что намъ, боясь сего мученія, дѣлать и Бога прогнѣвлять не надобно; о любви же къ Нему при томъ ни слова не упоминаемъ? Не тѣмъ ли однимъ и стращаемъ мы и себя и другихъ, когда къ чему убѣждать вздумаемъ? Слѣдовательно одно свойство Божеское напоминаемъ, а другое и то, которое бы могло насъ наиболѣе побудить, совсѣмъ позабываемъ. Но чтожъ отъ того и происходитъ? Не таковое ли

точно слѣдствіе, какое видимъ мы изъ опытовъ въ земныхъ примѣрахъ и въ случаяхъ, когда у какого милостиваго, но притомъ строгаго господина, есть ослушные, негодные и о любви къ нему ни мало не помышляющіе и все изъ подъ палки дѣлающіе рабы и подданные? Какъ сіи, затвердивши одну строгость господина своего, привыкли уже все со вздохами, не хотя и изъ единаго только страха и боязни дѣлать, и однажды ожесточившись, часъ отчасу болѣе и такъ ожесточаются, что ихъ оказуемыя имъ съ другой стороны отъ господина любовь и милости ни мало не трогаютъ: такъ и мы, затвердивъ уже однажды будущій гнѣвъ и наказаніе и правосудіе Господне, что и дѣлаемъ, такъ дѣлаемъ не хотя и со вздохами, и равно какъ изъ подъ палки и изъ принужденія, и щитаемъ себя уже на вѣкъ и невозвратно погибшими, и тѣмъ только часъ отчасу болѣе въ худыхъ своихъ дѣлахъ ожесточаемся и въ пагубное и Богу наипротивнѣйшее впадаемъ отчаяніе.

А при такихъ обстоятельствахъ можно ли и требовать того, чтобъ Божескія благости и благоутробіе могли насъ трогать и побуждать къ любви къ сему нашему Производителю, когда мы о томъ никогда не хотимъ и помыслить? Однимъ словомъ, за вѣрное бы можно сказать, что естьлибъ мы поболѣе о благостяхъ и благодѣяніяхъ Божескихъ къ намъ помышляли, и тѣмъ любить Его побуждаясь, изъ сей единой любви старались убѣгать отъ прогнѣвленія Его, какъ Отца своего, и любить и бояться Его, такъ какъ любятъ благонравныя дѣти своихъ родителей: то дѣло едваль бы не получше было и едваль бы не скорѣе мы могли себя исправить, умалчивая о томъ, что самое сіе могло бы великое поспѣшествованіе сдѣлать нашему благополучію.

Наконецъ много найдется недостаточнаго, естьли мы и послѣднія оба свойства любви, то есть почтеніе и нашу покорность предъ Богомъ, разсмотримъ и сравнимъ съ обыкновеннымъ

нымъ нашимъ почтеніемъ и покорностію, Ему оказуемою. Такого ли почтенія достоинъ великій всего міра и безконечный Производитель отъ такихъ малыхъ, немощныхъ и ничтожныхъ пылинокъ, каковы мы противъ Его, какое большая часть людей къ Нему имѣетъ? Такого ли подобострастія Онъ достоинъ и такую ли покорность и уничиженіе долженствовалибъ мы имѣть къ Оному, какую мы имѣемъ? Походитъ ли то на истинное и достойное почтеніе, подобострастіе и покорность, когда мы объ Немъ безъ всякаго особливаго почтенія завсегда говоримъ и святое Его имя всуе всюду и всюду употребляемъ; когда слово Богъ, вмѣсто того, чтобъ въ трепетъ приводить долженствовало насъ, ни мало не трогаетъ; когда при напоминаніи онаго мы остаемся безъ всякаго движенія духа; когда отваживаемся судить и рядить, для чего въ свѣтѣ то и то не такъ сдѣлано, дѣлается и происходитъ, равно такъ, какъ бы Богъ не умѣлъ оной создать, распорядить и имъ прави-

правительствовать; когда не хотимЪ принимать сЪ охотою и сЪ безмолвіемЪ всего того, что ОнЪ по святымЪ своимЪ и неисповѣдимымЪ судьбамЪ ни соблаговолитЪ сЪ нами учинить и устроить; когда всѣ повелѣнія Его и подтвержденія ни мало не уважаемЪ и грубѣйшее Ему ослушаніе сдѣлать за ничто ставимЪ? . . ПоходитЪ ли сіе, говорю, на истинное почтеніе и покорность, и могутЪ ли такіе и многіе другіе сему подобные наши поступки сЪ онымЪ согласоваться? АхЪ! они такЪ отЪ Него удалены, какЪ небо отЪ земли, и мы наигрубѣйшимЪ образомЪ лжемЪ, когда говоримЪ, что мы Его почитаемЪ и оказуемЪ Ему должную покорность. Не то бы произошло и происходить стало, естьлибЪ мы прямо Его и какЪ надобно почитали и имѣлибЪ кЪ Нему подобострастіе и покорность. ВЪ семЪ случаѣ единая бы мысль о существѣ и свойствахЪ нашего безконечнаго Бога стала насЪ вЪ пріятной трепетЪ приводить и каждоебЪ Его слово стали мы почитать за величайшую свя-

святыню, а каждое повелѣніе поставлять за величайшую важность, и объ исполненіи онаго помышлять денно и нощно.

Такимъ образомъ видите вы, любезный читатель, что нынѣшняя наша и обыкновенная любовь къ Богу далеко еще несовершенна и едва ли любовію назваться можетъ, и признаться теперь сами можете, что она требуетъ перемѣны и перемѣны великой, но необходимо надобной. Разсмотритежъ теперь сами себя и безпристрастно судите, какая любовь обитаетъ въ сердцѣ вашемъ: истинная ли, или ложная; и буде сія послѣдняя, то старайтесь же ее исправить и увеличить. Приступите къ сей великой и блаженной перемѣнѣ, удовольствуйте желаніе любящаго васъ Создателя, которой давно уже того отъ васъ ждетъ и желаетъ и съ радостію готовъ принять васъ въ свои объятія и самъ вамъ въ семъ великомъ дѣлѣ помогать, какъ скоро вы начнете, къ Нему прибѣгнете и

Его

Его о томъ попросите. Я увѣряю васъ, что вы тысячу разъ ту блаженную минуту благословлять станете, въ которую вы къ сему великому намѣренію прямо приступите, и въ предпріятіи сего дѣла вѣрно никогда не раскаетесь.

Но я заговорился уже слишкомъ много объ одномъ дѣлѣ, и мнѣ время уже итти далѣе. Извините меня, дорогой читатель, естьли я наскучилъ вамъ предслѣдующею матеріею. Важность оной и обстоятельство, что на любви къ Богу, какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, основывается наиглавнѣйше все наше благополучіе, завели меня въ сіе пространство. Теперь о любви къ другимъ человѣкамъ буду уже съ вами короче говорить и можетъ быть такъ много не наскучу.

Что касается до любви къ другимъ человѣкамъ, или къ своему ближнему, то объ ней вообще могу сказать, что она великое согласіе имѣетъ съ любовію къ Богу и сопряжена съ нею

нею найтѣснѣйшимъ образомъ и неразрывно. Обѣ онѣ другъ безъ друга быть не могутъ, потому что одна на другой имѣетъ свое основаніе; ибо любить Бога мы не можемъ, естьли не будемъ любить вкупѣ и человѣковъ; а когда человѣковъ истинно любить будемъ, то самимъ тѣмъ любовь свою и къ Богу свидѣтельствовать станемъ. Причину тому не трудно вамъ уже самимъ усмотрѣть и заключить, почему сіе такъ, а не инакъ быть должно. Въ изъясненіи свойствъ любви къ Богу читали вы, что наиглавнѣйшимъ и первѣйшимъ свойствомъ, или паче самымъ существомъ сей любви, ничто иное есть, какъ охотное исполненіе воли Божеской. Но какъ воля и хотѣніе Божеское наиглавнѣйше въ томъ состоитъ, чтобъ мы ближнихъ своихъ, то есть всѣхъ прочихъ человѣковъ, любили, какъ самихъ себя, то натурально, не любя человѣковъ, не можемъ мы любить и Бога. Вотъ причина, для которой и въ священномъ писаніи говорится, что когда будемъ любить

Бога,

Бога, а брата своего ненавидѣть, такъ то ничто иное, какъ ложь будетъ, и вотъ для чего любовь къ ближнему толь многократно и сильно въ оном какъ самимъ Спасителемъ, такъ и Апостолами Его подтверждается.

Ежели пожелаете, чтобъ я вамъ и сію любовь изъяснилъ и сказалъ, въ чемъ истинная любовь къ ближнему состоять должна, то на сіе также не многими словами вамъ отвѣтствовать могу, и словами, сказанными нѣкогда Тѣмъ, коего каждое слово наивеличайшаго уваженія достойно, а именно: вся убо, елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ: се бо есть законъ и Пророцы. То есть: поступайте со всѣми людьми такъ, какъ бы вы хотѣли, чтобъ они съ вами поступали. Вотъ общее описаніе всей любви нашей къ человѣкамъ, и вкупѣ общее наставленіе и предписаніе какъ намъ съ ними обходиться, и что противъ ихъ дѣлать и предпринимать надо-

бно, буде мы ихъ прямо любить хотимъ. Ежели вамъ сіи слова священнаго писанія не довольно важны кажутся, или вы по нещастію привыкли имѣть къ нимъ нѣкое нынѣ весьма обыкновенное отвращеніе, то прочтите книги древнихъ Философовъ и нравоучителей, говорившихъ по единому натуральному просвѣщенію разума. Послушайте, что сама натура говоритъ. Вы найдете самое тоже, и увидите, что и они точно тоже правило за главнѣйшее во всемъ нравоученіи почитали и всѣ единогласно намъ внушаютъ и твердятъ, чтобъ мы дѣлали все то людямъ, что себѣ хотимъ, а не дѣлалибъ всего того другимъ, чего бы сами себѣ отъ нихъ не хотѣли, и что въ сихъ немногихъ словахъ вся связь нравоученія и всѣ наши многочисленныя должности замыкаются.

Вотъ короткой отвѣтъ на вашъ вопросъ и изъясненіе существа истинной любви къ человѣкамъ. Я бы могъ вамъ сіе далѣе изъяснить, естьлибъ

либъ не боялся, что заведетъ меня сіе опять въ великое пространство, и что я вамъ тѣмъ наскучу. Чего ради оставлю самимъ вамъ извлекать изъ сихъ словъ всѣ проистекающія изъ нихъ слѣдствія и добираться до всего того, чѣмъ намъ любовь свою человѣкамъ доказывать надобно.

Однако, какъ не смотря, что слова и правило сіе всѣмъ довольно извѣстно, оно всего меньше наблюдается, и потому любовь наша къ людямъ далеко несовершенна и не такова, каковою ей быть бы надлежало, и каковою хочетъ Богъ, чтобъ она была: то необходимость заставляетъ меня включить сюда хотя нѣсколько словъ въ обьясненіе. Не поскучьте ими, дорогой читатель: они не менѣе вамъ могутъ быть полезны, какъ и предслѣдующее обьясненіе любви къ Богу; а буде не вамъ, такъ по крайней мѣрѣ другимъ, а особливо тѣмъ, которые всего чаще несправедливѣйшую приносятъ жалобу, что они радибъ жить, какъ надобно, и дѣлать то, что

угодно Богу, но они не знаютъ того, что дѣлать, и ихъ никто тому будто не учитъ. Мнѣ хочется пристыдить ихъ въ сей лжи и доказать, что учитель у всякаго есть, и учитель не наемной, но всегда при нихъ находящійся, то есть собственное ихъ сердце, и что естьлибъ хотѣли только они вышеупомянутымъ словамъ и гласу самой природы слѣдовать, такъ не было бы имъ нужды ни въ какихъ нравоучителяхъ, но собственныя ихъ чувствія наставлялибъ ихъ всегда, какъ имъ и противъ Бога и противъ сочеловѣковъ поступать и какъ съ ними обходиться.

Вотъ какимъ образомъ я сіе имъ докажу, а имянно: когда Спаситель нашъ намъ сказалъ, что весь законъ и всѣ Пророки въ томъ только состоятъ, чтобъ намъ то другимъ дѣлать, что сами себѣ отъ нихъ видѣть и получить хотимъ, а того не дѣлать, чего себѣ не хотимъ; когда самое тоже сама натура намъ гласитъ и всѣ свѣтскіе нравоучители подтвержда-

ждаютЪ; когда, говорю, истинна сія неоспорима и правило сіе всѢмЪ намЪ довольно извѢстно и мы оному сЪ младенчества наслышались, и когда наконецЪ правило сіе такЪ ясно, такЪ удобопонятно, такЪ просто, что не требуетЪ никакихЪ толкованій и изЪясненій и всякому оное самому довольно понять и разумѢть можно: то кЪ чемужЪ потребны намЪ нарочные нравоучители и не можно ли намЪ по нуждѢ и совсѢмЪ безЪ нихЪ обойтися? Не можетЪ ли собственное наше сердце заступить оныхЪ мѢсто и быть нашимЪ всегдашнимЪ учителемЪ и наставникомЪ: то есть, не могутЪ ли всякому собственныя его желанія и хотѢнія быть вЪ семЪ случаѢ руководителями и сказывать, что намЪ дѢлать, и чего не дѢлать надобно? Ибо не уже ли мы такЪ глупы и неразсудительны, что не можемЪ и того разобрать, что собственно хотѢлибЪ мы, чтобЪ люди намЪ оказывали и чегобЪ видѢть отЪ нихЪ не хотѢли, и потому узнать, что намЪ и имЪ дѢлать и чего не дѢлать на-

добно? А когда сіе учинитъ всякой въ состояніи, то на чтожъ говоритъ, что мы не знаемъ и насъ никто не учитъ, и тѣмъ прикрыватъ только свое нехотѣніе исполнятъ повелѣнія Бога и самой натуры.

Поистиннѣ можно сказатъ, что естьлибъ мы поменьше старались себя во всякомъ случаѣ извинятъ; естьлибъ поболѣе уважали повелѣнія Господни, почаще о самихъ себѣ и о должностяхъ своихъ размышляли и поболѣе о истинной своей пользѣ, и наконецъ того бы ложнаго мнѣнія у насъ затверждено не было, что заповѣди и повелѣнія Господни трудны и исполненіе оныхъ неудобовозможно: то едваль бы дѣло было не лучше, едваль бы для насъ не похвальнѣе и не полезнѣе. Въ такомъ случаѣ легко бы всякой самъ себѣ могъ быть наилучшимъ наставникомъ и нравоучителемъ, и узналъ бы скоро, что ему дѣлатъ и чего не дѣлатъ надобно; также и о возможности произведенія того въ дѣйство престалъ бы сомнѣваться; ибо

ибо натурально, не въ томъ ли одномъ долженствовало состоять все дѣло, чтобъ намъ во всякое время и всякой разъ, какъ ни случится намъ имѣть съ какимъ нибудь человѣкомъ какое дѣло, становить въ мысляхъ его на свое, а себя на его мѣсто, и самихъ себя спрашивать, чтобъ на примѣръ хотѣлъ я, чтобъ онъ со мною сдѣлалъ, естьлибъ теперь онъ на моемъ, а я на его мѣстѣ былъ? Сердце бы наше тотчасъ тогда шепнуло намъ на ухо, и намъ бы нужно только сему гласу его слѣдовать.

Примѣры сіе наилучше доказать и объяснить могутъ; чего ради коснемся главнѣйшихъ случаевъ и пробѣжимъ вскользь нѣкоторыя наиважнѣйшія до любви къ ближнему касающіяся должности, и посмотримъ въ практикѣ, какимъ бы образомъ могла насъ учить сама натура и наставлять что дѣлать.

Первою и наиглавнѣйшею должностію почитается то, чтобъ мы ко

всѣмъ прочимъ людямъ оказывали и имѣли истинную любовь, для того что они такія же точно созданія, какъ мы, единымъ съ нами Богомъ созданы, таковымижъ одарены преимуществами, къ таковомужъ концу назначены, и притомъ такія, предъ которыми мы никакихъ существительныхъ преимуществъ не имѣемъ, и съ коими по распоряженію натуры назначено намъ жить, обходиться, взаимно другъ другу служить и помогать во всѣхъ надобностяхъ, для того что какъ имъ наша, такъ не менѣе и намъ ихъ помощь и услуги необходимо надобны. Теперь спрошу я каждаго, не хотимъ ли мы, чтобъ насъ всѣ люди любили и любилибъ прямо чистосердечно и нелицемѣрно, и найдется ли кто, которой бы хотѣлъ быть всѣми нелюбимъ и ненавидимъ? Естьлижъ хотимъ, чтобъ насъ люди любили; естьли требуютъ сего отъ нихъ и уста наши и сердце; естьли первые мы готовы взыскивать и жаловаться, какъ скоро люди насъ любить не будутъ,

дутъ, а по вышеписанному правилу, намъ то противъ людей дѣлать надобно, чегобъ мы себѣ отъ нихъ хотѣли: то не слѣдуетъ ли само собою, что и намъ ихъ обратно и такимъ же точно образомъ любить надобно, какъ хотѣли, чтобъ они насъ любили? Но почтожъ не дѣлаемъ мы сего, и почтожъ всего меньше о томъ помышляемъ? Отмѣнныя ли мы предъ ними какія созданія, что хотимъ и требуемъ только ихъ къ себѣ любви, сами же имъ равномѣрнымъ отвѣтствовать образомъ, отнюдь не хотимъ и не намѣрены? Откуда взяли мы такое право, чтобъ отъ нихъ однихъ сего требовать, и кто намъ однимъ такое преимущество предъ ними далъ? Не суетное ли только наше воображеніе и не пристрастія ли только наши? А въ самомъ дѣлѣ не такое же ли точно право, и они имѣютъ самаго тогожъ отъ насъ требовать, какъ и мы отъ нихъ? А потому не должны ли и мы также ихъ любить и любить искренно и чистосердечно, какъ хотимъ, чтобъ они

насъ любили? Но чтожъ мѣшаетъ намъ сіе дѣлать? Не за начиномъ ли только дѣло стало, и не знаемъ ли мы сами и не подтверждаютъ ли намъ многочисленные опыты, что рѣдкіе толь жестокосердечные найдутся, которыебъ не стали насъ взаимно любить, когда мы ихъ любить и знаки любви своей оказывать станемъ?

Это такъ, скажутъ мнѣ на сіе можетъ быть нѣкоторые; но кажется мы и безъ того ближнихъ своихъ любимъ, и какъ же намъ ихъ любить болѣе? Очень изрядно, скажу вамъ въ отвѣтъ, государи мои, и очень бы хорошо, естьлибъ слова сіи основаны были на справедливости и вы симъ мнѣніемъ себя только не обманывалибъ. Но сего-то самаго я всегда болѣе и опасаюсь; ибо знаю, какія кичливости имѣетъ въ себѣ сердце наше, и сколь скоро и непримѣтно можетъ насъ обмануть въ такихъ случаяхъ и увѣрить въ томъ, чего отнюдь еще не бывало. Чего ради совѣтовалъ бы

я вамъ въ семъ случаѣ взять осторожность и не скоро спѣшить таковыми заключеніями, но напередъ самихъ себя и всѣ свойства истинной любви разсматривать, и по тому уже заключать, имѣете ли вы, или не имѣете такой любви къ ближнему, какой всего болѣе и неотмѣнно требуетъ и повелѣваетъ имѣть вашъ Создатель.

Я не сомнѣваюсь, что многіе нашлибъ въ семъ случаѣ противное и устыдились бы прежняго своего мнѣнія, но признаться бы принуждены были, что любовь ихъ къ людямъ далеко еще несовершенна и не такова, каковою ей быть надобно. Истинная любовь къ человѣкамъ имѣетъ также свои свойства, какъ и любовь къ Богу, и самыми сими свойствами должно ее измѣривать.

Ежели спросите, какія же бы сіи свойства были, то на сіе скажу, что ихъ какъ самая таже натура, или сердце наше, намъ сказываетъ, такъ и священное писаніе описываетъ и из-

изображаетъ весьма явственно. Прочтите только проповѣдь, говоренную нѣкогда на горѣ Спасителемъ нашимъ; прочтите посланіе избраннаго имъ въ особливости Апостола, какъ найдете вы уже довольно ясное какъ существа, такъ и свойствъ сей любви изображеніе. Одни слѣдующія слова сего послѣдняго вамъ много уже сіи свойства объяснить могутъ, а именно: любы, говоритъ онъ, долго терпитъ, милосердствуетъ, любы не завидуетъ, любы не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своя си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется о истиннѣ, вся любитъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ, наконецъ, заключаетъ онъ, любы николиже отпадаетъ. Сіи слова, говорю, могутъ уже вамъ и безъ меня довольно объяснить свойства любви совершенной.

Однако, естьли вамъ надобно, или естьли противны слова священнаго писанія

ванія, и вамъ оное читать скучно, то пойдемъ другою дорогою, послѣдуемъ самой натурѣ и посмотримъ, не тоже ли самое и она вѣщать будетъ.

Я спрошу теперь вопервыхъ, не хотѣлибъ ли вы, чтобъ вамъ другіе люди охотно и вовсемъ услуживали и старались сыскивать къ тому случай? Не пріятны ли всѣ такія безъ заслугъ вашихъ оказываемыя вамъ услуги? Не крайнѣ ли вы бываете довольны такими людьми, и не получаете ли тотчасъ любви къ нимъ и нѣкоторой привязанности? Напротивъ того не досадно ли бываетъ вамъ, естьли родственники и пріятели ваши, равно какъ и знакомцы, вамъ ни въ чемъ служить не хотятъ, или когда ваши сдѣланныя кому услуги пропадаютъ тщетно и обратно не отслуживаются? Ежели сіе такъ, то по вышеписанному общему правилу не должно ли намъ самимъ имъ равномѣрнымъ образомъ соотвѣтствовать и такимъ же образомъ стараться во всякое время и при

при всякихъ случаяхъ имъ охотно и чѣмъ только можно и безъ заслугъ ихъ услуживать, и причиняя такое же имъ удовольствіе, чрезъ то себя имъ въ любовь приводить и любить себя заставливать; а за оказанныя вамъ отъ нихъ услуги благодарить тѣмъ же въ особливости и убѣгать отъ того, чтобъ другіе люди не были принуждены называть насъ неблагодарными и добра не помнящими? Для чегожъ не дѣлаете вы сего, или дѣлаете, да мало? Не самая ли натура васъ сему учитъ, и надобны ли къ тому еще напоминанія?

Вовторыхъ, скажите мнѣ, не хотѣлибъ ли вы того, чтобъ всѣ другіе люди обходились съ вами чистосердечно, праводушно, безъ лукавства и безъ обмановъ, но дружелюбно, ласково, учтиво и пріятно, и не довольны ли вы бываете, когда находите сіи качества въ другихъ людяхъ? Напротивъ того не досадуете ли и не имѣете ли къ такимъ людямъ отвращенія, которые противъ

васъ

васъ лукавствуютъ, и только о томъ думаютъ, какъ бы васъ обмануть и провесть, и притомъ обходятся съ вами грубо, зломысленно и коварно? Когда же сіе такъ, и вы желалибъ, чтобъ никто вамъ обмановъ не дѣлалъ и такъ бы съ вами не обходился, то не дѣлайтежъ сами того другимъ, но обходитесь чистосердечно, безъ лукавства и праводушно. Симъ исполните вы должность, предписываемую Богомъ и самою натурою.

Такимъ же образомъ, втретьихъ, не хотѣлибъ ли вы того, чтобъ никто не имѣлъ къ вамъ ненависти, злобы и зависти, и не дѣлалъ бы вамъ никакой неправды, зла и обиды, и не жалуетесь ли вы и не досадуете ли, естьли кто къ вамъ ненависть имѣетъ и обижаетъ? Ежели такъ, то не имѣйтежъ и вы къ другимъ ненависти, злобы и зависти, и старайтесь, чтобъ вамъ никому и никакой неправды и обиды не дѣлать, а особливо, чтобъ никому и ни въ чемъ не завидовать;

ибо

ибо всякая зависть ничто иное есть, какъ неудовольствіе о Божескомъ правительствѣ міромъ и противъ его ропщаніе.

Вчетвертыхъ, и что важнѣе всего, не хотѣлибъ ли вы, чтобъ не только другіе люди, но чтобъ и самые тѣ васъ любили, которыхъ вы по случаю обидѣли, раздражили и заставили себя почитать непріятелями и злодѣями? Не былоль бы вамъ мило, естьлибъ они вмѣсто того, чтобъ вамъ мстить за причиненныя вами имъ обиды и оскорбленія, вздумали платить то ласкою и любовію? Не почлиль бы вы сіе великимъ и достохвальнымъ дѣломъ, и не былиль бы вы тѣмъ чрезвычайно довольны? Ежели такъ, то изъ сего можете сами заключить, что вамъ натура велитъ такимъ же образомъ и самихъ любить своихъ враговъ, обидчиковъ и злодѣевъ, не помнить зла, ими вамъ причиненнаго, и не пылать злобою и любомщеніемъ, но напротивъ того соотвѣтствовать имъ любовію и дружествомъ. Но почтожъ

что жЪ не дѣлаемъ мы сего, и почто не слѣдуемъ сему гласу самой натуры, но паче самое сїе невозможнѣйшею вещїю почитаемъ и о исполненїи оной и слышать не хотимъ? Съ чего мы взяли, что сїе несогласно съ натурою, и съ чего затвердили однаждыi, что это совсѣмъ не можно и ненатурально, и не хотимъ никакъ сей мысли перемѣнить? Однимъ словомъ, какъ бы мы ни говорили, что сїя заповѣдь тяжела и неудобопроизводима, однако натура для насъ не перемѣнится, а она говоритъ, что это дѣлать надобно. А когда натура то велитъ, то надобно быть тому и возможнымъ; потому что она ничего невозможнаго отъ насъ не требуетъ и требовать не можетъ. Изъ сего видите вы, что и законъ нашъ далеко въ семъ случаѣ не столь жестокъ и несправедливъ, какъ многїе его въ разсужденїи сего пункта почитаютъ, но святъ, праведенъ и съ натурою согласенъ. Да можно ли ему и не такому быть, когда онъ основанъ тѣмъ, которой натуру нашу

лучше всѣхъ человѣковъ зналъ, и отъ котораго ничто утаено быть не могло? И такъ когда все сіе въ здравое разсужденіе принять, то едваль бы не лучше было, естьлибъ мы поменьше старались сей великой заповѣди противоборствовать и ее отвергать, но вмѣсто того поболѣе уважали слова, сказанныя нѣкогда о семъ Основателемъ нашего закона, и Емубъ въ семъ случаѣ поболѣе, нежели своимъ пристрастіямъ, повѣрили. Сей великой блаженства нашего Содѣтель, предписывая сію заповѣдь, и доказывающій возможность исполненія оной собственнымъ примѣромъ, полагаетъ въ томъ самое существо истинной и совершенной любви къ человѣкамъ и наилучшимъ доказательствомъ любви нашей къ Богу. Отпустите мнѣ, что я приведу сюда точныя слова сего великаго Господа и напомню вамъ оныя. Важность оныхъ такъ велика, что желать бы надлежало, чтобъ мы оныя вмѣсто нынѣшняго и весьма обыкновеннаго неуваженія и поставленія ихъ въ ничто, всякую минуту по-

помнили и никогда не забывали. Любите враги ваша, говоритъ Онъ, благословляйте клянущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитеся за творящія вамъ напасть и изгонящія вы. Вотъ собственное предписаніе Его! Но Онъ при томъ одномъ не остается, Онъ присовокупляетъ къ тому доказательство и вкупѣ изъясняетъ, для чего сіе надобно: яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя. Но и сего еще не довольно, Онъ продолжаетъ далѣе изъяснять, и говоритъ: аще любите любящихъ васъ, кую мзду имате, не и мытари ли тожде творятъ? И аще цѣлуете други ваша токмо, что лишше творите, не и язычницы ли такожде творятъ? Вотъ доказательство, что безъ сего прочая любовь не дѣйствительна. Наконецъ оканчиваетъ Онъ рѣчь свою наидостойнѣйшимъ примѣчанія словомъ: будите убо совершенни, яко Отецъ вашъ небесный совер-

 шенъ

шенъ есть, напоминая симъ, чтобъ мы какъ въ семъ случаѣ, такъ и во всемъ прочемъ уподоблялись и подражали поступкамъ нашего Бога, такъ какъ о томъ прежде было упоминаемо.

Я повторю, что извините меня, что я скучаю вамъ словами священнаго писанія. Важность оныхъ, согласіе ихъ съ натурою и обыкновенное наше неуваженіе меня къ тому приневолило. Теперь не буду болѣе говорить о семъ дѣлѣ, но обращусь къ другимъ предметамъ.

Симъ образомъ изслѣдовали мы четыре свойства любви, кои вкупѣ и четыре главныя наши должности составляютъ, и нашли, что всякому не труднобъ ихъ самому узнать, когдабъ только онъ похотѣлъ изслѣдовать собственныя свои хотѣнія и нехотѣнія, и по нихъ заключать объ оныхъ. Теперь не ожидайте отъ меня, чтобъ я такимъ же образомъ сталъ упоминать и о всѣхъ прочихъ нашихъ должностяхъ, проистекающихъ изъ любви

къ ближнему. Сіе завело бы меня въ великое и сюда далеко не въ удобовмѣстимое пространство, и было бы совсѣмъ излишнимъ и ненадобнымъ дѣломъ; ибо теперь можете вы уже безъ нужды сами итти сею стезею и держаться за данной вамъ въ руки конецъ нитки и добираться ею до клубка, а мнѣ остается только вамъ напомнить, чтобъ вы не отходили ни на пядень отъ того правила, что намъ другихъ людей любить не инако должно, какъ самихъ себя. Слѣдовательно судили бы обо всемъ по собственной къ самимъ себѣ любви, и во всякомъ случаѣ становилибъ себя на мѣсто другихъ, а ихъ на свое мѣсто. Ибо сіе научитъ васъ во всякое время, что вамъ дѣлать и чего не дѣлать надобно, буде прямо ихъ любить и должности свои исполнить хотите.

Теперь время бы уже мнѣ было всю матерію о семъ первомъ правилѣ, касающемся до умноженія веселія, кончить и приступить къ предложенію

втораго; ибо кажется мнѣ, что я уже довольно изъяснилъ все то, что къ доказательству неложности онаго принадлежало, также привелъ довольно и причинъ, могущихъ насъ побудить къ наблюденію онаго, то есть къ увеличиванію въ себѣ любви къ Богу и человѣкамъ, и всемъ тѣмъ вамъ, любезной читатель, можетъ быть, много-уже надоскучилъ. Время бы, говорю, уже итти далѣе, естьлибъ не оставалось мнѣ одного небольшаго дѣльца, а именно: исполнить одно обѣщаніе и ко всему вышеписанному пріобщить краткое руководство, то есть сказать вамъ, любезной читатель, нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ и какими средствами моглибъ вы сію любовь наиудобнѣе въ себѣ увеличить, естьлибъ, на примѣръ, то учинить почли за необходимо надобное и похотѣли. Можетъ быть не подосадуете вы на меня, что я вамъ сію услугу хочу сдѣлать.

И такъ знайте, дорогой читатель, что средства къ увеличиванію любви

къ

къ Богу и человѣкамъ должны извлекаемы быть также изъ существа любви и прочихъ свойствъ желаній нашихъ; ибо всегда чѣмъ ближе мы натуры всякой вещи держаться станемъ, тѣмъ лучшій и надежнѣйшій успѣхъ имѣть можемъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. И такъ когда выше сего мы видѣли, что любовь не иное что есть, какъ душевное стремительство, или желаніе, такъ слѣдуетъ уже само собою, что возбуждаемо и увеличиваемо оно можетъ быть тѣмижъ самыми средствами, какими всѣ прочія желанія возбуждаются и увеличиваются, и о чемъ въ предслѣдующихъ въ первой части сей книги находящихся разсужденіяхъ довольно было изслѣдовано и упомянуто. Чего ради здѣсь вкратцѣ уже сказать можно, что возбуждаемо оно должно быть помышленіями, а увеличиваемо какъ мыслями, такъ и частымъ повтореніемъ по оному дѣйствій.

Сіе общее правило требуетъ однако дальнѣйшаго изъясненія. Помышле-

нія могутъ быть разныя; и такъ спрашивается, какимижъ собственно помышленіями можетъ любовное стремленіе наиспособнѣе возбуждаемо и увеличиваемо быть? Къ сему слѣдъ должны намъ показывать тѣ предметы, къ которымъ то желаніе стремится, и какъ въ нашемъ случаѣ сими предметами не иное что суть, какъ совершенства; ибо любовь состоитъ въ стремленіи къ соединенію съ разумными веществами для примѣчаемыхъ въ нихъ совершенствъ: то слѣдуетъ само собою, что помышленіямъ онымъ должно быть о совершенствахъ, какія мы въ Богѣ и въ другихъ людяхъ видимъ и какія въ нихъ находятся. А какъ и совершенства бываютъ разныя и могутъ принадлежать либо до разума, либо до воли, либо до обоихъ ихъ совокупно, и до всего существа, то и помышленіямъ надобно касаться до всегожъ того, а особливо до совершенствъ воли; ибо опыты доказываютъ, что ничто такъ удобно любовь возжигать и увеличивать не можетъ, какъ совершенства воли, или доброты оной.

И такъ ежели вы хотите, дорогой читатель, увеличить любовь свою вопервыхъ къ Богу, то совѣтовалъ бы я вамъ наблюдать слѣдующія немногія правила, извлеченныя изъ всего вышеупомянутаго, то есть изъ существа любви и свойствъ сего душевнаго стремительства, а именно:

1) Старайтеся о семъ великомъ Существѣ, какъ можно чаще, помышлять, воображайте себѣ, какъ можно живѣе, всѣ Его безконечныя совершенства, а особливо безконечную Его благость къ созданіямъ, любовь, щедроты и милосердіе. Естьлижъ о сихъ свойствахъ и совершенствахъ Божескихъ не имѣете вы еще довольно яснаго понятія, то, о! стыдитесь, что по сіе время вы толь нужной вещи и толь полезнаго познанія не имѣете и старайтеся оное себѣ снискивать.

2) Старайтеся напоминать, какъ можно чаще, всѣ оказанныя Богомъ, и въ особливости вамъ въ жизнь вашу,

 благо-

благодѣянія и милости, воображайте ихъ себѣ какъ можно живѣе и въ самой подробности, присовокупляйте къ тому и помышленія о томъ, чтобъ воспослѣдовало и въ какія бы бѣдствія вы тогда впали, естьлибъ сихъ милостей и благодѣяній вамъ оказываемо не было.

3) Представляйте, какъ можно чаще, въ умѣ, сколь много васъ и нынѣ Богъ любитъ, и сколь готовъ во всякое время къ оказанію вамъ милостей, и какими выгодами и благодѣяніями вы отъ Него ежедневно пользуетесь.

4) Напоминайте и думайте живо о всѣхъ данныхъ вамъ Богомъ обѣщаніяхъ, и какимъ благополучіемъ васъ наградить обѣщаетъ, естьли вы повелѣнія Его исполните.

5) Старайтеся чаще съ Нимъ говорить, воображая, какъ можно живѣе, Его вездѣсущіе, говорите съ Нимъ, какъ дѣйствительно подлѣ васъ находящимся и всѣ ваши слова слышащимъ,

щимъ, неизреченно васъ любящимъ и благополучія вашего желающимъ Благодѣтелемъ, Отцемъ и вкупѣ великимъ Господемъ и Обладателемъ всея вселенныя.

6) Напоминайте чаще вашу ничтожность, слабость и поврежденіе своей натуры, и сколь вы мало о себѣ можете, и чтобъ было съ вами, естьлибъ человѣколюбивой Зиждитель совсѣмъ отъ васъ отступился, когда въ каждую минуту подвержены вы можете быть многимъ бѣдствіямъ и напастямъ, и не знаете, что прежде еще окончанія того часа съ вами воспослѣдовать можетъ.

7) Сравнивайте Божескія благодѣянія съ вашими противъ Его поступками, размышляйте о своей неблагодарности и побуждайте себя стараться исправить то лучшею впредь къ Нему любовію и послушаніемъ.

8)

8) Приводите на память себѣ всѣ побудительныя причины, могущія тебя побудить къ любви Божеской, какъ на примѣръ, что вы величайшею должностію къ тому, какъ созданіе Его, обязаны; что того Творецъ вашъ не только желаетъ, но и повелѣваетъ, и что наконецъ для собственнаго своего и временнаго и вѣчнаго благополучія вы то необходимо учинить должны, и учинить вамъ то возможно, и прочее тому подобное.

9) Читайте чаще такія книги, въ которыхъ о Божескихъ благодѣяніяхъ къ намъ говорится, и извлекайте нужныя для себя изъ нихъ примѣчанія.

10) Наконецъ старайтесь, какъ можно чаще, исполненіемъ Божескихъ повелѣній и прочими прежде упомянутыми средствами оказывать дѣйствительно любовь свою къ Богу.

Вотъ немногія правила, наблюденіемъ которыхъ можно уже будетъ какъ вамъ, такъ и другимъ увеличить лю-

любовь свою къ Богу до знатнаго градуса.

Чтожъ касается до увеличиванія любви къ прочимъ человѣкамъ, то руководствомъ къ тому могутъ съ пользою служить слѣдующія правила:

1) Помышляя о человѣкахъ, смотри на нихъ болѣе съ хорошей, нежели съ худой стороны; примѣчай все то, что въ нихъ хорошее есть. Напротивъ того забывай, или мимо глазъ пускай все то, что въ нихъ худаго есть. Напоминай, что сіе болѣе отъ общаго поврежденія нашей натуры происходитъ, и имѣй для того къ нимъ болѣе сожалѣнія, нежели досады.

2) Не изчисляй всѣ ихъ худыя и порочныя дѣла, но изчисляй хорошія и похвальныя.

3) Не смѣчай того, что тебѣ отъ нихъ, на примѣръ, худаго оказано, но напротивъ того старайся, какъ можно чаще, напоминать и живо вообра-

жать

жать себѣ всѣ оказанныя ими тебѣ благодѣянія, милости, пріязни, ласки, доброхотства и услуги. Сіе всего болѣе можетъ тебя побудить любить ихъ.

4) Воображай ихъ себѣ не инако, какъ твоими собратіями, или такимижъ точно созданіями, какъ ты самъ. Напоминай чаще, что они съ тобою однимъ Богомъ созданы, такимижъ одарены преимуществами, къ томужъ концу назначены, и что ты лишняго предъ ними ничего не имѣешь. А что не всѣ они одарены одинакими дарованіями щастія, то это не отъ нихъ, а отъ учрежденнаго Богомъ порядка происходитъ, и что естьли ты съ сей стороны что лишнее предъ ними имѣешь, такъ сіе произошло отъ произвола Божескаго, которому ты за то и обязанъ болѣе благодарностію. О содержаніижъ, въ какомъ собственно каждой человѣкъ находится съ Богомъ, ты ни малаго не имѣешь свѣдѣнія, и не вѣдаешь, что можетъ быть презираемые тобою находятся еще въ луч-

лучшей у Бога милости и благоволеній, нежели ты.

5) О нижшихъ себя какъ вообще, такъ особливо тебѣ о подвластныхъ не инако помышляй, какъ съ живымъ воображеніемъ претерпѣваемаго ими недостатка, нужды и бѣдности; а въ разсужденіи послѣднихъ воображай и служеніе ихъ къ тебѣ, и что ты трудами оныхъ пользуешься, и потомъ ихъ себя питаешь, одѣваешь и согрѣваешь, будучи хотя такой же точно человѣкъ, какъ они, и ни въ чемъ отъ нихъ неотмѣнной Сіе станетъ уже много тебя побуждать къ человѣколюбію къ нимъ и къ такому правленію оными, какое согласно съ волею Божескою.

6) О равныхъ себѣ помышляй, какъ о такихъ, которые въ равномъ съ тобою во всемъ находятся состояніи и одинакія имѣютъ дарованія щастія. Убѣгай отъ всѣхъ такихъ мыслей, которыя въ состояніи произвесть въ тебѣ къ нимъ ненависть, досаду,

гнѣвъ

гнѣвъ и зависть, но паче питай въ себѣ болѣе такихъ, которыя бы могли побудить тебя къ любленію оныхъ, какъ своихъ братьевъ и товарищей.

7) Вышшихъ никогда не представляй себѣ въ мечтательномъ и обманчивомъ видѣ ихъ свѣтскаго благополучія, но напоминая оныхъ, напоминай вкупѣ и то, что они, не смотря на свои знатные чины и великіе достатки, не болѣе твоего, а можетъ быть и менѣе, благополучны; что они никогда не наѣдаются сытѣе твоего и не теплѣе живутъ, какъ ты, но напротивъ того чѣмъ богатѣе и знатнѣе, тѣмъ болѣе хлопотъ, суетъ, заботъ, досадъ, горестей, печалей и всякаго рода неудовольствій и душевныхъ прискорбій имѣютъ, и потому еще злощастнѣе. Сіе избавитъ тебя отъ зависти къ нимъ и побудитъ напротивъ того любить и ихъ, какъ прочихъ.

8) Старайся сколько можно всѣмъ пріятствовать и по возможности служить

жить и пріобрѣтать себѣ болѣе друзей и пріятелей, дабы чрезъ то случай тебѣ былъ упражняться съ ними въ дружеской любви и тѣмъ склонность сію приводить въ лучшее совершенство.

9) Наконецъ какъ можно чаще напоминай всѣ побудительныя причины, которыя тебя къ любви ближняго твоего побудить могутъ, а особливо толь имянныя повелѣнія твоего Создателя и собственную твою отъ того проистекать могущую пользу. Не забывай и то пріобщать, что сколько ты къ нимъ любви окажешь, столько и отъ нихъ себѣ ожидать можешь, и такъ далѣе.

Вотъ наиглавнѣйшія правила, могущія съ пользою употребляемы быть для возбужденія и умноженія любви къ Богу и человѣкамъ. Признаюсь, что можно найти еще многія, но я уже сказалъ, что всѣ оныя здѣсь включать предѣлы сочиненія моего не дозволяютъ. Я и такъ уже много

говорилъ о семъ пунктѣ, а теперь время уже мнѣ приступить къ окончанію.

И такъ видѣли вы, любезной читатель, что любовь къ Богу и человѣкамъ можетъ служить первымъ и наиглавнѣйшимъ средствомъ къ пріумноженію нашихъ веселій и удовольствій, слышали тому доказательства, видѣли объясненіе и наконецъ читали и руководство, какимъ образомъ и къ увеличиванію оной наиудобнѣе приступать, чѣмъ начинать и способнѣе увеличивать; однимъ словомъ, вы вкусили уже теперь, говоря по прежней моей аллегоріи, первой мой соусъ, и можете судить о вкусѣ онаго. Пріятенъ ли онъ вамъ, или непріятенъ, вкусенъ ли, или не вкусенъ показался, и выбраните ли меня, или спасибо скажете, того не вѣдаю, а то только знаю, что вамъ надобно еще нѣчто напослѣди вмѣсто закуски, или конфекта скушать, безъ чего все помянутое кушанье, хотя бы вамъ и пріятно показалось, не будетъ пита-

нительно и желаемаго дѣйствія и пользы произвесть не можетъ, то есть, мнѣ надобно ко всему вышеписанному присовокупить еще одно небольшее правило, которое вамъ очень нужно, и которое наблюдать надобно, естьли хотите, чтобъ все сіе генеральное правило производило свою пользу, а именно:

По сіе время сказывалъ я вамъ и много разъ твердилъ, что изъ любви къ Богу и человѣкамъ проистекать могутъ наипріятнѣйшія и чистѣйшія для насъ увеселенія, и что для самаго и надобна она необходимо при исканіи благополучія. Но какъ самому сему начальному положенію не всякой скоро повѣрить можетъ, и легко станется, что многіе, не смотря на всѣ мои доказательства и увѣренія въ сей великой истиннѣ, усомнятся, да и сами вы, дорогой читатель, въ числѣ таковыхъ находиться можетъ быть будете: то, чтобъ освободить васъ отъ всякаго сомнительства, надобно мнѣ наконецъ сказать вамъ и

о томъ небольшемъ искусствѣ, или хитрости, которую вы при произведеніи, произтекающихъ изъ любви къ Богу и человѣкамъ, многоразличныхъ добрыхъ дѣлъ употреблять неотмѣнно должны, естьли хотите, чтобъ они вамъ помянутое чистѣйшее и пріятнѣйшее увеселеніе производили, а безъ того вы оное едва ли чувствовать будете, или хотя и будете, да очень малое и несовершенное. Сіе небольшое искусство можетъ не инако почесться, какъ условіемъ, подъ которымъ вамъ помянутымъ увеселеніемъ пользоваться можно, или солью, которою вамъ соусъ мой солить и приправлять надобно, и состоитъ въ слѣдующемъ:

Для удобнѣйшаго извлеченія изъ всѣхъ производимыхъ вами хорошихъ дѣлъ, къ которымъ васъ любовь къ Богу и любовь къ ближнему побуждать будетъ, нужнаго себѣ и чистѣйшаго увеселенія становите себя въ мысляхъ тотчасъ на мѣсто того, до кого то дѣло принадлежать будетъ,

детъ, а его на свое мѣсто, и старайтесь вообразить себѣ какъ можно живѣе, что это не онъ, а вы сами и точно въ его обстоятельствахъ были, которой требуетъ произведенія того дѣла, и все то увеселеніе, котороебъ вы имѣли тогда, естьлибъ сами вы, будучи въ такихъ же обстоятельствахъ, какъ онъ, то себѣ отъ него получили. Какъ скоро сіе сдѣлаете, то увѣряю васъ и увѣряю изъ практики, что вы точно такое увеселеніе тогда и чувствовать будете; ибо по свойству нашей натуры преселится оно нечувствительно въ вашу душу и произведетъ въ ней великую радость и наипріятнѣйшее удовольствіе. Ежели вамъ сіе темно и неудобопонятно, то изъяснимъ сіе небольшимъ примѣромъ, изъ котораго можетъ быть вы лучше усмотрѣть сіе можете, а именно: когда любовь къ ближнему и любовь къ Богу побуждать васъ станетъ оказать кому нибудь важную какую услугу, на примѣръ, помочь въ нуждѣ и бѣдности находящемуся безпомощному чело-

вѣку, или отпустить вину предъ вами преступившему, или отмстить обидѣвшему васъ какимъ нибудь великодушнымъ, любовнымъ и имъ совсѣмъ неожидаемымъ дѣломъ, и прочее тому подобное: то вообразите себѣ какъ можно живѣе, что вы, а не они находятся въ помянутыхъ обстоятельствахъ, и что, на примѣръ, не тотъ, а вы находились бы въ такой нуждѣ и бѣдности; увеличивайте какъ можно болѣе нужду, претерпѣваемую ими, со всѣми ея слѣдствіями, въ мысляхъ представляйте себѣ, какъ бы вы охали, горевали, и въ какомъ бы были жалкомъ состояніи, и наконецъ какъ бы обрадовались и сколь бы довольны были, естьлибъ иной кто вздумалъ вамъ нечаянно помочь, или чтобъ вы, а не тотъ, сдѣлали предъ кѣмъ ошибкою и неосторожностію своею какой нибудь великой проступокъ, и чтобъ боялись за то гнѣва и наказанія и ожидалибъ того неминуемо, и какъ бы обрадовались, естьлибъ вамъ то великодушно отпущено было, или чтобъ вы, а не онъ, вамъ какую обиду и злодѣй-

дѣйство сдѣлали, и послѣ о томъ, но тщетно уже, раскаявались, и какъ бы вы наконецъ тронуты были, естьлибъ вмѣсто ненависти и отмщенія вздумалъ онъ вамъ платить ласкою и любовію, и такъ далѣе. Наконецъ воображайте себѣ, что всякое добродѣтельное дѣло неотмѣнно великому вашему Творцу и Господу пріятно; что Онъ оное видитъ и знаетъ, и что съ удовольствіемъ на то смотритъ и васъ за то неотмѣнно болѣе любить и милостію своею награждать будетъ. Всѣ такія помышленія и воображенія будутъ вамъ чрезвычайно полезны и произведутъ сугубую пользу, вопервыхъ: естьли вы того дѣла еще не сдѣлали, то они васъ того момента побудятъ то сдѣлать; естьлижъ уже сдѣлали, то произведутъ въ душѣ вашей наипріятнѣйшее удовольствіе.

Вотъ небольшое, но важное правило, которое при производствѣ всякихъ добродѣтелей вамъ наблюдать надобно, и соль, которою вы оныя по-

сыпать и сами себя услаждать должны. Теперь мнѣ болѣе нечего говорить, а время уже представлять вамъ другой соусъ; чего ради, окончивъ сіе, обращусь къ предложенію втораго правила.

2.

Второе главное правило, чрезъ наблюденіе котораго мы увеселенія свои умножать и чрезъ то истинное благополучіе себѣ созидать можемъ, есть слѣдующее:

Пріучи себя къ мысленнымъ увеселеніямъ.

Важное и примѣчанія достойное сіе правило покажется многимъ также непонятно, и найдется очень много такихъ, которые сей родъ увеселеній не только никогда не ощущали, но и никогда объ немъ и не слыхивали, хотя въ самомъ дѣлѣ оныя знатную часть благополучія нынѣшней нашей жизни составлять могутъ

и

и долженствуютъ; потому что намъ оныя всего способнѣе и всего легче снискивать и производить себѣ можно, и къ тому ни трудовъ, ни стараній не надобно. Для сихъ причинъ надобно мнѣ сіе правило необходимо изъяснить, прежде нежели приступлю я къ доказательству онаго.

Я разумѣю подъ симъ вообще то блаженное и неоцѣненное искусство, которое подъ именемъ искусства увеселяться естествомъ, или натурою, въ свѣтѣ извѣстно. Сего довольнобѣ уже было въ объясненіе для тѣхъ, которымъ наука сія извѣстна, и которые изъ собственныхъ опытовъ научились знать, что такое есть увеселяться естествомъ и сколь неоцѣненны для насъ сіи чистѣйшія душевныя увеселенія. Сіи такъ называемые любители естества не потребуютъ отъ меня дальнѣйшаго изъясненія, и мнѣ и имъ немногими словами все дѣло пересказать можно. Но какъ въ разсужденіи ихъ мнѣ сіе не великаго труда стоитъ, такъ напротивъ того дол-

женъ признаться, что въ разсужденіи прочихъ, а особливо такихъ, которымъ сей родъ увеселеній не только никогда практикою ощущать, но и читать и слышать объ нихъ никогда не случалось, будетъ не только трудно, но почти и не возможно въ короткихъ словахъ сдѣлать нужное объясненіе и подать имъ о томъ надлежащее понятіе, но паче имѣю я справедливую причину опасаться, чтобъ со мною въ семъ случаѣ не было тогожъ, что съ такимъ человѣкомъ бываетъ, которой предпринимаетъ, на примѣръ, отъ рожденія слѣпому объяснять разность и красоту цвѣтовъ и колеровъ и разхвалять какую нибудь картину, или глухому подавать понятіе о пріятности пѣнія и музыки. Но какъ не всѣ люди таковы, и не состоятъ либо въ знающихъ сіе искусство совершенно, либо въ не имѣющихъ объ немъ никакого понятія, но между обѣими сими крайностями есть посредство, или такіе люди, которые хотя практикою въ помянутомъ искусствѣ и

не

не упражнялись, но по крайней мѣрѣ имѣли случай о немъ наслышаться, или читать въ какихъ нибудь книгахъ, и потому имѣютъ уже объ немъ нѣкоторое понятіе: то въ пользу сихъ можно мнѣ будетъ съ лучшею надежностію сообщить здѣсь краткое объясненіе.

И такъ надобно знать, что увеселенія, которыя мы въ жизнь свою имѣть можемъ, суть трояка́го рода: одни называются чувственныя; потому что мы посредствомъ нашихъ чувствъ, какъ-то зрѣнія, обонянія, слуха, вкуса и осязанія, получаемъ, и сіи чувствія тогда услаждаются; почему для лучшаго понятія можно назвать ихъ тѣлесными. Другія напротивъ того называются мысленныя; потому что оныя не посредствомъ чувствъ, а чрезъ единыя размышленія въ насъ производятся. Сіи для лучшаго объясненія можно назвать духовными. Третьиже могутъ быть совокупныя, то есть такія, которыя совокупно и мыслями и нѣкоторыми нашими

шими чувствами быть могутъ производимы, какъ на примѣръ размышленіями при вспоможеніи зрѣнія, или слуха, къ которымъ послѣднимъ и принадлежатъ собственно всѣ тѣ увеселенія, которыя извѣстны многимъ подъ именемъ увеселеній красотою и устроеніемъ нутуры, или естества. Но здѣсь какъ о сихъ, такъ болѣе вообще о всѣхъ мысленныхъ, или духовныхъ увеселеніяхъ, слово.

Размышляя объ нихъ, нахожу я, что они могутъ проистекать изъ разныхъ источниковъ, и что изъясненіе сихъ источниковъ можетъ быть въ состояніи будетъ многимъ нѣкоторымъ образомъ объяснить и все дѣло. И такъ, вопервыхъ, могутъ они проистекать отъ того, когда мы порядокъ и естественное, или природное совершенство всѣхъ вещей на свѣтѣ будемъ разсматривать и чинить о томъ надлежащія размышленія; вовторыхъ отъ того, когда станемъ размышлять и разсматривать, коимъ образомъ онѣ побуждаютъ и показуютъ

ютъ слѣдъ и руководствуютъ намъ къ добродѣтели; втретьихъ отъ того, когда мы будемъ примѣчать всѣ сіяющіе изъ того слѣды великихъ и безконечныхъ Божескихъ свойствъ и совершенствъ; вчетвертыхъ отъ того, когда будемъ вникать и усматривать изящество человѣческой премудрости какъ въ вещахъ, произведенныхъ художествомъ, такъ и въ благоразумномъ разпоряженіи дѣлъ ихъ; и наконецъ, впятыхъ, отъ того, когда будемъ сами въ себѣ ощущать, коимъ образомъ чрезъ то мы въ познаніи истинны часъ отчасу болѣе успѣваемъ.

Не льзя довольно изобразить, сколь многія наичистѣйшія увеселенія могутъ проистекать изъ генеральныхъ сихъ источниковъ, и сколь благополученъ человѣкъ, достигшій въ семъ искусствѣ до знатнаго градуса и упражняющійся въ томъ часто. Такому человѣку всѣ уже вещи и самыя такія, которыя мы ногами попираемъ и ни малѣйшаго примѣчанія не

не удостоиваемъ, служатъ уже предметами врожденнымъ въ его желаніямъ, то есть стремленію къ совершенству и къ истиннѣ, стремленію любовному и совѣстному, и производятъ исполнительное увеселеніе. Такой человѣкъ можетъ чрезъ одни свои размышленія и хорошее употребленіе душевныхъ силъ своихъ чувствовать и наслаждаться почти всегдашнимъ и безпрерывнымъ веселіемъ, которое ему столькожъ, или еще болѣе, пріятности произвесть можетъ, нежели владѣніе и наслажденіе другими не столь благородными благими сего міра.

Все сіе и доказать не великаго труда стоитъ; ибо какъ уже много разъ мною упоминаемо было, что всякое веселіе и пріятность единственно отъ исполненія какого нибудь въ насъ желанія происходитъ, въ насъ же множество врожденныхъ желаній есть, устремляющихся къ совершенствамъ и къ соединенію съ оными, также къ истиннѣ и

любви

любви всѣхъ такихъ вещей, въ которыхъ порядокъ, доброта и совершенство видимы, и ко всему тому, что есть хорошее и доброе и съ волею Создателя нашего согласное; всѣмижъ такими совершенствами весь міръ, все устроеніе въ ономъ и всѣ окружающія насъ вещи въ самомъ существѣ своемъ наполнены: то не слѣдуетъ ли само собою, что сіи желанія толь часто будутъ насыщаемы, и мы отъ того веселіе и пріятность ощущать, сколь часто оныя совершенства мы усматривать и примѣчать станемъ? и не зависитъ ли все отъ того, чтобъ мы, въ себѣ хорошія и приличныя къ тому желанія возбуждая и до знатной степени ихъ увеличивъ, по онымъ дѣйствовать себя пріучили?

Естьлижъ всего предслѣдующаго въ доказательство мало, и естьли сіе иныхъ увѣрить въ томъ еще не можетъ, что таковыя увеселенія дѣйствительно помянутымъ образомъ отъ размышленія и примѣчанія совер-

шенствѣ въ вещахъ происходить могутъ: то для лучшаго удостовѣренія сошлюсь на собственныя чувствія таковыхъ сомнѣвающихся. Скажите мнѣ, отъ чего чувствуете вы въ себѣ нѣкое пріятное ощущеніе, когда взираете на пріятное и веселое какое положеніе мѣста? Отъ чего пріятнѣе вамъ красной день пасмурнаго? Отъ чего веселитъ васъ весна и напаяетъ сердца ваши радостію? Отъ чего любуетесь красотою цвѣтовъ многоразличныхъ? Отъ чего веселитесь въѣхавъ въ великолѣпной городъ, которой вы не видывали? Отъ чего милъ вамъ вообще всякой порядокъ, и вы веселитесь, оной примѣчая? Отъ чего прекрасные сады, домы, зданія, картины и прочія украшенія васъ утѣшаютъ? Отъ чего происходитъ то, что вы, увидѣвъ иногда нѣкую съ великимъ искусствомъ и хитростію сдѣланную вещь, не можете на нее довольно насмотрѣться и налюбоваться? и прочее тому подобное. Вотъ малая часть изъ извѣстныхъ самимъ вамъ примѣровъ и случаевъ! Отвѣтствуйте

ствуйте мнѣ хотя на нихъ и сдѣлайте чистосердечное признаніе: извѣстна ли вамъ фундаментальная причина, отъ которой сіи внутреннія пріятныя и часто васъ восхищающія чувствія въ душѣ вашей при такихъ случаяхъ происходили? Буде нѣтъ, такъ повѣрьтежъ, что тому не иное что причиною было, какъ то, что въ васъ находились сокровенныя и вамъ неизвѣстныя природныя ко всему тому желанія, и сіи желанія тогда насыщались, а отъ того по силѣ сдѣланнаго Творцемъ въ натурѣ учрежденія ощущали вы пріятность и веселіе духа.

Естьлижъ скажете вы, что причиною тому были ваши чувства, а помышленія въ томъ никакого участія не имѣли, такъ противное тому вамъ тотчасъ докажу: возьмите, на примѣръ, какую нибудь искусствомъ произведенную и такую вещь, которой составленію вы удивляетесь и красотою ея любуетесь и веселитесь, покажите ее какому нибудь звѣрю, или

скотинѣ, и скажите, любуется ли она ею, такъ какъ вы, или нѣтъ? А когда вамъ сей примѣръ слишкомъ грубъ и неприличенъ кажется, то покажите ее такомужъ сочеловѣку, какъ вы, только такому, которой бы неспособенъ былъ дѣлать такихъ здравыхъ и обширныхъ разсужденій, какъ вы. Покажите ее, напримѣръ, малому ребенку, или совершенному дураку, или хотя простоумному крестьянину, и скажите, будутъ ли они ею точно такъ удивляться и такъ ей любоваться, какъ вы? Не противное ли вы все увидите? Не подтвердите ли сами, что въ скотѣ не произведетъ она никакого дѣйствія, а въ ребенкѣ, дуракѣ и простоумномъ крестьянинѣ хотя примѣчаете удивленіе, но далеко не такое, какъ въ васъ? Но чтожъ иное доказываетъ сіе, какъ не то, что въ скотѣ вовсе такого желанія нѣтъ, а въ тѣхъ хотя и есть, но за недостаткомъ еще правильныхъ и пространныхъ разсудковъ дѣйствуетъ очень слабо? Слѣдовательно не разсужденія ли были всему главнѣйшею причиною,

чиною, и не отъ того ли вы и увеселеніе толь чувствительное имѣли, что могли оную не только видѣть, но и совершенства ея усматривать и объ нихъ дѣлать надлежащія разсужденія?

Но когда вещи, произведенныя искусствомъ рукъ и изрядствомъ разума человѣческаго, могутъ уже иногда приводить насъ въ такое удивленіе и толико утѣшать умъ нашъ и сердце, то кольми паче способны къ тому дѣла и вещи, произведенныя десницею такого Существа, котораго разумъ и премудрость безконечна и непостижима, а власть и воля безпредѣльна? Что иное изъявляютъ намъ всѣ дѣла Его, какъ не слѣды непостижимой премудрости, безпредѣльной власти и неизреченной благости? А какими иными вещами преисполненъ свѣтъ сей, какими окружены со всѣхъ сторонъ мы, между какими живемъ, между какими движемся и есмы, какъ не между такими, и съ трудомъ ли намъ ихъ доставать и искать надобно?

Но отъ чегожъ, скажутъ теперь нѣкоторые, не приводятъ насъ всѣ сіи вещи въ такое удивленіе и не производятъ въ насъ такого утѣшенія, какъ иногда вещи, руками человѣческими сдѣланныя? Отъ самихъ насъ, отвѣтствую, и не отъ кого инаго. Мы привыкли уже смотрѣть на нихъ ежедневно безъ всякаго помысла, и не хотимъ никогда ихъ удостоивать разсматриваніями своими и примѣчаніемъ совершенствъ ихъ, а отъ *того* сіе и *дѣлается*. Самыя вещи, художествомъ рукъ человѣческихъ произведенныя, самыя тѣ, говорю, которыхъ примѣръ вы въ возраженіе приводите, докажутъ вамъ сіе наияснѣйшимъ образомъ. Возьмемъ себѣ въ примѣръ простые и обыкновенные часы карманные: скажите, удивляемся ли мы уже онымъ, и дѣлаютъ ли уже намъ они какое утѣшеніе? Не смотримъ ли мы уже на нихъ безпристрастнымъ окомъ, и не отъ того ли сіе происходитъ, что мы уже привыкли на нихъ смотрѣть? Они намъ уже не въ диковинку, и мы о совершен-

шенствахъ, сопряженныхъ съ ними, не дѣлаемъ никакихъ размышленій. Но то ли происходилобъ, естьлибъ мы, никогда оныхъ не видывая и не слышавъ, что такое часы есть, впервые ихъ увидѣли, и какъ все внутреннее сложеніе, такъ и дѣйствіе ихъ узнали? Не приведеныбъ ли мы были въ наипріятнѣйшее удивленіе?.. Такъ, скажете вы; но это бы причинила ихъ новость. Никакъ, отвѣтствую я; не новость, а размышленія. Вы и нынѣ можете тоже чувствовать, буде хотите: помыслите только объ нихъ хорошенько, разсмотрите ихъ въ тонкость, разберите, какое художество къ тому требовалось, чтобъ такую удивительную машину составить; какое искусство надобно было имѣть тому человѣку, которой впервые ихъ выдумалъ и составилъ; какія проворныя и искусныя руки имѣть было надобно, чтобъ такую мѣлочь и такъ искусно выработать и обдѣлать; сколько трудовъ къ тому было приложено, сколько иныхъ работъ предъ тѣмъ преслѣдовать принуждено было,

 покуда

покуда серебро, мѣдь, сталь и золото къ сей работѣ могло употребиться, и наконецъ, какую пользу приноситъ все сіе человѣческому роду. Помыслите о семъ хорошенько, говорю, и скажите, не будете ли вы чувствовать при томъ многоразличнаго и пріятнаго удивленія, и не въ состояніи ли цѣлой часъ препроводить въ такихъ помышленіяхъ, не чувствуя никакой скуки, но паче наслаждаясь удовольствіемъ.

Доказавъ теперь, отъ чего натуральныя вещи и всѣ порядки, видимые въ устроеніи всего міра, не приводятъ насъ въ удивленіе и не причиняютъ намъ того утѣшенія, къ произведенію какого они способны, скажу теперь, что справедливость того и сію способность ихъ къ тому могутъ свидѣтельствомъ своимъ подтвердить тѣ, которые знаютъ то изъ собственныхъ своихъ опытовъ и въ изящной сей наукѣ упражняются. Васъ, любители естества, васъ, сокрытаго отъ многихъ и драгоцѣннаго

сего сокровища обладателей, привожу я въ примѣръ и прошу о засвидѣтельствованіи сей истинны; увѣрьте вы сомнѣвающихся въ томъ собственными своими опытами, подтвердите безпристрастнымъ признаніемъ, что разсматриваніе собственныхъ тварей и всего устроенія натуры всего способнѣе къ напоенію души нашей чистѣйшею роскошью и къ приведенію въ пріятной восторгъ нашихъ мыслей и чувствій. Скажите имъ прямо, и не стыдитесь тѣмъ, что иногда малая, ни къ чему годная и ногами попираемая травинка, червячокъ, мушка, или камушекъ, въ состояніи были васъ остановить, подать поводъ къ тысячѣ наипріятнѣйшихъ помышленій, привесть наконецъ васъ въ превеликой восторгъ и такое восхищеніе мыслей, что вы, сами себя позабывъ, часъ, или полчаса, стояли на одномъ мѣстѣ, находились въ неописанномъ увеселеніи, и не однажды принуждены были отирать слезы, катящіяся изъ очей вашихъ отъ внутренняго удовольствія и радости...

Пускай умствуя смѣются тому тѣ, которые сего рода увеселеній не знают и не вкушали никогда оныхъ сладости; довольно, что упражненія и увеселенія такія милы вашему Создателю, и что Онъ для того толикими и чудесами свѣтъ наполнилъ и повсюду его украсилъ, чтобъ мы, оныя примѣчая, дѣлали себѣ ихъ руководителями къ познанію безконечныхъ Его свойствъ, удивлялись дѣламъ рукъ Его, и чувствуя отъ того наилучшее и чистѣйшее увеселеніе, содѣловали себѣ веселіе дней нашихъ.

Коль желалъ бы я, чтобъ вы, дорогой читатель, принадлежали къ числу тѣхъ людей, коихъ я теперь просилъ о засвидѣтельствованіи предлагаемой мною истинны! Не было бы тогда мнѣ нужды изыскивать дальнѣйшія неложности сего правила доказательства, и увѣрять васъ о пріятности тѣхъ увеселеній, которыя намъ отъ разсматриванія красоты и устроенія натуры и порядка всѣхъ находящихся въ оной вещей получать

себѣ можно. Самибъ вы отъ меня того уже не требовали, и я не имѣлъ бы причины опасаться, что еще не довольно ясно доказалъ мое предложеніе, которое далѣе доказывать не дозволяютъ мнѣ предѣлы сего сочиненія, тѣмъ паче, что дальнѣйшія доказательства въ состояніи бы были нагнать только на васъ скуку, а пользы бы отъ нихъ мало было, естьлибъ случилось такъ, что вамъ сей родъ увеселеній вовсе неизвѣстенъ; ибо увеселенія сіи такого рода, что о возможности ихъ не прежде удостовѣриться можно, какъ искусившись въ томъ собственнымъ опытомъ.

И такъ вмѣсто того, чтобъ утруждать васъ дальнѣйшими доказательствами, буду просить васъ, дорогой читатель, что естьли вамъ предложеніе мое еще невѣроятно, такъ повѣрьте мнѣ до тѣхъ поръ, покуда вы не извѣдаете того собственнымъ опытомъ, и не узнаете практикою, правду ли я, или неправду говорю. Я увѣренъ,

что вы согласитесь на мое мнѣніе, и вѣрно увеселенія сіи полюбите, какъ скоро съ ними познакомитесь, и тѣ способы узнаете, какими ихъ находить и ими пользоваться можно.

Теперь, чтобъ побудить васъ къ сему толь надобному и такому предпріятію, въ которомъ вы никогда не раскаетесь, надобно мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ о тѣхъ пользахъ, какія могутъ проистекать отъ наблюденія сего правила, и изъяснить то, для чего наблюденіе онаго при исканіи истиннаго благополучія нужно и почти необходимо надобно.

Прежде всего дозвольте мнѣ на минуту возвратиться къ прежней моей аллегоріи и сказать вамъ, что собственно составляютъ сіи увеселенія при описываемомъ мною пути къ жилищу благополучія. Наблюденіе предслѣдующаго перваго правила составляетъ собственной путь, по которому вамъ итти надобно; а симъ правиломъ изъясняю вамъ тѣ побочныя увесе-

увеселенія и забавы, которыми вы, идучи по оному пути, всякой разъ и во всякое время, когда ни похотите, пользоваться и себя забавлять, и чрезъ то помянутой, хотя и безъ того пріятной путь, еще пріятнѣйшимъ дѣлать можете. Увеселенія сіи можно сравнить съ пріятнѣйшими мѣстоположеніями, окружающими путь оной, или паче, самыми отъ натуры устроенными украшеніями онаго, которыхъ великолѣпіе и изящность никакимъ перомъ описана быть не можетъ. Всевышнему угодно было усадить сей путь всюду и всюду оными, и украсить его столь великолѣпнымъ образомъ на тотъ конецъ, чтобъ путешествующіе симъ путемъ могли, забавляясь оными, облегчать чрезъ то труды, съ шествіемъ необходимо сопряженные, и дѣлать себѣ сноснѣйшими. И блаженныбъ были мы, естьлибъ сіи украшенія въ такомъ состояніи и остались, въ какомъ они сначала устроены! Мы бы могли веселиться ими ежеминутно, и тѣмъ имѣть блаженное путешествіе. Но, ахъ! одно нещастное при-

приключенiе, о которомъ мнѣ теперь нѣтъ нужды напоминать, произвело великую перемѣну: оно причиною тому было, что всѣ сiи великолѣпныя и забавныя зрѣлища и предметы закрыты сдѣлались отъ очей большей части людей равно какъ нѣкоею густою и непроницаемою мглою и туманомъ, такъ что не только идущимъ другими дорогами, но и шествующимъ самимъ симъ путемъ не можно было ничего, или по крайней мѣрѣ весьма мало и то неявственно и сквозь туманъ ихъ видѣть. Вотъ причина, для чего большая часть людей не имѣетъ о сихъ украшенiяхъ ни малѣйшаго понятiя, но весь свой вѣкъ, между оными живучи, ихъ въ подлинной красотѣ не видятъ и умираютъ не видавъ; а потому и не вѣрятъ, чтобъ они могли производить такiя увеселенiя, о какихъ говорено выше. Но сколь великаго сожалѣнiя сiе и ни достойно, однако зло сiе не совсѣмъ неизцѣльно. Люди хотя и потеряли отъ природы ту выгоду, чтобъ сiи украшенiя могли прямо видѣть и ими увесе-

увеселяться, однако не лишены еще способовъ къ отвращенію сего зла и къ пріобрѣтенію себѣ опять возможности пользоваться тою выгодою когда не завсегда и не въ полномъ совершенствѣ, такъ по крайней мѣрѣ временно, и поколику кто пожелаетъ, и употребитъ необходимо уже потребные къ тому труды и старанія, а имянно: имъ долженствовало уже сооружать самимъ для себя нѣкое зрѣнію помогающее и такое орудіе, которое бы въ состояніи было разгонять тотъ тракъ и представлять вещи очамъ ихъ равно какъ сквозь полированное стекло въ подлинномъ ихъ видѣ, и симъ орудіемъ тогда пользоваться, когда имъ увеселяться оными украшеніями похочется. Отъ чего самаго и происходитъ, что нѣкоторые, снабдивъ себя симъ весьма полезнымъ орудіемъ, и употребляя сіе вспомогательное средство, дѣйствительно онымъ пользуются и помянутыя украшенія видятъ и ими всегда, когда ни захотятъ, увеселяются и увеселеніямъ симъ цѣны не полагаютъ;

ютЪ; а другіе напротивЪ того и понятія о томЪ не имѢютЪ.

ВотЪ какія обстоятельства принадлежатЪ до украшеній пути, ведущаго кЪ благополучію. ИзЪ чего легко можете заключить о полезности и надобности увеселенія оными, также и то, что и вамЪ неотмѢнно должно о снабдѢніи себя симЪ просвѢтительнымЪ орудіемЪ постараться и оное себѢ соорудить, естьли хотите оныя видѢть и ими увеселяться, а безЪ того не можно вамЪ будетЪ имѢть сію выгоду.

Теперь спрошу я васЪ, дорогой читатель, усмотрѢлиль вы, кЪ чему я все сіе говорилЪ, и понятна ли для васЪ сія аллегорія? Ежели нѢтЪ, то изЪясню теперь вамЪ оную: подЪ именемЪ мрака и тумана разумѢю я воспослѢдовавшее по причинѢ паденія праотца нашего помраченіе душевныхЪ очей нашихЪ. ЧеловѢкЪ сдѢлался самЪ собою ни кЪ чему хорошему неспособенЪ, а между прочимЪ и

кЪ

къ увеселенію себя и симъ родомъ увеселеній. Нѣкая непроницаемая и отъ страстей нашихъ сплетенная завѣса скрываетъ отъ очей большей части людей всѣ тѣ удивительныя и зрѣнія достойныя красоты и стройности, которыми сей міръ повсюду преисполненъ, и разсматриваніемъ которыхъ разумному человѣку всегда себя наиприятнѣйшимъ образомъ увеселять можно. Большая часть людей проживаетъ весь вѣкъ въ семъ мірѣ, не зная, и умираютъ, не видавъ великолѣпія и красотъ сего своего обиталища, и подобятся въ семъ случаѣ такимъ людямъ, которые жилибъ, на примѣръ, въ какомъ нибудь наипрекраснѣйшемъ городѣ, но отправляли дѣла свои и изъ домовъ выходили только въ ночное время, или по крайней мѣрѣ въ сумерки и тогда, когда воздухъ наполненъ густѣйшимъ туманомъ, а въ ясную погоду и красные дни безпросыпно спали и никогда жилища своего въ оные не видывали и видѣть не хотѣли, слѣдовательно о всемъ великолѣпіи онаго имѣлибъ весь-

ма

ма малое, темное и недостаточное понятіе, и лишались бы того увеселенія, которое они имѣть могли, естьлибъ похотѣли оное въ ясные дни осматривать. Чтожъ касается до упомянутаго мною зрѣнію вспомогательнаго орудія, то подъ симъ не иное что я разумѣю, какъ помянутое выше сего искусство, науку, или умѣнье веселиться красотою и устроеніемъ натуры, которое человѣку самому себѣ снискивать надобно, и коимъ онъ потомъ всегда, когда ни похочетъ, пользоваться можетъ. Сіе драгоцѣнное искусство поистиннѣ можно сравнить съ нѣкакимъ волшебнымъ орудіемъ, или инструментомъ, крайнѣ полезнымъ и весьма надобнымъ для насъ въ нынѣшней жизни: посредствомъ онаго можемъ мы помянутую мглу отъ очей нашихъ прогонять и всѣ вещи въ подлинномъ ихъ и великолѣпномъ видѣ видѣть, и отъ зрѣнія сего получать себѣ наипріятнѣйшее увеселеніе такъ часто, какъ мы сами того пожелаемъ; оно отираетъ съ очей равно какъ мракъ и такъ оныя просвѣщаетъ, что

что всѣ вещи представляются уже намъ совсѣмъ въ иномъ и совершеннѣйшемъ и зрѣнія достойнѣйшемъ видѣ. Въ самыхъ такихъ, которыя мы до того презирали и ни малѣйшаго примѣчанія не удостоивали, находимъ мы множество примѣчанія и удивленія достойнаго. Но что я говорю? самыя тѣ, которыми прежде мы гнушались и отъ зрѣнія на нихъ имѣли отвращеніе, превращаются въ предметы, привлекающіе къ себѣ наше зрѣніе и могущіе возбуждать наше любопытство и утѣшать духъ и сердце нѣсколько времени. Однимъ словомъ, мы ощущаемъ въ себѣ толь великую перемѣну, что можно сказать, что мы равно какъ перерождаемся, начинаемъ новую жизнь и входимъ въ другой и великолѣпнѣйшій свѣтъ, какъ скоро обучимся сему искусству. Тысячи наипріятнѣйшихъ увеселеній бываютъ плодомъ трудовъ нашихъ, къ тому употребленныхъ, и увеселеній такихъ, о которыхъ другіе никакого понятія не имѣютъ, и коихъ пріятность никакимъ перомъ изобразить не можно.

А что всего лучше, то увеселеніями сими можемъ мы во всѣ времена года и всегда, когда ни похотимъ, пользоваться и тѣмъ услаждать теченіе дней нашихъ и облегчать трудности, сопряженныя необходимо съ нашею жизнїю.

Вотъ первая польза, проистекающая отъ наблюденія сего правила, и первая причина, для которой бы вамъ о наблюденіи онаго стараніе прилагать надобно было. Теперь пойдемъ далѣе, и я разскажу вамъ, какія другія могутъ проистекать отъ того выгоды.

Вовторыхъ, надобно вамъ, любезной читатель, знать, что сей родъ увеселеній совсѣмъ отмѣненъ отъ всѣхъ прочихъ родовъ увеселеній, и имѣетъ предъ ними великія преимущества. Наиглавнѣйшее изъ оныхъ есть то, что они могутъ почесться непорочнѣйшими изъ всѣхъ прочихъ: никого мы оными не обидимъ, никому не сдѣлаемъ досады, никто не будетъ

детъ вздыхать, жаловаться и имѣть причину упрекать насъ тѣмъ, что трудами его веселимся и забавляемся. Не повредимъ же мы ни тѣло свое, ни душу оными, не повредимъ и здоровья своего, такъ какъ то при многихъ другихъ бываетъ. Но они не сдѣлаютъ ни другимъ, ни намъ ни малѣйшаго вреда, и кромѣ пользы произвесть ничего не въ состояніи, изъ которыхъ важнѣе всѣхъ то, что мы чрезъ то сдѣлаемъ такое, чего хочетъ нашъ великій Производитель; ибо сей родъ увеселеній нашихъ Ему не инако, какъ милъ и пріятенъ; потому что Онъ для самаго того и произвелъ свѣтъ, и украсилъ его безчисленными красотами, и наполнилъ толь многими чудными и зрѣнія и удивленія достойнѣйшими вещами, чтобъ мы оныя не мимо глазъ пускали, но усматривали, примѣчали, и зрѣніемъ на нихъ веселясь, ими пользовались, и тѣмъ побуждались Его, какъ Творца и Устроителя оныхъ, прославлять, хвалить, благодарить и возноситься къ Нему сердцемъ своимъ и мыслями.

Втретьихъ, великимъ побужденіемъ къ тому можетъ служить вамъ, дорогой читатель, и то, что сей родъ увеселеній можетъ побочнымъ образомъ приносить намъ многоразличныя и весьма важныя иныя пользы. Мы, упражняясь въ сей наукѣ и забавляясь въ практикѣ сими увеселеніями, можемъ нечувствительно притомъ изощрять нашъ разумъ и исправлять наше сердце. Почтеніе къ Богу увеличится, любовь къ Нему умножится, добродѣтельная жизнь сдѣлается милѣе, и мы получимъ болѣе охоты къ исполненію воли Божеской. Въ удостовѣреніе того дозвольте мнѣ привесть какъ многихъ другихъ, такъ и собственной мой примѣръ. Я не обинуясь могу признаться, что я тогда только началъ имѣть прямое понятіе о великомъ нашемъ Производителѣ, и тогда только узналъ, какое это великое, непостижимое, важное, почтенія, страха, любви и поклоненія наидостойнѣйшее Существо, и тогда только началъ учиться Его почитать и уважать всѣ Его хотѣ-

хотѣнія и повелѣнія, и тогда только началъ познавать самаго себя и свою предъ нимъ ничтожность, какъ съ блаженною сею наукою познакомился, и посредствомъ оной просвѣтилъ свои душевныя и тѣлесныя очи, и узналъ какъ величину и огромное зданіе всей вселенной, такъ премудрое во всемъ ономъ всѣхъ вещей устроеніе, которое повсюду наияснѣйшимъ образомъ сіяетъ; но до того времени было мнѣ невидимо и неизвѣстно. Однимъ словомъ, я безпристрастно могу сказать, что я съ того только времени и жить началъ; ибо препровожденные до того въ мракѣ и невѣжествѣ дни почитаю я за ничто и совсѣмъ за потерянные. А тоже самое скажутъ вамъ и всѣ другіе, которые сію науку знаютъ, и ею, какъ надлежитъ, пользуются.

Четвертымъ побужденіемъ къ тому можетъ служить вамъ то, что сіе дѣлать повелѣваетъ намъ не только натуральной долгъ, но и самъ Богъ въ святомъ своемъ откровенномъ

номЪ словЪ. Разкройте только священное писаніе, какЪ найдете вы повсюду о томЪ напоминанія, и можете усмотрѣть, какЪ часто прославляются тамЪ дѣла рукЪ ГосподнихЪ, и коль часто подтверждается намЪ познавать Творца своего изЪ созданій.

НаконецЪ, впятыхЪ, такимЪ же побужденіемЪ можетЪ служить то полезное и вЪ разсужденіи намѣренія нашего наиважнѣйшее преимущество сихЪ увеселеній, что они такого рода, что намЪ оныя никогда прискучить не могутЪ, какЪ то сЪ прочими бываетЪ, также что мы можемЪ оными во всякое время, когда ни захотимЪ, и притомЪ даромЪ и безЪ всякихЪ убытковЪ и трудовЪ пользоваться. Натура намЪ отверста всѣмЪ и во всякое время, и никому не возбраненЪ вЪ ходЪ вЪ сіе увеселительное зданіе; проводники только инымЪ кЪ тому надобны, и вЪ томЪ состоитЪ единое только препятствіе; однако и сихЪ проводниковЪ

не

не трудно найти, естьли кто только пожелаетъ и приложитъ къ тому стараніе.

Ежели спросите меня, когожъ я подъ именемъ проводниковъ разумѣю, то скажу, что разумѣю подъ тѣмъ самихъ, или сочиненія такихъ ученыхъ людей, которые въ наукѣ сей упражняются, и въ ней искусившись практикою, моглибъ уже желающимъ во всемъ подать нужное руководство и вспоможеніе. Ибо признаться надобно, что не всякой человѣкъ можетъ самъ собою узнать и обучиться сей наукѣ, но многіе совсѣмъ къ тому неспособны. Имъ надобна уже посторонняя помощь и такой человѣкъ, которой бы когда не всей наукѣ обучить, такъ по крайней мѣрѣ на ту стезю ихъ возвесть могъ, по которой бы имъ итти, естьли они до желаемаго предмета достигнуть желаютъ.

Теперь не требуйте отъ меня, любезной читатель, того, чтобъ я вамъ

сію услугу теперь сдѣлалъ: предѣлы сего сочиненія далеко неспособны къ тому, чтобъ можно было включить сюда желаемое руководство, которое какъ бы ни мало было, но занялобъ великое пространство. Къ томужъ не обинуясь признаюсь, что я, будучи еще самъ въ сей наукѣ ученикомъ, учинить того нахожусь еще не въ состояніи. Предпріятіе сіе было бы сколько нужное, такъ напротивъ того великое и требующее многаго времени, труда и великаго разсмотренія, а особливо естьлибъ сему нужному руководству быть такому, какое бы желалъ я, чтобъ оно было, то есть такому, которое бы могло незнающимъ сей науки людямъ пользовать, и показать имъ простѣйшій, наиудобнѣйшій и скорѣйшій путь къ пріобрѣтенію себѣ сего полезнаго искусства. Но къ нему потребны лучшія способности, нежели какія я имѣю. Время можетъ быть побудитъ способныхъ къ тому предпріятію, труда толь полезнаго для человѣческаго рода, и къ окончанію того, что многими уже

съ

съ вожделѣннымъ успѣхомъ начато. Ибо надобно знать, что многіе уже трудились надъ симъ пунктомъ, и принесли великія услуги человѣческому роду, и теперь желательно только, чтобъ кто нибудь взялъ на себя трудъ извлечь изъ всѣхъ трудовъ ихъ и разсѣянныхъ по разнымъ книгамъ и сочиненіямъ наставленій нужнѣйшія вещи, и собравъ оныя, отвѣдать, не можно ли составить изъ нихъ нѣкоторой особливой родъ порядочной систематической науки, могущей скорѣйшимъ образомъ къ увеселеніямъ симъ всякому руководствовать, и по которой бы порядочно можно было и съ основаніемъ обучаться, какъ увеселяться красотою и устроеніемъ натуры, и какой науки по сіе время мы еще не имѣемъ.

Однако какъ я не сомнѣваюсь, что вы, любезный читатель, пожелаете отъ меня хоть нѣчто малое о семъ слышать, и по меньшей мѣрѣ, чтобъ я вамъ далъ совѣтъ, что вамъ въ недостаткѣ такой науки дѣлать и что предпринимать, естьли вы на

примѣръ къ снисканію себѣ помянутаго искусства охоту получили, и нужныя къ тому старанія приложить вздумали: то совѣтъ мой въ томъ состоять будетъ, чтобъ вы старалися снабдить себя помянутыми о увеселеніяхъ красотою и устроеніемъ натуры въ разныхъ земляхъ и трудами разныхъ ученыхъ мужей составленными книгами и сочиненіями, и оныя почаще читали. Таковыя книги послужатъ вамъ вмѣсто проводниковъ. Онѣ служили самому мнѣ великимъ вспоможеніемъ, и я не сомнѣваюсь, что и вамъ онѣ не безполезны будутъ, и такуюжъ услугу принесутъ, какую мнѣ принесть были въ состояніи. Читая ихъ, можете вы не только наслаждаться уже пріятнѣйшимъ увеселеніемъ, но мало помалу и всему тому порядку нечувствительно научиться, которымъ должны располагаемы быть требуемыя примѣчанія и разсужденія, и извлекаемы изъ нихъ нужныя для насъ увеселенія.

Ежели спросите меня теперь, какія же бы то именно книги были, и есть ли онѣ на нашемъ Россійскомъ языкѣ: то на первое отвѣтствую, что число ихъ такъ многочисленно, что мнѣ всѣ оныя пересказать вамъ нѣтъ способа; а коротко скажу, что онѣ по большой части суть тѣ, въ которыхъ физическая матерія соединяема съ нравоученіемъ, и въ коихъ сочинители увеселеніе красотою и устроеніемъ натуры главнѣйшимъ своимъ предметомъ имѣли (*). Что касает-

(*) Чтобъ не оставить любопытство ваше совсѣмъ безъ удовольствія, то сообщу здѣсь званія хотя нѣсколькихъ книгъ, которыя въ разсужденіи сего пункта достойны чтенія, и вамъ много пользовать могутъ, а именно:

1. Sulzern Versuch einiger moralischen Betrachtungen über die Werke der Natur, то есть: Зулцеровъ опытъ нравоучительнымъ разсужденіемъ о дѣлахъ естества, 1750.

2. — Unterredungen über die Schönheit der Natur, то есть егожъ разговоры о красотѣ природы, или естества.

сается до втораго пункта, то съ сожаленіемъ долженъ вамъ признаться, что на нашемъ языкѣ по сіе время очень

3. Schilderungen aus dem Reiche der Natur und der Sittenlehre; nach allen Monathen des Jahres, то есть: изображенія изъ царства натуры и изъ нравоученія, на всѣ мѣсяцы въ году.
4. Derhams, Phisico-Theologie, то есть: Дергамова Физикобогословія.
5 Derhams, Astro-Theologie, то есть: Дергамова Астробогословія.
6. Ray, von der Weißheit Gottes in der Wercken der Schöpfung, то есть: Рая, о премудрости Божеской въ твореніяхъ.
7. Niewentit, von Wirklichkeit Gottes aus der Werken der Natur, то есть: Ніевентита, о бытіи Божескомъ изъ чудесъ натуры.
8. Herrey, Betrachtungen über die Herrlichkeit der Schöpfung in Gärten und Feldern 3 Theile, то есть: Гервеевы разсужденія о славѣ и великолѣпіи созданій въ садахъ и въ поляхъ, 3 части.
9. Reischauer Gedanken über Wercke der Natur, то есть: Рейшаура разсужденія о дѣлахъ естества.
10. Wallburgens, Cosmotheologische Betrachtungen über die wichtige Warheiten in Reiche der Natur, то есть: Валбургеновы Козмобогословическія разсужденія о важнѣйшихъ истиннахъ въ царствѣ натуры.

очень мало такихъ книгъ находилось, не только сочиненныхъ, но ниже переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ, и я не однажды уже сожалѣлъ, что трудящіеся въ переводахъ не обращаютъ взора своего на помянутыя книги, толь много добраго въ свѣтѣ произведшія, и не возьмутъ на себя трудъ перевесть на нашъ языкъ наилучшія изъ оныхъ, чѣмъ конечно бы они несравненно болѣе услуги оказали обществу, нежели переводами многихъ другихъ, далеко не столь полезныхъ, но паче иногда къ развращенію и растлѣнію нравовъ служащихъ книгъ и сочиненій.

Какъ же въ семъ случаѣ быть? спросите можетъ быть вы, дорогой чита-

11. Cuno's. Ode über sein Garten, то есть: Кунова ода на его садъ.
12. Brockes irrdisches Vergnügen in Gott, Брокова земное увеселеніе въ Бозѣ.
13. Spectacle de la Nature, то есть: зрѣлище природы, и прочія до пріятной Физики, а особливо до натуральной Исторіи принадлежащія книги.

читатель; когда бы кто и хотѣлъ читать такія книги, но иностранныхъ языковъ не разумѣетъ, или такихъ книгъ достать не можетъ. Въ такомъ случаѣ другаго не остается, какъ читать всякому поболѣе всякія физическія и до натуральной исторіи касающіяся и на нашемъ языкѣ отчасти уже находящіяся книги и сочиненія. Изъ сихъ можетъ уже каждой получить по крайней мѣрѣ общее о связи всѣхъ вещей въ свѣтѣ понятіе, а получивъ сіе, не трудно уже ему будетъ самому усмотрѣть слѣдъ, путь къ помянутому искусству показующій. Все дѣло въ томъ только состоитъ, чтобъ мало помалу пріучать себя на все смотрѣть иными, и такъ сказать мысленными, или душевными глазами, и о всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ, вещественныхъ и невещественныхъ въ свѣтѣ вещахъ отвѣдывать чинить размышленія и разсужденія, и извлекать разныя до нихъ касающіяся примѣчанія, обращая оныя такъ, чтобъ они могли производить намъ духовное увеселеніе.

Теперь

Теперь знаю, что многіе симъ будутъ еще недовольны, а особливо тѣ, которые къ таковымъ размышленіямъ непривычны, и какъ оныя разполагать, не знаютъ. Въ удовольствіе сихъ желалъ бы я включить сюда небольшое руководство, естьлибъ только не завело меня сіе въ великое пространство. Чего ради другаго не нахожу, какъ предложить только небольшое число правилъ, которыя въ семъ случаѣ съ пользою могутъ ими быть наблюдаемы.

И такъ ежели хотите вы, дорогой читатель, знать, какимъ образомъ наиудобнѣе пріучать вамъ себя къ увеселенію красотою и устроеніемъ натуры, то наблюдайте по крайней мѣрѣ слѣдующія правила:

Вопервыхъ, пріучайте себя мало помалу взирать на всѣ находящіяся въ свѣтѣ натуральныя вещи, какъ особно на каждую, такъ и на общее собраніе и связь оныхъ, не такъ какъ на такія, которыя вы многажды уже видали

ли и всякой день видите и ихъ довольно знаете, но какъ на такія, какихъ бы вы на примѣръ никогда еще не видывали и не знаете, и впервые тогда еще видите. Сила и дѣйствіе воображенія вамъ много въ семъ случаѣ помогать можетъ. Но къ сему надобно неотмѣнно себя приневоливать, и мало помалу привыкать, а безъ того воображеніе мало намъ пользовать можетъ, для которой собственно причины и говорилъ я, что надобно себя къ тому пріучивать. Я не могу довольно изобразить, въ какомъ отмѣнномъ и великолѣпномъ видѣ представятся намъ всѣ натуральныя вещи и весь видъ и расположеніе оныхъ, какъ скоро мы употребимъ сіе средство. Въ самыхъ тѣхъ, въ которыхъ мы прежде никакой красоты не находили, примѣтимъ мы уже красоту, и красоту неописанную. Яхонтовой, на примѣръ, сводъ неба, многоразличные великолѣпные и перемѣнные виды, и мраморная пестрота облаковъ, а особливо при возхожденіи и захожденіи солнца, самое бли-

блистаніе сего небеснаго свѣтила, пестрота и многоразличность колеровъ на поверьхности земной, разныя зелени на древахъ и произрастѣніяхъ, вблизи и вдали находящихся, видъ водъ ближнихъ и дальнихъ, разнообразность въ видахъ земель и каменьевъ, также видъ, фигура и расположеніе особенное каждаго произрастѣнія, равно какъ животныхъ, обитаемыхъ въ воздухѣ и на земли, и другія подобныя тому безчисленныя вещи могутъ составлять предметы, могущіе въ восхищеніе приводить наше зрѣніе, какъ скоро пріучимъ мы себя смотрѣть на нихъ такъ, какъ бы то въ первой разъ отъ роду было и мы оныхъ не видывали и не знали, что онѣ такое, но сталибъ смотрѣть на нихъ съ примѣчаніемъ и съ сравненіемъ другихъ видовъ, какіе мы видывали до того времени, и приравнивая оные къ изображеніямъ на картинахъ. Въ разсужденіи сего послѣдняго пункта любители живописи великую могутъ имѣть предъ прочими выгоду; потому что они способ-

нѣе уже усматривать могутъ всѣ наружныя красоты, во всѣхъ оныхъ предметахъ находящїяся и нами только отъ непривычки непримѣчаемыя. Сїи во всякое время могутъ себя увеселять зрѣнїемъ на прекраснѣйшїя и такїя ландшафты и картины, какихъ рука никакого живописца изобразить не можетъ, и тѣмъ забавлять себя всякой разъ, какъ имъ ни захочется; потому что мы буде только похотимъ, то во всякое время года, во всякую погоду и во всякомъ мѣстѣ можемъ найти многїя вещи, достойныя нашего любопытнаго зрѣнїя, естьли только красоту въ нихъ усматривать и примѣчать станемъ.

Вовторыхъ, возбуждайте въ себѣ какъ можно болѣе любопытство и разсматривайте всѣ вещи, такъ сказать, вдоль и поперегъ, и примѣчайте все, что до нихъ принадлежать и касаться можетъ; ибо такїя короткїя разсматриванїя всего способнѣе заводить насъ могутъ въ лабиринты размышленїй и подавать поводъ къ безчисленнымъ духовнымъ увеселенїямъ.

Втреть-

Втретьихъ, сіи примѣчанія и разсматриванія должны предметами себѣ имѣть и наружное и внутреннее всѣхъ вещей сложеніе, и мы должны замѣчать въ умѣ своемъ все, что въ наружномъ и внутреннемъ ихъ составленіи примѣчанія достойнаго и отъ прочихъ отмѣннаго находить можемъ, и не оставлять о всемъ томъ, какъ можно живѣе помышляя, любопытствовать и добираться до причины, для чего бы то такъ, а не инакъ сдѣлано и устроено. Сіе тотчасъ родитъ въ насъ мысль о непостижимости намѣреній нашего Создателя и о безконечной Его премудрости. Знаніе физики и ея частей можетъ въ семъ случаѣ великое сдѣлать вспоможеніе; почему и чтеніе книгъ, до нее принадлежащихъ, великую пользу всякому принесть можетъ.

Вчетвертыхъ, надобно вамъ далѣе разсматривать искусство и мастерство, которымъ всѣ вещи устроены, и разсуждать и мыслить объ ономъ какъ можно живѣе и тонѣе. Сіе

возбудитъ въ васъ мысль о безконечной премудрости Создателя, и можетъ подать слѣдъ ко многимъ другимъ полезнымъ и увеселительнымъ помышленіямъ и возбудить далѣе ваше любопытство. Извѣстные и различные къ увеличиванію малыхъ вещей способные инструменты охотникамъ въ семъ случаѣ могутъ приносить особую пользу и выгоду.

Впятыхъ, надобно вамъ размышлять и сколько можно болѣе вникать въ натуру, существо и свойства каждой вещи и во всѣ обстоятельства, касающіяся до пребыванія ихъ въ свѣтѣ, какъ на примѣръ: помышлять о началѣ происхожденія, жизни, рожденіи, перемѣнахъ, пищѣ, плодородіи, размноженіи, прозябеніи, увеличиваніи, уменьшеніи, смерти, уничтоженіи, возобновленіи вещей и прочее тому подобное. Сіе составляетъ неизмѣримое поле для разсмотренія и неизчерпаемой источникъ для мысленныхъ увеселеній. Физика, а особливо натуральная исторія можетъ при семъ случаѣ дѣлать намъ великое вспоможеніе.

Вше-

Вшестыхъ, помышляя далѣе, старайтеся вникать и колико можно усматривать и тотъ конецъ, или намѣреніе, на которой каждая вещь на свѣтъ произведена, и ту пользу, которую она въономъ производитъ. Сіе покажетъ вамъ слѣдъ ко многимъ другимъ помышленіямъ, какъ на примѣръ о различіи соединенія и связи ихъ съ другими вещами и созданіями, а чрезъ то можете вы поводъ получать удивляться премудрости Божескихъ намѣреній, и къ тому какъ недостаткомъ собственныхъ своихъ вникновеній, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что Богу ничего напраснаго и безъ премудраго намѣренія создать не можно, побуждаться будете.

Вседьмыхъ, надобно вамъ примѣчать и усматривать всѣ хорошія свойства каждой вещи, и приравнивая оныя къ себѣ и къ дѣламъ человѣческимъ, извлекать изъ того себѣ нравоученіе. Сей пунктъ можно почесть примѣчанія наидостойнѣйшимъ, но

притомъ такимъ, къ чему не всякой равно способенъ быть можетъ. Однако естьли хотите знать, какимъ образомъ сіе дѣлать и помянутыя нравоученія извлекать, то въ томъ могутъ вамъ помянутыя мною книги руководствовать.

Въосьмыхъ, при разсматриваніи вещей, сдѣланныхъ искусствомъ рукъ и ума человѣческаго, должны вы поступать точно по такимъ же правиламъ, а паче всего, раздробляя оныя мыслями въ начальныя части, изъ которыхъ онѣ составлены, добираться помышленіями до начальнаго произведенія оныхъ натурою, такъ на примѣръ, какъ я прежде всколзь о часахъ карманныхъ упомянулъ. Можно сказать, что разсматриваніе сихъ вещей и сравниваніе оныхъ съ произведенными натурою можетъ составлять такой же почти неизчерпаемой источникъ наипріятнѣйшихъ мысленныхъ увеселеній, какъ и натуральныхъ, естьли только сіе разсматриваніе надлежащимъ образомъ будетъ про-

производимо. Оно въ состояніи не менѣе побуждать насъ къ хвалѣ и къ прославленію нашего Создателя, даровавшаго созданіямъ своимъ толь великія совершенства ума и знанія и превозвысившаго ихъ толь много предъ прочими видимыми нами животными.

Вдевятыхъ наконецъ, въ разсмотреніяхъ вещей не должно вамъ оставаться при однихъ видимыхъ матеріяльныхъ вещахъ, но такимъ же образомъ разсматривать и невидимыя, или паче духовныя произшествія, какъ то: преудивительной порядокъ въ правленіи Божескомъ міромъ, непостижимые Его промыслы о людяхъ и народахъ, неожидаемыя разрушенія человѣческихъ замысловъ и предпріятій, естественныя наказанія худыхъ дѣлъ, а награжденія добрыхъ, неиспытанность и глубину иныхъ судебъ Божескихъ, и прочее тому подобное, что все не только великимъ же источникомъ мысленныхъ увеселеній быть, но и великую пользу намъ приносить можетъ.

Сіи суть вкратцѣ тѣ немногія правила, которыя должно вамъ наблюдать при разсматриваніи вещей натуральныхъ, естьли хотите, чтобъ разсматриваніе сіе производило вамъ мысленное увеселеніе. Практика и упражненіе покажетъ само собою, что вамъ далѣе дѣлать и предпринимать, и какъ болѣе успѣвать въ семъ полезномъ искусствѣ, о которомъ за вѣрное можно сказать, что оно не только можетъ приносить намъ тысячи наипріятнѣйшихъ увеселеній, но вкупѣ побуждать насъ къ удивленію, почтенію и любви къ нашему Производителю и къ охотнѣйшему исполненію Его воли. Но сего довольно будетъ уже о семъ правилѣ, теперь пойдемъ далѣе и посмотримъ, въ чемъ состоитъ третье средство, которымъ намъ увеселенія свои пріумножать, слѣдовательно благополучію своему споспѣшествовать можно.

3.

Третіе правило, которое для умноженія веселія, какъ существительной

ной части нашего благополучія, наблюдать надобно, есть слѣдующее:

Пріучай себя вообще къ такимъ увеселеніямъ, которыя безъ дальнихъ убытковъ и великихъ пріуготовленій имѣть и по состоянію своихъ обстоятельствъ удобнѣе получить можешь.

Сіе правило кажется мнѣ такого рода, что мнѣ оное ни вдаль объяснять, ни доказывать нѣтъ нужды: всякому оно довольно вразумительно, чего ради немногихъ словъ будетъ уже довольно.

Кому неизвѣстно, что мы отъ того болѣе и мало увеселеній въ жизнь нашу имѣемъ, что ищемъ оныхъ все въ новыхъ, рѣдкихъ, драгоцѣнныхъ и такихъ вещахъ, которыя не инако, какъ съ великимъ коштомъ, великими трудами и стараніями доставляемы и пріобрѣтаемы быть могутъ, а не хотимъ довольствоваться малымъ и тѣмъ, что у

насъ есть и чемъ насъ натура и щастіе одарило? Все, что для насъ кажется мало, все то худо, и всего того не довольно, что мы имѣемъ, и чѣмъ тотчасъ можемъ пользоваться и веселиться, а то и хорошо и прелестно, чего у насъ нѣтъ, и въ чемъ, по мнѣнію своему, имѣемъ мы недостатокъ. Въ какомъ бы мы состояніи и обстоятельствахъ ни находились, какимибъ выгодами и преимуществами предъ множествомъ другихъ щастіемъ одарены ни были, однако мы всемъ тѣмъ не довольны, все намъ то не мило и не прелестно; а ежели спросить для чего, то истинно сами не знаемъ. Однимъ словомъ, по простой пословицѣ говоря, око наше не насыщается зрѣніемъ, а умъ богатствомъ. Почему и происходитъ то, что мы всегда настоящее пренебрегаемъ, а прельщаемся будущимъ и такимъ, чего у насъ еще нѣтъ, и того ищемъ и добиваемся, не смотря, хотя бы то съ великими затрудненіями сопряжено было и намъ оное не инако, какъ чрезъ долгое время и по употребленіи напе-

передъ многихъ трудовъ, стараній и убытковъ получить можно. Не льзя довольно изобразить, сколь много сіе зло мѣшаетъ намъ наслаждаться благополучіемъ, и сколь вредныя слѣдствія за собою приноситъ. Довольно, что мы, чрезъ то окружены иногда будучи случаями къ увеселеніямъ, всѣ оныя изъ рукъ упускаемъ, а ищемъ иныхъ и весь свой вѣкъ провождаемъ въ однихъ желаніяхъ и исканіяхъ оныхъ; а коль странныя и смѣшныя произшествія чрезъ то бываютъ, о томъ упоминать почти не для чего. Не часто ли случается съ нами то, что нѣкогда Езопъ въ баснѣ своей о собакѣ написалъ? Не теряемъ ли и мы иногда въ рукахъ имѣющееся увеселеніе, погнавшись за инымъ, которымъ по суетному нашему воображенію другіе наслаждаются, такъ какъ помянутая собака, имѣя кусокъ мяса во рту, потеряла оной, бросившись за тѣнью его, которую она въ водѣ увидѣла? Да положить хотя, что мы не всегда такую неудачу имѣемъ, а иногда

искомое

искомое увеселеніе и находимъ, такъ и тогда долгое ли же время мы имъ наслаждаемся? не самое ли поистиннѣ короткое и тотчасъ опять изчезающее? Не случается ли часто того съ нами, что мы трудами многихъ лѣтъ покупаемъ такое увеселеніе, которое не болѣе одного дня, но что я говорю, не болѣе одного часа иногда продолжается? Однимъ словомъ, естьли хотя всколь зъ всю нашу жизнь и произхожденія нашихъ дѣлъ съ сей стороны разсмотрѣть, то тысячу такихъ и подобныхъ тому примѣровъ найти можемъ.

Клеонъ имѣетъ, на примѣръ, умѣренной и такой достатокъ, которой наиспособнѣйшимъ почесться можетъ къ спокойной и благополучной жизни; всѣ обстоятельства его по видимому не инако, какъ споспѣшествовать тому могутъ; деревни его изрядныя, и хотя не велики, но за то правленіе оныхъ не сопряжено съ столь многими хлопотами, какъ многочисленныя, пропитать же и увеселять его безъ

нужды

нужды могутъ; онъ имѣетъ въ нихъ покойной домъ, изрядные сады, лѣса, рощи, пруды, рѣки; служителей у него довольно; есть, кому подать, принять и что надобно сдѣлать; семейство у него изрядное, скота и всѣхъ прочихъ къ жизни потребныхъ вещей довольно; есть ему, чѣмъ себя одѣвать; есть, что пить и ѣсть; есть на чемъ и въ чемъ ѣздить; наконецъ есть у него друзья, пріятели и сосѣды, съ которыми онъ можетъ знаться и обходиться и время свое съ ними препровождать весело и пріятно, а паче всего имѣетъ онъ драгоцѣнную вольность, и можетъ все дѣлать, что хочетъ. Однимъ словомъ, онъ имѣетъ, по простой деревенской пословицѣ говоря, хлѣба съ душу, платья съ ношу, денегъ съ нужду, и ничто ему не мѣшаетъ наслаждаться веселіемъ и благополучіемъ сей жизни; однако Клеонъ имъ не наслаждается, но напротивъ того во всегдашнихъ только жалобахъ и негодованіяхъ на скуку и неудовольствія пребываетъ; все ему

ему немило, все непріятно и ничто веселить его не можетъ, не смотря, что тысячибъ людей нашлись, которые за наищастливѣйшихъ бы себя почли, естьлибъ могли въ такихъ обстоятельствахъ находиться, въ какихъ онъ находится. Но отъ чегожъ бы сіе происходило? Отъ того, что Клеонъ всѣми сими дарованіями щастія недоволенъ, и что не умѣетъ ими, или паче не хочетъ такъ пользоваться, какъ надобно. Всего вышеупомянутаго для него мало и недостаточно, и деревни его малы и не состоятъ еще изъ тысячи душъ, и лежатъ онѣ въ худыхъ и не такихъ мѣстахъ, въ какихъ ему бы хотѣлось, и домъ у него малъ, худъ и не довольно еще великолѣпенъ, и сады не довольно еще великолѣпны, и платье еще не богато и его не много, и лакеевъ мало, официантовъ нѣтъ, цуговъ перемѣнныхъ нѣтъ, экипажи не модные, столъ не богатъ, музыка не гремитъ, сосѣдей мало, а которые и есть, такъ не люди, а скоты и подлость, никакого увеселенія съ ними

ними имѣть не можно, нѣтъ баловъ и асамблей, нѣтъ оперъ и комедій, нѣтъ смѣховъ и игоръ; однимъ словомъ, нѣтъ ничего, что по мнѣнію его можетъ составлять пріятную и веселую жизнь. Для сей причины Клеонъ и говоритъ, что ему въ деревнѣ жить скучно, не весело и не возможно, и досадуетъ на то, для чего всего того не имѣетъ и имѣть не можетъ. Наконецъ самое сіе побуждаетъ его оставлять деревню, ѣхать въ городъ, добиваться прибыточнаго мѣста, умножать имѣніе и правдою и неправдою, закупать деревни и снабжать себя всѣми вещами, въ коихъ онъ почиталъ себѣ прежде необходимую надобность. Но какъ все сіе скорѣе сказано, нежели сдѣлано и пріобрѣтено быть можетъ, то какое слѣдствіе произтекаетъ изъ того? Не иное, какъ то, что Клеонъ цѣлую половину вѣка своего въ исканіи и добываніи того принужденъ былъ препроводить, претерпѣть тысячу противныхъ случаевъ, бывать много разъ въ досадѣ, тоскѣ, печали и горести,

пол-

ползать, такъ сказать, на спинѣ и брюхѣ, хлопотать, суетиться, не спать дни и ночи, истощать въ трудахъ душевныя и тѣлесныя свои силы, вредить свое здоровье, дѣлать не то, что хочется, говорить не то, что на сердцѣ, находиться въ тысячѣ безпокойствъ, и прочее тому подобное; но все это не мѣшаетъ. Какъ бы то ни было, но Клеонъ подъ старость свою получаетъ наконецъ все, къ чему стремилось нѣкогда его желаніе. Вотъ имѣетъ уже онъ теперь вмѣсто прежнихъ деревнишекъ цѣлыя волости, домъ у него огромной каменной, убранство великолѣпное, столъ Княжеской, экипажи ужасные; однимъ словомъ, онъ живетъ, какъ Принцъ, въ городѣ и ко всѣмъ забавамъ имѣетъ входъ отворенной... Но чтожъ бы вы думали? Получилъ ли онъ конецъ желаній своихъ? Уже ли они всѣ удовольствованы? Уже ли освобожденъ уже онъ отъ всѣхъ противныхъ и непріятныхъ чувствій? Уже ли находится въ нѣдрахъ благополучія?... Конечно, скажете. Такъ,

отвѣт-

отвѣтствую; съ стороны намъ кажется уже то безсомнѣнно. Но спросите жъ вы самого его о томъ хорошенько, принудьте его къ чистосердечному признанію; а буде онъ запираться станетъ, то поживите сами у него и примѣтьте всю его нынѣшнюю жизнь, вникните въ его сердце и разсмотрите всѣ дѣла его и поступки . . . Чудо поистиннѣ будетъ, ежели не найдете вы тому противное и не принуждены будете признаться, что благополучіе его далеко еще не въ такомъ совершенствѣ, въ какомъ оно вамъ прежде казалось, но что степень онаго не многимъ чѣмъ болѣе той, какая была при прежнихъ его обстоятельствахъ. Вы увидите, что онъ и нынѣ повсядневно подверженъ множеству неудовольствій; вы найдете, что всѣ оныя преимущества только тогда его веселили, когда онъ впервыя ихъ пріобрѣталъ; нынѣ же онъ на нихъ такимижъ безпристрастными глазами смотритъ, съ какими сматривалъ на свои прежнія. Вы услышите такія же жалобы,

и удивитесь, что всего того ему мало, что не достает ему тысячи еще вещей, и что онъ и нынѣ еще о добываніи оныхъ мыслитъ, старается и трудится. Ежели спросите, когдажъ тому конецъ будетъ; тогда отвѣтствую, когда ляжетъ онъ въ великолѣпную гробницу, или, по нещастію до того еще не дошедъ, какимъ нибудь неудачнымъ успѣхомъ, или противнымъ случаемъ всѣхъ оныхъ толикими трудами пріобрѣтенныхъ выгодъ вдругъ лишится и впадетъ въ бездну горестей и отчаянія, которыя наконецъ во гробъ его низведутъ.

Пусть такъ, скажетъ можетъ быть кто нибудь изъ васъ, дорогіе читатели; но того не льзя же отрещи, чтобъ пріобрѣтеніе всѣхъ оныхъ вещей и преимуществъ не производило въ немъ никогда наипріятнѣйшаго удовольствія и радостей по крайней мѣрѣ сначала и тогда, когда онъ ихъ пріобрѣталъ. Не спорю и не хочу въ томъ спорить, отвѣтствую; но только желалъ бы, чтобъ вы спро-

сили его, коль многихъ трудовъ сіи увеселенія ему стоили, колико времени принужденъ онъ былъ оныхъ дожидаться, какими безпокойствами онъ оныя покупалъ, и сколь кратковременны всѣ они были? Вы вѣрно бы услышали, что помянутыя безпокойства и труды и чувствуемыя при томъ досады, прискорбности и неудовольствія далеко превозвышали оныя, а чрезъ все то въ самомъ дѣлѣ и въ разсужденіи собственно себя ничего онъ особливаго не получилъ. Клеонъ остался тѣмъ же Клеономъ, то есть не выросъ ни на полвершка болѣе, не можетъ ни наѣдаться, ни напиваться сытнѣе и не высыпаться болѣе прежняго, выключая только то, что въ то время былъ онъ здоровѣе и спокойнѣе и не находился въ столь многихъ заботахъ и хлопотахъ, какъ нынѣ. Но кто же ему мѣшалъ тогда всѣми сими выгодами наслаждаться, и не могъ ли онъ и безъ такихъ дальнихъ околичностей сыскать довольно себѣ увеселеній?

И подлинно, ежели прямо разсудить, что на пути, ведущемъ насъ къ увеселеніямъ, не натура, а мы сами себѣ дѣлаемъ преграды и затрудненія. Она отворила сей путь каждому и сдѣлала невозбраннымъ, и въ томъ уже не виновата, что мы, не хотя взять самую ее въ проводники и слѣдовать приготовленною ею дорогою, сами собою въ сей путь отправляемся, и встрѣчающіеся съ нами готовые мосты и гати, также ночлеги и украшенія, прежде разбрасываемъ, сожигаемъ и раззоряемъ, а потомъ сами вновь ихъ строимъ и съ великимъ трудомъ пріуготовляемъ и перебираемся, а не зная ближайшаго пути, ведущаго къ храму увеселеній, идемъ къ нему окольными, заводящими не рѣдко насъ въ пустыни, дебри, лѣса, топи и болота, въ которыхъ такъ иногда запутаемся, что не имѣя надежды выйти, приходимъ въ отчаяніе и погибаемъ.

Ежелижъ спросите далѣе, какія же бы то собственно были увеселенія, кото-

которыя намъ безъ дальнихъ убытковъ и пріуготовленій искать и имѣть можно, такъ на сіе скажу, что всѣ оныя изчислять было бы сколько пространное, столько и излишнее дѣло: не трудно всякому самому оныя усматривать и находить. Сама натура и обстоятельства его могутъ показывать ему разные къ тому пути и слѣды, только скажу, что большую и знаменитѣйшую часть оныхъ могутъ составлять тѣ, о которыхъ упоминаемо было въ обоихъ предслѣдующихъ правилахъ. Однако и кромѣ ихъ есть многіе иные роды невинныхъ, неубыточныхъ и не съ труднымъ исканіемъ сопряженныхъ увеселеній, поговорите только о томъ съ живущими въ деревняхъ и прямо пріятною, простою и невинною сельскою жизнію съ разумомъ наслаждающимися сельскими жителями; поговорите съ охотниками до садовъ и прямыми любителями оныхъ; побесѣдуйте съ любителями наукъ и учености и препровождающими въ нихъ и въ чтеніи книгъ праздное свое

время; спросите наконецъ знающихъ какое нибудь ремесло и художество и упражняющихся въ нихъ по своей волѣ, безъ принужденiя и для одного только увеселенiя; спросите у тѣхъ, которые похвальную привычку имѣютъ при свиданiяхъ съ своими прiятелями и друзьями не въ пустословiяхъ однихъ и не въ бездѣльныхъ играхъ, но въ разумныхъ, важныхъ, полезныхъ и увеселительныхъ разговорахъ препровождать свое время; спросите, говорю, у всѣхъ ихъ, пользуются ли они когда нибудь увеселенiями, и часто ли претерпѣваютъ скуку? Вѣрно услышите вы отъ нихъ неожидаемой и такой отвѣтъ, которому вы не повѣрите. Они наскажутъ вамъ тысячи увеселенiй, которыя въ разсужденiи ихъ не инако, какъ безпрерывную цѣпь составляютъ; они нелицемѣрно вамъ признаются, что никогда еще не имѣли причины раскаяваться въ своихъ къ тѣмъ вещамъ охотахъ; что они въ состоянiи веселить и забавлять ихъ во всякое время; о скукѣ же они почти и понятiя

не имѣютъ, и вы не думайте, чтобъ они лгали и клепали себя тѣмъ, чего не бывало. Что вамъ это смѣшно и нескладно кажется, тому уже не они виноваты. Отвѣдайте сами, изъвѣдайте то своимъ опытомъ: узнаете и вы, что ничего нѣтъ справедливѣе онаго.

Все это одни брѣдни и вранье, скажете вы, и не видимъ ли мы часто противное тому, не видимъ ли и при всѣхъ оныхъ случаяхъ многихъ, не наслаждающихся дальними увеселеніями и также жалующихся на скуку? . . . Такъ, я охотно и на сіе соглашусь, и прошу только то припомнить, что я, говоря о томъ, вкупѣ и объ одномъ условіи упоминалъ, которое можетъ быть вы не запримѣтили, а именно: что всѣ оныя и многія иныя подобныя тому вещи могутъ только тогда производить множество увеселеній, когда ими прямо и съ разумомъ пользоваться, а безъ того и онѣ намъ дальнихъ увеселеній принесть не могутъ, но паче, также какъ и прочіе

роды увеселеній, насЪ вЪ великіе убытки, хлопоты, заботы, вожделѣнія, досады и безпокойства ввергать могутЪ. Всякая вещь до тѣхЪ порЪ только хороша, покуда не выдетЪ изЪ должныхЪ своихЪ предѣловЪ; а вЪ семЪ случаѣ и всякая добрая вещь сдѣлается худою. Не видимЪ ли мы примѣровЪ, что вЪ такомЪ случаѣ и великія добродѣтели обращаются вЪ пороки, ежели изЪ надлежащихЪ границЪ выведены бываютЪ? И такЪ все зависитЪ отЪ умѣренности и отЪ умѣнья; кЪ сему же не всякой способенЪ, а потому не всякой тѣмЪ равно и веселиться можетЪ. ВозьмемЪ охоту до садовЪ себѣ вЪ примѣрЪ: сколько есть охотниковЪ до нихЪ, но всѣ ли они равно ими увеселяются? Всего меньше. . . . Но напротивЪ того должно сказать, что увеселенія, получаемыя ими отЪ нихЪ, бываютЪ весьма разныхЪ степеней, и что не рѣдко бываетЪ, что одного маленькой простой садикЪ можетЪ болѣе и способнѣе увеселять, нежели другаго огромные, драгоцѣнные и великолѣп-

лѣпные сады. Отъ чегожъ сіе происходитъ? . . . Отъ того, что первой умѣетъ ими по надлежащему пользоваться и веселиться не только одною наружностію и зрѣніемъ на оные, но и существомъ оныхъ, и притомъ и чувствами и духомъ; а послѣдній сего блаженнаго искусства не знаетъ и веселится одною только поверьхностію, или, такъ сказать, скорлупою на орѣхѣ. А отъ того и происходитъ, что первому сады его никогда прискучивать не могутъ, но всякой день въ состояніи приносить ему новыя, чистѣйшія и наипріятнѣйшія забавы, а послѣднему тотчасъ прискучиваютъ, дѣлаются уже не въ диковинку и болѣе не увеселяютъ. Но сему инако и быть не можно; потому что сей держится только за дверь сего храма увеселеній, а тотъ входитъ во внутренность онаго; сей веселится только зрѣніемъ на наружную красоту его, и помышляетъ только о томъ, какъ бы его убрать и украсить получше, и все свое стараніе къ тому прилагаетъ, чтобъ сдѣлать его такимъ,

чтобъ онъ метался въ глаза людямъ; а тотъ, помня болѣе простую пословицу, что не красна изба углами, а красна пирогами, и послѣдуя ей, наружность не болѣе украшаетъ, сколько дозволяютъ ему его обстоятельства, но вмѣсто того гребется во внутренность и веселится всѣми тѣми безчисленными утѣшеніями, какими сей храмъ сама натура преисполнила, и имѣетъ чрезъ то безчисленныя предъ первымъ выгоды; ибо не только избавляется отъ всѣхъ излишнихъ убытковъ, хлопотъ, заботъ и досадъ, сопряженныхъ съ содержаніемъ огромныхъ и великолѣпныхъ садовъ, но увеселяется въ нихъ каждою вещицею, и нѣтъ такого мѣста и уголка въ его саду, которое бы не въ состояніи было его остановить и по цѣлому часу напаять душу его чистѣйшимъ увеселеніемъ. Отъ того и происходитъ, что сего иногда бездѣльное деревцо и простой самой цвѣтокъ можетъ столько же, или еще и болѣе, увеселять, нежели того драгоцѣнныя ранжереи, партеры, фонтаны

таны и статуи. Отъ чего же сіе происходитъ ? . . . Отъ того, что тотъ не печется о бѣлизнѣ и нѣжности рукъ своихъ, не боится изнурить силъ своихъ употребленіемъ кой-когда и собственныхъ своихъ трудовъ, и съ охотою къ саду сопрягаетъ вкупѣ охоту къ увеселенію натурою, или естествомъ, а сей отъ трудовъ почитаетъ себя слишкомъ возвышеннымъ, не хочетъ унизить себя до такой подлости, чтобъ руки употреблять на то, къ чему онѣ созданы, и боится испакостить ихъ прикасаніемъ къ такимъ вещамъ, которыя ихъ замарать могутъ, а того блаженнаго искусства, какъ веселиться натурою, вовсе не знаетъ и о томъ не слыхивалъ, и потому и въ садахъ своихъ не столько веселится, сколько воюетъ съ своими садовниками и духомъ мучится. Вотъ истинной источникъ, изъ котораго вся разность въ увеселеніяхъ проистекаетъ! А что здѣсь говорено о садахъ, такъ тоже самое и о прочихъ вещахъ разумѣется, которыми увеселяться

намъ

намЪ сама натура и Производитель ея не запрещаетЪ.

Знаю, что многіе найдутЪ еще одно, по мнѣнію ихЪ, весьма важное обстоятельство, которое имЪ противЪ всего вышеписаннаго возразить можно. Они легко сказать могутЪ, что все сіе хорошо; но какЪ вЪ такомЪ случаѣ быть, когда у кого ко всему тому ни склонности, ни охоты, ни желанія нѣтЪ? Иной радЪ бы, на примѣрЪ, имѣть охоту кЪ хлѣбопашеству, домостроительству, кЪ садамЪ, рыбнымЪ ловлямЪ, кЪ наукамЪ, кЪ читанію книгЪ и кЪ прочимЪ какимЪ нибудь рукомесламЪ и художествамЪ, способнымЪ для препровожденія празднаго времени, и прочему тому подобному, но ему натура того уже не дала, и онЪ ни вЪ чемЪ изЪ помянутыхЪ вещей не находитЪ увеселенія. КакЪ вЪ такомЪ случаѣ быть?... Изрядно, отвѣтствую; возраженіе по видимому справедливое и нѣтЪ его обыкновеннѣе. Но что, естьли можно доказать, что оно весьма ху-

худыя и слабыя основанія имѣетъ? Что скажемъ мы тогда? Не устыдимся ли, когда увидимъ, что тѣмъ себя мы только обманываемъ, и что сіе единственнымъ извиненіемъ кичливости нашего сердца служитъ? Однако не хочу нарушать спокойствіе ваше пространными тому доказательствами, но коротко скажу, что ничего нѣтъ легче доказать того, что натуру мы въ семъ случаѣ слишкомъ много обвинять никакъ не можемъ. Она произвела хотя небольшую и весьма надобную разность, однако совсѣмъ почти не въ томъ, въ чемъ мы ее полагаемъ; вся разность по большой части состоитъ въ разности такъ называемыхъ темпераментовъ, или нравовъ, какъ то: холерическаго, меланхолическаго, флегматическаго и сангвиническаго. Но сія разность касается только отчасти до сложенія нашего тѣла, отчасти до дѣйствъ нашихъ склонностей (о чемъ пространно говорить будетъ слишкомъ много), а не до самыхъ склонностей и желаній. Самыя

мыя же склонности, или, паче сказать, кладези, или ключи, изъ которыхъ склонности наши, какъ разные источники, ручьями проистекаютъ, во всѣхъ человѣкахъ натурою произведены почти одинаковы и ни одинъ человѣкъ не лишенъ оныхъ; а возражаемая разность въ склонностяхъ и охотахъ человѣческихъ происходитъ малою только частію отъ природы и наслѣдственнаго прехожденія отъ родителей на дѣтей ихъ, а по большой части отъ того, что сіи ручейки либо съ самаго младенчества нашего не прочищены, либо при возрастѣ позасорились и въ теченіи своемъ остановку получили и вода въ другую сторону и другими источниками потекла, то есть другія склонности и охоты мѣста оныхъ заняли, а сіи заблаговременно и въ самомъ началѣ угнѣли. Слѣдовательно по большой части все зависитъ отъ того, чтобъ они прочищены и къ дѣйствію способными учинены были. А что сіе справедливо, то могутъ намъ доказать самые опыты. На самихъ васъ, до-

дорогіе читатели, я въ семъ случаѣ сошлюсь, и спрошу, не случалось ли вамъ самимъ видать, или слыхать множество такихъ примѣровъ, что люди получаютъ со временемъ къ тому великую охоту и склонность, къ чему прежде никакой охоты не имѣли, и къ чему казалось, что они ни мало несродны были? Не ходя вдаль, возьмемъ въ примѣръ всѣхъ тѣхъ мастеровыхъ, которыхъ мы по неволѣ иногда чему нибудь учиться отдаемъ: не большая ли часть изъ нихъ получаютъ къ тому охоту и склонность, и не въ тѣхъ ли почти однихъ мы оной не находимъ, которые либо сами въ томъ не старались, либо иныя склонности и не о томъ мысли, либо совсѣмъ поврежденной нравъ имѣли и къ тому ни малѣйшаго прилѣжанія употребить не хотѣли. Коротко, естьлибъ дозволено мнѣ было собственно въ доказательство привесть, то бы могъ я своимъ примѣромъ то утвердить: я, находясь сперва въ военной службѣ, ни малѣйшей не имѣлъ склонности къ сельской

ской жизни и къ садамъ, и самъ о себѣ думалъ, что я къ тому ни мало несроденъ; но сдѣлавшись деревенскимъ жителемъ, въ короткое время получилъ такую, которую почти господствующею во мнѣ нынѣ назвать можно. Отъ чегожъ она произошла, естьлибъ ключа уже не было?

И такъ окончу я все сіе, сказавъ, что все зависитъ единственно отъ того, чтобъ мы сами постарались увеличить въ себѣ тѣ желанія, которыя приличны къ тѣмъ вещамъ, отъ которыхъ, на примѣръ, намъ безъ дальнихъ коштовъ и безъ великихъ пріуготовленій увеселенія получать можно. Чрезъ сіе можемъ мы со временемъ и нечувствительно произвесть въ себѣ къ тому охоту и склонность; а какимъ образомъ наиудобнѣе сіе въ дѣйство производить, о томъ, надѣюсь, не для чего мнѣ опять то повторять, о чемъ довольно пространно было говорено въ предслѣдующихъ моихъ разсужденіяхъ, находящихся въ первой части сея книги.

И

И такъ всякой, желающій о томъ подробнѣе знать, да соблаговолитъ привесть оное на память; а я двумя только словами скажу, что все искусство состоитъ 1) въ частомъ помышленіи о тѣхъ вещахъ, 2) въ частомъ повтореніи такихъ дѣлъ, которыя къ тому свойственны, и наконецъ 3) въ небольшомъ себя къ тому сначала приневоливаніи.

Но сего довольно будетъ о семъ правилѣ и средствѣ къ пріумноженію нашихъ веселій: теперь пойдемъ далѣе и посмотримъ, въ чемъ состоитъ четвертое.

4.

Четвертое генеральное правило, наблюденіемъ котораго намъ количество увеселеній своихъ умножать можно, есть слѣдующее:

Увеселеніями наружныхъ чувствъ наслаждайся умѣренно и не слишкомъ много.

Сіе правило требуетъ уже опять отъ меня нѣкотораго объясненія и доказательства, а безъ того инымъ оно будетъ непонятно; чего ради слѣдующаго къ тому, надѣюсь, довольно будетъ.

Изъясняя второе правило, имѣлъ я уже случай упомянуть, что всѣ наши увеселенія могутъ нѣкоторымъ образомъ на три рода раздѣлиться, а имянно: на чувственныя, или тѣлесныя, на мысленныя, или духовныя, и на совокупныя. О сихъ обоихъ говорено было тогда, а здѣсь о первыхъ, то есть о чувственныхъ, или тѣлесныхъ въ особливости идетъ слово.

Сіи увеселенія получаемъ мы посредствомъ нашихъ чувствъ, то есть зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія, или короче, посредствомъ нашего тѣла; почему они сколько чувственными, столько и тѣлесными называться имѣютъ равное право. Можно сказать, что сей родъ увеселеній достоинъ особливаго примѣчанія

нія тѣмъ паче, что оныя суть самыя тѣ, за которыми всѣ люди наиболѣе въ жизнь свою гоняются, ихъ любятъ и предпочитаютъ ихъ слишкомъ уже много мысленнымъ, не дѣлаютъ между ими никакого разбора, и самымъ тѣмъ, къ великому своему предосужденію, наивеличайшую погрѣшность дѣлаютъ. Они составляютъ предметы большей части ихъ дѣлъ, трудовъ и стараній, и есть люди, которые въ наслажденіи сего рода увеселеніями все блаженство и благополучіе сей жизни полагаютъ, и ни о какихъ другихъ и слышать не хотятъ, хотя тѣмъ несказаннымъ образомъ погрѣшаютъ. Для самаго сего обстоятельства, равно какъ и для того, что отъ наблюденія вышепредложеннаго правила для насъ великая и важная выгода проистекать можетъ, не излишнее, надѣюсь, будетъ, естьли мы объ нихъ поговоримъ нѣсколько пространнѣе.

Я не знаю, надобно ли мнѣ изчислять сей родъ увеселеній въ подроб-

ности и терять на то время, или не надобно. Кажется, всякому моглибъ они довольно быть и безъ переписи извѣстны, и всякому изъ вышеписаннаго не трудно уже самому заключить, что къ симъ увеселеніямъ принадлежитъ все то, что можетъ утѣшать и увеселять наши глаза, носъ, уши, языкъ и все тѣло; слѣдовательно на что о томъ сказывать, что всякому и безъ меня извѣстно. Чего ради лучше о томъ умолчать и приступить къ чему нибудь важнѣйшему и не столь коротко извѣстному.

Прежде всего скажу, что всѣ сіи увеселенія могутъ быть раздѣляемы разными манерами: вопервыхъ, по числу нашихъ чувствъ на пять разныхъ классовъ, какъ то: на увеселенія, происходящія отъ насыщенія зрѣнія; на увеселенія, происходящія отъ насыщенія и удовольствованія слуха; на увеселенія, происходящія отъ удовольствованія нашего обонянія; на увеселенія, происходящія отъ удовольствованія нашего вкуса, и наконецъ на уве-

увеселенія, происходящія отъ удовольствованія нашего осязанія; вовторыхъ, на позволенныя и непозволенныя; втретьихъ, на вредныя намъ и полезныя; вчетвертыхъ, на произвольныя и непроизвольныя; впятыхъ, на удобопріобрѣтаемыя и съ трудомъ пріобрѣтаемыя, и такъ далѣе.

Сіе упомянулъ я для того, чтобъ тѣмъ доказать, что не всѣми оными безъ разбору намъ пользоваться благоразуміе дозволяетъ, но по силѣ предслѣдующихъ правилъ и разсужденій одни тѣ въ число удобныхъ къ составленію благополучія нашего почитать, которыя по справедливости могутъ названы быть позволенными, намъ полезными и удобопріобрѣтаемыми; такихъ же, какъ огня, бѣгать и остерегаться, которыми наслаждаться либо сама натура и ея общій съ нами Производитель запрещаетъ, либо намъ наслажденіе ими вредъ тѣлесной, или душевной учинить можетъ, либо мы ихъ не инако, какъ съ затрудненіями получать можемъ.

Какіе бы всѣ сіи разные роды увеселеній ни были, до сего не трудно также всякому самому добраться.

Далѣе замѣчаю, что всѣ сіи чувственныя увеселенія имѣютъ двоякое происхожденіе, и происходятъ либо отъ удовольствованія человѣческихъ, либо отъ удовольствованія и насыщенія такъ называемыхъ скотскихъ желаній и стремительствъ. Что я подъ симъ разумѣю, не трудно всякому усмотрѣть, какъ скоро онъ благоволитъ напомнить то, что я въ первой части сей книги о разности нашихъ желаній говорилъ.

Наконецъ надобно мнѣ слѣдующее весьма примѣчанія достойное обстоятельство запримѣтить, а имянно: что въ разсужденіи всѣхъ сихъ чувственныхъ, или тѣлесныхъ увеселеній изъ опытовъ примѣчено, что они, а особливо тѣ, которыхъ намъ по вышесказанному бѣгать и остерегаться надобно, имѣютъ нѣкое особливое свойство, состоящее въ томъ, что они не

только не могутъ долго продолжаться, но чрезъ частое повтореніе теряютъ свою силу, или степень своей величины, и часъ отчасу дѣлаются человѣку меньше чувствительны, а наконецъ не только нечувствительными, но уже ему и наскучиваютъ и обращаются въ отягощеніе. Отъ чего сіе происходитъ, о томъ въ тонкость изслѣдывать была бы самая излишность. По всему видимому причиною тому устроеніе внутреннихъ орудій и непостижимость связи машинъ нашихъ чувствъ, которымъ вредно можетъ быть, когда они часто одинакимъ образомъ дѣйствуютъ и чрезъ то терпятъ поврежденіе. Обстоятельство, что мы не можемъ долго на одну вещь безъ остолбенѣнія глазъ пристально и безпрерывно смотрѣть, и прочіе тому подобные примѣры подтверждаютъ сію догадку; чего ради натура, произведя вышеупомянутое свойство сего рода увеселеній, равно какъ мановеніемъ руки даетъ намъ знать, чтобъ мы чувства наши чрезъ частое такое принужденіе

къ дѣйствію орудій ихъ одинакимъ образомъ не доводили до поврежденія; и чтобъ насъ къ тому противъ хотѣнія нѣсколько принудить, то вложила въ насъ стремительство, чтобъ мы при удовольствованіи приличныхъ къ тому желаній искали всегда перемѣнныхъ предметовъ.

Теперь приступлю я къ самому дѣлу и скажу, что самое сіе примѣченное свойство и положено основаніемъ сему важному правилу; ибо когда сама натура намъ говоритъ, что частое повтореніе одинакихъ чувственныхъ увеселеній намъ вредно и невыгодно, то что натуральнѣе того, какъ слѣдовать ея повелѣнію и отъ того какъ можно удаляться, то есть наслаждаться чувственными одинакими увеселеніями не гораздо часто и не слишкомъ много, дабы чрезъ то не тщетно употребить сей данной ею намъ подарокъ, и его самимъ отъ себя не лишиться, но имъ надлежащимъ образомъ пользоваться?

Чтобъ

Чтобъ все сіе простѣе и не такъ умозрительно изъяснить, постараюсь теперь доказать примѣрами. Пройдемъ вскользъ всѣ пять родовъ сихъ увеселеній и коснемся нѣсколькихъ примѣровъ.

Начнемъ съ увеселеній, происходящихъ отъ удовольствованія нашего зрѣнія: кому не извѣстно, коль прискучливы они, естьли часто повторяемы будутъ, и коль много теряютъ величины своей отъ сего частаго наслажденія? Подите смотрѣть какое нибудь великолѣпное строеніе, подите въ великолѣпной садъ, посмотрите на драгоцѣнныя какія украшенія, диковинныя и рѣдкія вещи, новыя и дорогія платья и вещи, прекрасныя картины, на изрядство какого нибудь животнаго звѣря, или птицы, и наконецъ на самую красоту человѣческую, въ какое восхищеніе приходите вы въ первой разъ и какое увеселеніе чувствуете отъ того? Но походите туда почаще, посмотрите на то ежедневно и скажите

мнѣ по прошествіи нѣсколькихъ дней, съ такимъ ли вы восхищеніемъ на то взираете, какъ въ первой и послѣдующіе разы? Не должны ли вы будете признаться, что увеселеніе, чувствуемое вами нынѣ при зрѣніи на оныя, далеко уже не таково, какъ прежде было, и что иныя вещи васъ уже ни мало не увеселяютъ, а другія напротивъ того уже и прискучивать начинаютъ? Кому не извѣстна сія истинна, и кто не испыталъ ее много разъ въ своей жизни? Надобно ли мнѣ еще доказывать оную?

Вѣдаю, что вы мнѣ не велите; и для того, оставляя сіе, докажу такимъ же образомъ и второе предложеніе, то есть, что умѣренное и не столь частое наслажденіе сего рода увеселеніями намъ всю величину онаго сохранить и намъ оными во всю нашу жизнь пользоваться допустить можетъ.

Возьмемъ въ примѣръ какія нибудь простыя и извѣстныя въ семъ случаѣ вещи . . . Скажите, на примѣръ, не

всѣмъ

всѣмъ ли намъ довольно извѣстна весна и бываемыя во время оной перемѣны натуры? Не всѣ ли мы оную множество разъ видали? Не всѣ ли знаемъ, какъ все происходитъ? Но не смотря на то, не веселимся ли мы всѣ ею ежегодно? Не восхищаемся ли пріятнѣйшимъ чувствіемъ при приближеніи и по наступленіи оной? Скажите, не бываетъ ли того съ нами, что мы не можемъ зеленью травы, новою одеждою деревъ, разцвѣтающими цвѣточками и многими другими предметами довольно налюбоваться и навеселиться, не смотря на то, что мы все то уже нѣсколько разъ въ жизнь свою видывали и тѣмъ веселились? Не часто ли случается съ нами, что мы съ величайшею нетерпѣливостію ждемъ, чтобъ развернулось какое нибудь намъ надобное деревцо, или цвѣточикъ, и невѣдомо какъ любуемся имъ, когда то воспослѣдуетъ, хотя въ самомъ дѣлѣ намъ то не въ диковинку, и мы то уже множество разъ видали? Но отъ чегожъ все сіе происходитъ, и что

при.

причиною тому, что увеселеніе наше ничѣмъ не меньше прежняго, какъ не то одно, что мы перемѣны сіи не часто видимъ и весною не всегда наслаждаемся?

Что сіе дѣйствительно такъ, и что самыя сіи перемѣны намъ далеко таковы пріятны и чувствительны не былибъ, естьлибъ мы гораздо чаще оныя видѣли, то можемъ изъ того заключить, что конецъ самой сей весны намъ далеко не таковъ пріятенъ, какъ начало, потому что мы видѣть оную мало помалу уже привыкаемъ. Естьли сего не довольно, то приведу я въ примѣръ охотника до цвѣтовъ и держащаго оные во весь годъ кругомъ у себя на окнахъ, и спрошу его, такое ли они ему увеселеніе приносятъ, какъ надворные, такъ ли онъ веселится ранжерейными своими гвоздиками, желтофіолями и левкоями лѣтомъ и когда ихъ всякой день цвѣтущіе видитъ, какъ прочими надворными изъ года въ годъ цвѣтущими и рѣдко видимыми цвѣтами. Не потеряли ли они въ разсужденіи его боль-

большую часть своихъ преимуществъ и способностей къ увеселенію зрѣнія, и не отъ того ли сіе происходитъ, что онъ видитъ ихъ ежедневно и ему не въ диковинку?

А какъ съ сими натуральными вещами происходитъ, такъ точно и со всѣми прочими. Чѣмъ рѣже будемъ мы зрѣніемъ на какую вещь веселиться, тѣмъ чувствительнѣе сіе веселіе будетъ и тѣмъ долѣе можемъ мы ею веселиться.

Обстоятельства, касающіяся до увеселеній, происходящихъ отъ удовольствованія нашего слуха, тоже самое намъ доказать могутъ. Кому не извѣстна пріятность ощущанія нашего при слышаніи какой нибудь пріятной музыки, или пѣнія? Какое веселіе производитъ согласіе и стройность тоновъ въ сердцахъ нашихъ? Но станемъ же мы все сіе ежедневно слушать, долго ли пребудетъ утѣшеніе сіе въ одинаковомъ градусѣ? Не станетъ ли оно часъ отчасу уменьшаться,

шаться, и не дойдетъ ли наконецъ до того, что она насъ уже не только болѣе увеселять не станетъ, но и прискучить въ состояніи. А ежели бы мы симъ увеселеніемъ не столь часто наслаждались, то вѣрно бы во всю жизнь могли въ одинаковомъ градусѣ оное чувствовать. Примѣромъ тому могутъ служить намъ соловьи: коль утѣшно для насъ пѣніе сего воздушнаго музыканта, и не пріятнѣе ли они всегда вольные, нежели заключенные въ клѣткахъ? Сіи хотя также насъ рѣдкостію своего пѣнія увеселяютъ, но иногда уже и наскучить могутъ; напротивъ того воздушные, производя намъ сію утѣху гораздо рѣже, никогда не прискучиваютъ, но всякой годъ одинаково увеселяютъ. Сіе одно доказываетъ уже намъ, коль премудро учрежденіе натуры, и какіе согласные съ нашими чувствами сдѣланы въ ней Зиждителемъ разпорядки.

Тоже самое примѣчаемъ мы и въ разсужденіи увеселеній, проистекающихъ

щихЪ отЪ удовольствованія нашего обонянія. Какое пріятное ощущаніе получаемЪ мы отЪ благовонія цвѢтовЪ, курительныхЪ порошковЪ, водЪ и маслЪ благовонныхЪ? Но нюхайте же то всякой день и часЪ, накуривайте покой всякой день порошками и чтобЪ дымЪ не выходилЪ, и скажите, такЪ ли уже вамЪ пріятно будетЪ благовоніе оныхЪ?

Но оба вышеупомянутые роды увеселеній не составляютЪ дальней важности и не столь великое участіе имѢютЪ вЪ дѢлахЪ и жизни нашей, какЪ послѢдующіе оба, то есть отЪ вкуса и осязанія происходящіе. Сіи по справедливости достойны того, чтобЪ принимать ихЪ вЪ дальнѢйшее примѢчаніе и говорить обЪ нихЪ нѢсколько поболѢе.

И такЪ что касается до увеселеній, происходящихЪ отЪ удовольствованія вкуса, то кому не извѢстно, сколь скоро пріѢдаются намЪ и самыя драгоцѢнныя Ѣствы и припива-

пиваются наилучшіе напитки, когда мы часто одно да одно ѣсть и пить, а особливо ненатуральное, а ухищренное станемъ? Не доходитъ ли часто до того, что мы въ иномъ совсѣмъ вкусъ теряемъ и сладчайшее кушанье съ меньшимъ аппетитомъ и вкусомъ ѣдимъ, нежели иной самое простое и натуральное? Отъ чегожъ инаго сіе происходитъ, какъ не отъ частаго повторенія употребленія одинакаго кушанья? А какъ сіе наиболѣе въ разсужденіи сложныхъ, дорогихъ и такихъ кушаньевъ примѣчается, которыя намъ не столь натуральны, какъ простыя, и пряностію своею орудія чувствія нашего сильнѣе трогаютъ: то не учитъ ли насъ самое сіе наблюдать въ перемѣнѣ кушаньевъ своихъ благоразумную различность и не всегда употреблять хорошее, но перемѣнять оное съ грубымъ и простымъ, дабы чрезъ то сохранить на должайшее время ту степень пріятности, какую имѣемъ мы, употребляя въ пищу хорошія и пріятныя кушанья? Что сіе дѣйствительно отъ того послѣ-

слѣдуетъ, тому въ доказательство могутъ служить посты наши. Признаюсь, что съ сей стороны они особливую приносятъ намъ предъ прочими народами выгоду и преимущество; ибо не долженъ ли всякой признаться, что употребляющіе всегда въ пищу мясо о той степени пріятности нашего вкуса и сопряженной съ тѣмъ нѣкоторой радости и понятія не имѣютъ, какою мы, разгавливаясь послѣ постовъ, да и въ самые четверги и субботы наслаждаемся.

Что касается до разныхъ родовъ увеселеній, имѣющихъ начало свое отъ удовольствованія чувства осязанія, то тоже самое и объ нихъ сказать можно, что и о прочихъ. Кому не извѣстно, сколь скоро прискучиваетъ намъ, на примѣръ, излишняя теплота и стужа, долговременное лежаніе, сидѣніе, ходьба, ѣзда, разныя тѣлесныя упражненія, и прочее тому подобное, и все то, въ чемъ осязаніе наше имѣетъ нѣкое участіе? И сколь многія пріятности могутъ получаемы быть отъ наблюдаемой въ томъ благоразумной

умной перемѣны и не слишкомъ частаго повторенія одинакаго увеселенія и забавы, принадлежащей къ сему роду? Невеликая важность всѣхъ оныхъ вещей не дозволяетъ мнѣ далѣе о сихъ мѣлочахъ говорить и тратить на то время и труды. Чего ради, чтобъ не распространить безъ нужды рѣчь мою много, дальнѣйшее разсмотреніе сего пункта оставлю я самимъ читателямъ, замѣтивъ только притомъ, что къ сему же классу увеселеній принадлежитъ нѣкоторымъ образомъ еще одно весьма существительное и такое, которое иногда великія и важныя содѣйствія въ прочихъ нашихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ имѣетъ. Но какое собственно оно, о томъ нѣтъ мнѣ нужды сказывать: всѣмъ оно довольно извѣстно, и читателю не трудно будетъ самому догадаться, къ чему клонятся мои мысли, и сравнивъ съ прочими, признаться, что и о семъ родѣ увеселенія тоже самое почти сказать можно, что и о прочихъ.

Всего вышеупомянутаго, надѣюсь, теперь довольно будетъ къ изъясненію

нію и доказательству моего правила, которое въ самомъ дѣлѣ конечно важнѣе, нежели оно съ перваго вида представлялось. И такъ ежели хотите вы, дорогой читатель, съ сей стороны умножить количество вашихъ увеселеній, то старайтесь, наблюдая сіе правило, пользоваться чувственными увеселеніями такимъ образомъ, какимъ велитъ вамъ сама натура, то есть умѣренно и не слишкомъ много, и притомъ дѣлая между оными упомянутой разборъ. Чрезъ сіе умножится несказанно количество вашихъ увеселеній; ибо въ семъ случаѣ многія прискучившія вамъ уже вещи получатъ прежнюю свою способность къ произведенію вамъ увеселенія, и вмѣсто того, что нынѣ вамъ вовсе нечувствительны, тогда васъ увеселять будутъ. Естьлижъ хотите, чтобъ онѣ вамъ еще болѣе увеселенія приносили и не такъ скоро прискучивали, такъ сопрягайте ихъ съ мысленными, также упражняйтесь при наслажденіи оными въ нѣкоторыхъ приличныхъ къ тому размышленіяхъ, о какихъ въ послѣдующемъ те-

перь пятомъ правилѣ упомянется. Сіе не допуститъ до того, чтобъ онѣ вамъ скоро наскучили, но паче поможетъ и произведетъ, что и простѣйшія и малыя увеселенія могутъ сдѣлаться для васъ великими и чувствительными. Но сего довольно уже о семъ правилѣ: пойдемъ теперь далѣе и посмотримъ, въ чемъ состоитъ пятое и послѣднее.

5.

Пятое и послѣднее правило, наблюденіемъ котораго мы увеселенія свои умножать, слѣдовательно благополучію своему споспѣшествовать можемъ, есть слѣдующее:

Наслаждайся увеселеніями всегда съ свѣдѣніемъ и многократнымъ размышленіемъ.

Сіе правило требуетъ не меньшаго объясненія и доказательства, какъ и прежнія, тѣмъ наипаче, что можетъ почесться весьма важнымъ и къ умноженію веселія нашего весьма дѣйствительнымъ и полезнымъ.

Можно по справедливости сказать, что сіе средство къ умноженію

веселій не всякому извѣстно. Оно состоитъ, такъ сказать, въ одной сокровенной хитрости, которой научаетъ насъ сама натура, а именно: въ томъ, чтобъ мы о каждомъ веселіи своемъ не только имѣли совершенное свѣдѣніе, но чрезъ посредство мыслей наслаждались имъ многократно и многоразлично, то есть, не только въ то время, когда оно дѣйствительно наступило и происходитъ, но и прежде еще того времени, равно какъ и послѣ; ибо изъ опытовъ примѣчаемъ мы, что веселіемъ можемъ трояким образомъ наслаждаться, а именно: вопервыхъ, еще за долго до того времени, какъ желанія наши дѣйствительно получатъ исполненіе, которое наслажденіе можно назвать предслѣдующимъ; вовторыхъ, въ то самое время, въ которое они исполняются, и такое можно назвать настоящимъ; втретьихъ, по прошествіи уже того времени, и сіе можно назвать послѣдующимъ.

Не льзя довольно изобразить, коль трояков сіе наслажденіе для насъ вы-

годно и полезно, а особливо первое и послѣднее. Сіи заслуживаютъ потому болѣе примѣчанія, что какъ настоящее наслажденіе, или собственное веселіе, не всегда зависитъ отъ насъ; ибо исполненіе нашихъ желаній не всегда состоитъ въ нашей власти, такъ напротивъ того оба другія, то есть предслѣдующія и послѣдующія, зависятъ собственно отъ насъ, и мы можемъ ими всегда, когда хотимъ, пользоваться.

Все искусство состоитъ въ томъ, чтобъ мы оное веселіе, или удовольствіе нашего желанія, заблаговременно и прежде еще того времени, какъ оно исполнится, какъ можно живѣе себѣ воображали въ мысляхъ, въ надеждѣ, что мы нѣкогда оное получимъ. Когда же оное наступило и желаніе наше въ дѣйствительномъ исполненіи, то наслаждались бы онымъ не просто, а съ свѣдѣніемъ и разсужденіемъ объ ономъ; наконецъ и по прошествіи онаго старались бы, оное напоминая, опять себѣ какъ можно живѣе воображать. Все сіе будетъ напаять

душу

душу нашу такою сладостію, которую изобразить не можно, и я то только скажу, что такое-то трояко наслажденіе и достойно только называемо быть прямымъ наслажденіемъ.

Чтобъ сіе лучше изъяснить, то изслѣдуемъ всѣ сіи разные роды наслажденія по одиначкѣ и начнемъ съ предслѣдующаго.

Что воображеніе предбудущаго исполненія нашихъ желаній насъ веселитъ и сердца наши радостію напаять можетъ, въ томъ, думаю, никто со мною спорить не станетъ. Кому не извѣстна сія истинна, и кто не испыталъ ее много разъ въ своей жизни опытомъ? Что касается до меня, то я о семъ родѣ наслажденія такого мнѣнія, что почитаю его преимущественнѣе еще почти самаго настоящаго веселія, а особливо въ томъ разсудкѣ, что онымъ можемъ мы гораздо долѣе пользоваться, нежели настоящимъ, которое натурально очень кратковременно и скоротечно бываетъ. Разберите въ тонкость сами все происхо-

исхожденіе нашихъ надеждъ и ожиданій, примѣтьте дѣйствія, происходящія во все время ожиданія въ душѣ нашей, какъ вы сами на то согласитесь и скажете, что я правду говорю. Не до того ли времени мы всякою ожидаемою радостію и удовольствіемъ веселимся? Не до того ли наслаждаемся наиболѣе ею, покуда она еще не настала и покуда совершенія желанія нашего мы въ точности не увидимъ? Какъ же скоро оно совершится, то хотя въ то самое время и ощущаемъ въ себѣ пылкое удовольствіе и радость, но коль долго оно продолжается? Не съ самой ли той почти минуты начинаетъ оно по немногу уменьшаться; а не успѣетъ нѣсколько дней пройти, какъ уже и столько увеселенія мы не чувствуемъ, сколько чувствовали въ то время, когда того еще не получили, а питались только достовѣрною надеждою получить оное? Истинну сего не трудно бы доказать мнѣ множествомъ примѣровъ, естьлибъ была въ томъ какая надобность: довольно, когда одинъ, или два приведу

веду тому въ доказательство: возьмемъ, на примѣръ, такой случай, чтобъ намъ обѣщанъ былъ отъ кого нибудь пріятной подарокъ, и мы бы того нѣсколько времени ожидать принуждены были; или положимъ, что мы послали себѣ купить какую нибудь весьма намъ надобную вещь, которую мы давно уже съ нетерпѣливостію имѣть желали; не веселимся ли мы ею уже напередъ въ мысляхъ во все то время, въ которое ее ожидаемъ? Не ожидаемъ ли мы того, какъ нѣкоего благополучія, и не думаемъ ли получить тогда цѣлыя горы увеселеній? но какъ получимъ, то вѣрно и десятой доли того увеселенія не получимъ, какое себѣ воображали, да и то тотчасъ минуется. Чтожъ иное выдетъ изъ того, какъ не то, что наилучшую пользу имѣли мы отъ нее во время ожиданія оной? А такіе случаи и примѣры очень часто бываютъ.

Такимъ образомъ не должно намъ никогда упускать сего удобнаго средства къ умноженію нашихъ увеселеній,

но все, чего мы желаемъ и что съ нѣкоторою вѣроятностію получить надѣемся, надобно намъ заблаговременно и такъ часто, какъ намъ угодно, живѣйшимъ образомъ воображая, помышлять. Какъ мы будемъ тогда довольны, какъ веселы, и какія получимъ отъ того пользы и выгоды, какъ то получимъ и желаніе наше совершится! Чрезъ что будемъ мы въ состояніи еще прежде полученія ею довольно навеселиться.

Симъ образомъ можно хотя намъ полученіемъ всякихъ вещей мысленно напередъ веселиться, однако легко можно заключить, что долгъ и благоразуміе велитъ пользоваться намъ средствомъ въ разсужденіи только добрыхъ, или по крайней мѣрѣ позволительныхъ желаній. Въ противномъ же случаѣ естьлибъ похотѣли мы симъ образомъ веселиться будущимъ исполненіемъ нашихъ худыхъ желаній, то была бы самая глупость; ибо тѣмъ поострилибъ мы себя пуще ко злу и умножилибъ негодное стремительсто. И какъ отъ того не

не инако, какъ худыя слѣдствія произойти и намъ во вредъ служить могутъ, то не только не надобно намъ льстить себя хорошею надеждою, но когдабъ и мысли къ тому сами появились, то надлежитъ преклонять ихъ тотчасъ на другой предметъ, или того еще лучше, воображать себѣ всѣ предъ исполненіемъ онаго могущія случиться препятствія и невозможности и сопряженныя съ тѣмъ для насъ досады и неудовольствія, равно какъ и всѣ вредныя для насъ слѣдствія, могущія произойти отъ того, хотябъ то исполнилось. Чрезъ сіе средство можемъ мы уменьшить въ себѣ много къ тому желаніе и нечувствительно споспѣшествовать своему исправленію. Но какъ ласканіе себя надеждами исполненіемъ худыхъ желаній для насъ вредно, такъ напротивъ того полезно живое воображеніе исполненія добрыхъ и богоугодныхъ; ибо чрезъ то можемъ мы не только веселиться, но получать нечувствительное поощреніе къ исполненію добродѣтелей, особли-

бливо же когда мы, послѣдуя сему правилу, изберемъ себѣ для воображенія предметомъ полученіе будущей блаженной и безконечной жизни, и ее себѣ часто и какъ возможно живѣе воображать станемъ. Не льзя довольно изобразить, коль многоразличныя пользы можетъ принесть частое размышленіе и живое воображеніе оной и всѣхъ обѣщанныхъ намъ выгодъ и преимуществъ. Я то только скажу, что сіе можетъ составлять весьма важной и лучшайшій источникъ нашихъ увеселеній, и одно изъ наидѣйствительнѣйшихъ средствъ къ снисканію благополучія. Для которой собственно причины и уважается толь много въ священномъ писаніи надежда, и толь часто подтверждается, чтобъ мы оную неотмѣнно имѣли.

Что касается до втораго пункта, или до настоящаго веселія и наслажденія, то оно несравненно будетъ болѣе, когда мы оное съ сведѣніемъ и размышленіемъ сопрягать станемъ. Подъ словомъ свѣдѣнія разумѣю я то, чтобъ мы сами въ себѣ были свѣдо-

мы о томъ, что мы наслаждаемся исполненіемъ нашихъ желаній. Сіе покажется можетъ быть многимъ удивительно, и совсѣмъ излишнимъ и нестоющимъ упоминанія дѣломъ: они легко сказать могутъ, что мы и безъ напоминанія сего довольно о веселіяхъ своихъ свѣдомы, и не уже ли мы такіе скоты, чтобъ и того не знали, что мы веселимся? Такъ, отвѣтствую я, это правда, однако и то не ложно, что не при всѣхъ случаяхъ сіе бываетъ, но часто случается, что мы и безъ всякаго почти свѣдѣнія находимся въ веселіи и чрезъ то величину онаго на половину только чувствуемъ. Къ совершенному свѣдѣнію того одного недовольно, чтобъ мы знали, что веселимся, но надобно притомъ и мыслить и дѣлать приличныя къ тому размышленія. Естьли спросятъ меня, о чемъ же такомъ надобно мыслить, и что за размышленія тутъ дѣлать, весьма многоразличныя, отвѣтствую: вопервыхъ, надобно вспомнить, что желанія наши исполнились, и что мы имѣемъ теперь причину

быть

быть тѣмъ довольнымъ и благодарить за то Бога. Вовторыхъ, надобно воображать себѣ всѣ тѣ препятствія, которыя дѣйствительно были и благополучно миновались, или которыя могли случиться и всѣ желанія и старанія уничтожить, да не случились, и намъ удалось ихъ избавиться. Втретьихъ, надобно себѣ живѣйшимъ образомъ воображать всѣ тѣ выгоды, пользы и преимущества, которыя мы чрезъ исполненіе нашего желанія получили. Вчетвертыхъ, надобно себѣ воображать всю ту досаду и неудовольствіе и весь могущій намъ произойти вредъ тогда, естьлибъ паче чаянія то за чемъ нибудь не совершилось. Впятыхъ, помышлять о томъ, коль много есть людей, которые подобнаго сему успѣха не получаютъ и такимъ увеселеніемъ не пользуются, и такъ далѣе.

Симъ и подобнымъ сему образомъ надобно всегда всякой щастливой случай, такъ сказать, вдоль и поперегъ разсматривать и объ ономъ размышлять. Польза конечно произойдетъ

отъ

отъ того великая и многообразная; ибо, вопервыхъ, всѣ такія размышленія будутъ невѣдомо какъ чувствуемое нами тогдашнее увеселеніе умножать и увеличивать, и тогда лишь только можно сказать, что мы онымъ прямо наслаждаемся; вовторыхъ, щастливая удача въ исполненіи нашихъ желаній будетъ поощрять насъ къ благодарности къ общему всѣхъ произшествій въ свѣтѣ Властителю, то есть къ нашему Создателю, Которой бы легко могъ до того не допустить, естьлибъ Ему то только было угодно; втретьихъ, умножать любовь и благодарность къ тѣмъ людямъ, которые въ томъ имѣли, напримѣръ, содѣйствіе, и къ тому чѣмъ нибудь помогли, и прочее тому подобное.

Но ни въ которомъ случаѣ наблюденіе сего правила намъ такъ не нужно, какъ въ разсужденіи свѣдѣнія и помышленія о настоящемъ нашемъ благополучіи. Въ семъ случаѣ мы всего чаще погрѣшаемъ, и чрезъ то упускаемъ изъ рукъ наивожделѣннѣйшій поводъ къ пріятнѣйшему удоволь-

вольствію и увеселенію. Коль много такихъ, которымъ тысячи резоновъ есть состояніемъ своимъ быть довольными и веселиться! но они всего меньше имъ довольствуются и веселятся, а паче почитаютъ себя нещастными, и горюютъ, для чего имъ того и того еще не достаетъ. Но ничегобъ сего не было и все гореваніе ихъ обратилось бы въ радость и веселіе, естьлибъ они только той погрѣшности не дѣлали, что никогда не хотятъ о настоящемъ своемъ состояніи такъ помышлять, какъ надобно, а помышляютъ такъ, какъ не должно.

Знаю, что найдутся такіе, которымъ сіе покажется непонятно, и они похотятъ вѣдать, какъ это такъ и какимъ же образомъ они не такъ помышляютъ? . . . Съ охотою моею на сіе имъ отвѣтствовать буду, тѣмъ паче, что сіе весьма важнымъ и примѣчанія достойнымъ обстоятельствомъ почесться можетъ. Вся помянутая и великая ихъ погрѣшность состоитъ въ томъ, что

они

они привыкли всегда смотрѣть вверьхъ, а не внизъ себя. Отъ сего самаго не знаютъ и не ощущаютъ они благополучія своего, и отъ того самаго щитаютъ себя и нещастными. А ежелибъ смотрѣли обратно не вверьхъ, а внизъ, то вѣрно бы иное вышло, и онибъ дни свои въ веселіи и благополучіи провождали. Чтобъ изъяснить, что такое вверьхъ и внизъ значитъ, то скажу, что общая у насъ всѣхъ и наивредительнѣйшая привычка есть размышлять только о томъ, чего мы не имѣемъ, и что у другихъ людей есть, которыхъ мы себя почитаемъ щастливѣйшими; о томъ же, что у насъ есть, а у другихъ и нещастнѣйшихъ насъ нѣтъ, мы ни слова не упоминаемъ, вмѣсто того, чтобъ о семъ только помышлять, а о первомъ ни слова упоминать не надлежало. Сіе-то значитъ внизъ, а не вверьхъ смотрѣть, и я не могу довольно изобразить, коль важно для насъ наблюденіе сего краткаго правила. Коликихъ бы неудовольствій избавились мы при на-

блюденіи онаго, какое бы великое множество желаній могло въ насъ тогда либо насыщено, либо усмирено быть, естьлибъ мы, разсуждая о всѣхъ своихъ выгодахъ и преимуществахъ въ подробности, слѣдующимъ, на примѣръ, образомъ сами съ собою говорить и разсуждать начали: вотъ это да это у меня есть, симъ да тѣмъ я наслаждаюсь, не долженъ ли я благодарить за то Создателя моего? . . . Сколько милліоновъ людей есть, которые всего сего не имѣютъ, и за великое бы щастіе почли, естьлибъ могли на моемъ мѣстѣ быть. Со всѣмъ тѣмъ не такіе же ли они люди, какъ я? Не равныя ли со мною во всемъ созданія? Для чегожъ они не таковы щастливы, какъ я, и кто тому причиною, что я имѣю предъ ними толь многія выгоды? Не могъ ли я въ такомъ же чинѣ и состояніи родиться, какъ они? Не могъ ли и я въ такихъ же бѣдныхъ и нужныхъ обстоятельствахъ находиться, какъ сіи бѣдные и нещастные? Самъ ли я благополучію моему виновникомъ, и себѣ ли одному

за

за все то обязанъ и благодарить долженъ, что я имѣю. Правда, пускай я нажилъ, пускай пріобрѣлъ то своими трудами и стараніями, но кто мнѣ далъ потребныя къ тому способности? Самъ ли я оныя себѣ пріобрѣлъ и такимъ родился, и не могло ль въ доставаніяхъ всего того случиться мнѣ тысячи препятствіямъ и меня до всего того не допустить. Не милостью ли я то долженъ почитать отъ Бога? Но чѣмъ я оную заслужилъ? И такъ далѣе.

Сіи и подобныя сему и часто предпринимаемыя разсужденія скоробъ довели насъ до того, чтобъ мы состояніемъ своимъ не толькобъ были довольны, но имъ бы радовались и веселились; а естьлибъ къ тому и о томъ размышленія пріобщали, что когда и сіе намъ даромъ и безъ заслуги дано, то имѣемъ ли мы справедливую причину негодовать, для чего у насъ еще болѣе и того да того нѣтъ: то скоробъ перестали желать лишнихъ прихотей, а польза отъ того произошла бы та, чтобъ то было Богу угод-

но, и Онъ не преминулъ бы насъ за то тѣмъ болѣе одарить земными благими, которыя бы намъ тогда были тѣмъ пріятнѣе, что былибъ неожидаемыя.

Что касается до третьяго пункта, или до наслажденія прошедшими увеселеніями, то и въ семъ случаѣ сошлюсь я на собственныя чувствія каждаго. Кому не извѣстно то изъ опыта, коль пріятное напоминаніе оставляютъ послѣ себя всѣ веселые наши прежніе дни и благополучные случаи? Не утѣшается ли духъ нашъ оными, когда мы ихъ себѣ въ подробности воображаемъ? Напомните только дни младенчества нашего: коль пріятны они намъ кажутся! Напомните другіе щастливые бывшіе съ вами случаи и обстоятельства, какъ во всемъ томъ удостовѣритесь и не потребуете дальнѣйшаго доказательства.

Но когда сіе справедливо, такъ кто же намъ мѣшаетъ приводить почаще на память себѣ всѣ сіи случаи, и веселясь оными, въ мысляхъ умножать

жать тѣмъ количество нашихъ увеселеній? Натура намъ сіе не возбраняетъ, толькобъ не былъ сей даръ всуе и на зло употребляемъ, какъ-то также легко случиться можетъ. Что сего остерегаться должно, о томъ не для чего мнѣ повторять: довольно уже о томъ говорено, что зло, зло и родитъ, а добра отъ него никогда не бываетъ.

Симъ окончу я объясненіе сего правила, а вкупѣ и всего сего противъ чаянія моего увеличившагося разсужденія о умноженіи увеселеній, и скажу въ окончаніе только то, что хотя ихъ немного и можнобъ найти еще нѣкоторыя, однако и сихъ, яко наиглавнѣйшихъ, довольно уже будетъ на первой случай. Теперь не излишнее, надѣюсь, будетъ, естьли я вамъ, дорогой читатель, для лучшаго незабвенія оныхъ напомяну ихъ краткими словами.

И такъ естьли хотите умножить количество вашихъ увеселеній, то 1) увеличьте въ себѣ любовь къ Богу и человѣкамъ; 2) пріучите себя къ мыслен-

мысленнымъ увеселеніямъ; 3) привыкайте къ неубыточнымъ и удобопріобрѣтаемымъ увеселеніямъ; 4) чувственными увеселеніями наслаждайтесь умѣренно; 5) пользуйтесь увеселеніями разнообразно и не менѣе будущими и прошедшими, сколько настоящими.

Вотъ пять источниковъ, изъ которыхъ можете почерпать вы во всякое время множество увеселеній, и вкупѣ тѣ пять соусовъ, о коихъ упоминалъ я въ моей аллегоріи. Теперь время перемѣнять уже кушанье и нести другія четыре блюда, кои можетъ быть не менѣе будутъ питательны, тѣмъ паче, что они существомъ своимъ нѣсколько подобны предслѣдующимъ, и въ нихъ по случаю много находиться будетъ и о томъ, что и кромѣ вышеписаннаго увеселенія наши умножать и тѣмъ степень благополучія нашего возвышать можетъ.

Конецъ второй части.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
30427-0

Инв. 2552

22
5b

